4
Л-64

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1983

Л-64

77395

Сборник представляет собой очередную публикацию в серии «Культура русской речи». Статьи сборника, сгруппированные в три раздела, посвящены актуальным проблемам становления и функционирования норм в лексике и фразеологии современного русского литературного языка, а также теоретическим проблемам нормативной лексикографии.

Ответственные редакторы:

доктор филологических наук

Л. И. СКВОРЦОВ,

кандидат филологических наук

Б. С. ШВАРЦКОПФ

Л $\frac{4602010000\text{-}106}{042(02)\text{-}83}$ 389—83—II © Издательство «Наука», 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга — очередная публикация из серии тематических сборников сектора культуры русской речи Института русского языка АН СССР под общим названием «Культура русской речи». Сборник посвящен проблемам становления и функционирования норм в лексике и фразеологии русского языка.

Нормы словоупотребления могут быть верно поняты и описаны только при учете их динамики и исторического движения. Поэтому сборник открывают статьи, посвященные исследованию закономерностей развития лексических норм в XIX в.: Е. П. Ходаковой «Народно-разговорная лексика и литературная норма (первая треть — середина XIX в.)» и Ю. А. Бельчикова «Литературное просторечие и норма» (последняя продолжает проблематику вышедшего в 1977 г. сборника «Литературная норма и просторечие»). В статьях Л. М. Грановской «Некоторые особенности развития словарного состава русского языка в 20-е годы XX в. и проблема нормы» и С. И. Виноградова «О социальном аспекте лексической нормы (Общественная оценка аббревиации и аббревиатур в 20-х—начале 30-х годов)» рассматриваются вопросы развития лексических норм в 20—30-е годы XX в.

Особое место в изучении лексических норм занимает проблема общественных оценок языковых средств; этому посвящена — наряду с указанной статьей С. И. Виноградова — статья Н. Г. Бабай «Проблема иноязычных заимствований в общественных дискуссиях о языке».

Двум специальным вопросам лексической нормы современного русского языка посвящены статьи Е. Г. Борисовой-Лукашанец «О лексике современного молодежного жаргона (Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60—70-х годов)» и Н. Г. Михайловской «Варианты «безэквивалентной» («экзотической») лексики».

Вопросы семантических отношений в синонимическом ряду рассматриваются в статье А. Б. Пеньковского «Из наблюдений над развитием лексико-семантических норм в одном синонимическом ряду наречий».

Исследованию специфики норм фразеологического состава современного русского языка посвящена статья Б. С. Шварцкопфа «Морфологическая норма фразеологической единицы и вариантность», закономерностям функционирования фразеологических единиц — статьи А. А. Брагиной «Устойчивые словосочетания и живая норма современного языка» и В. А. Ицковича и Б. С. Шварцкопфа «К типологии формальных отклонений от фразеологической нормы».

Теоретические проблемы нормализации и лексикографического описания словарного состава современного русского языка рассмотрены в статье Л. И. Скворцова «Вопросы нормативной лексикографии (Состояние и перспективы)». Ее положения иллюстрируют обзоры нормативных лексикографических источников за последние два десятилетия (до 1976 г. включительно), выполненные Е. А. Вологдиной и Н. В. Новиковой.

Естественно, что изучение специфики литературной нормы в области лексики и фразеологии не исчерпывается поставленными здесь проблемами, решение которых требует в свою очередь ряда специальных исследований. Способствовать этому — задача настоящего сборника.

Авторы выражают благодарность рецензентам доктору филологических наук А. Н. Кожину и кандидату филологических наук Н. Н. Кохтеву, сделавшим ценные замечания при чтении рукописи сборника.

I. НОРМА В ЛЕКСИКЕ. СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

НАРОДНО-РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА И ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА (первая треть—середина XIX в.)

Е. П. Ходакова

В современном русском языке многие экспрессивно окрашенные слова, имеющие своим источником разговорную речь [1], свободно функционируют за пределами обиходно-бытового общения, что дает основание исследователям включать их в состав литературного языка. «Все, что используется в литературном языке и является для данного времени общепринятым в его письменной и устной разновидностях, — пишет Ф. П. Филин, — принадлежит его системе. Такие слова и выражения, как *канючить. . . на карачках*, *карачун*, *карга* (бранное название старухи), *капут*, *катнуть* (съездить, поехать), *каркать* (предсказывать неприятности, беду), *карманник*, *каюк* и т. д. и т. п., которые в современных толковых словарях дружно определяются как просторечные, в определенной ситуации может употребить любой самый образованный человек, они обычны в художественной литературе и в других разновидностях общепринятой литературной речи. Вывести их за пределы литературного языка означало бы лишить наш язык средств сниженной, непринужденной речи» [2].

Примером широкого использования слов, подобных приведенным выше, в научных исследованиях и критических высказываниях могут быть статьи Б. В. Тома-

[1] В научной литературе их называют различными терминами, например: «экспрессивное просторечие», «литературное просторечие», «литературно-разговорная речь».

[2] *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.). Доклады советской делегации. М., «Наука», 1973, с. 373.

шевского и замечания А. В. Луначарского. «Такими совмещениями параллельных редакций *кишат* (здесь и далее курсив наш. — *Е. Х.*) издания пушкинских черновиков», — писал Б. В. Томашевский, подчеркивая словом *кишеть* нежелательность такого совмещения [3]. См. также замечания того же автора в контекстах полемического характера: «лирика намечает вехи для биографической гипотезы. . . лирических высказываний как прямых свидетельств ничем не *объехать*»; «надо лишь уметь положить твердую границу между конъектурным чтением и произвольной *отсебятиной*» [4]. В высказывании А. В. Луначарского можно встретить переносное употребление слов, первоначально связанных с портняжным ремеслом: [Антуан] не постеснялся *урезать* пьесу и *перекроить* ее (О театре).

Эти и аналогичные им слова не всегда имели доступ в письменный язык. В течение длительного времени они, будучи специфической принадлежностью разговорной речи, противопоставлялись книжным словам и вовлекались в литературные источники очень ограниченно. Их права стали расширяться тогда, когда начал складываться новый язык литературы и культуры на национальной основе.

В XVII в. — на ранних этапах формирования национального русского литературного языка — живая разговорная речь его носителей не была нормированной: «Нормы — еще очень зыбкие в период существования народности — замыкаются в то время в узких пределах письменно-литературного языка и не оказывают заметного влияния на общенародный язык и его диалектные ответвления» [5]. Процесс нормализации почти не затронул разговорную речь и в XVIII в.

В отличие от XVIII в., когда наряду со «стремлением расширить пределы литературного языка, оживить и

---

[3] *Томашевский Б. В.* Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925, с. 48.

[4] Там же, с. 68, 45.

[5] *Виноградов В. В.* Вопросы образования русского национального литературного языка. — ВЯ, 1956, № 1, с. 5. Эта мысль развивается также в работах: *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958; *Он же.* Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. М., 1963.

разнообразить формы его выражения. . . продолжают сохраняться пережиточно старые, идущие еще от начала XVIII в., тенденции неразборчивого пользования любыми средствами разговорного языка» [6], первая треть XIX в. входит в историю русского литературного языка как эпоха упорядочения словоупотребления: «резко возрастает авторитет литературных норм. . . стихийность если не полностью, то в значительной мере заменяется установкой на правильность, образцовость норм» [7]. Это было обусловлено ориентацией писателей на создание языка литературного как языка культуры, науки, образованности и просвещения.

В это время, обычно называемое пушкинской эпохой, в формировании словарного состава русского литературного языка заметно возрастает — по сравнению с предшествующим периодом — роль народно-разговорной лексики. Названный процесс стал возможен отчасти и потому, что в самом составе разговорных слов, а также в их функционировании в литературе в первой трети XIX в. происходит значительный сдвиг. Одним из свидетельств такого сдвига является усиление процесса «расслоения» разговорной лексики на приемлемую и неприемлемую в образованных кругах, что наглядно подтверждают стилистические характеристики — пометы САР [8] «просторечное» и «простонародное». Введением этих помет составители $САР_{1,2}$ — образованнейшие представители русского общества конца XVIII в. — указывают на то, что они отличают разговорные слова, свойственные речи «простонародья», от слов, характерных для «простой» (т. е. разговорной) речи любого человека, включая и самого образованного [9].

---

[6] *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.). — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 1. М.—Л., 1949, с. 113.

[7] *Филин Ф. П.* О языковой норме. — В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах (Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам 22—25 октября 1974 года). М., 1976, с. 11—12.

[8] См. Принятые сокращения в конце сборника.

[9] Известно, что Словарю Академии Российской не удалось последовательно осуществить разграничение названных разрядов лексики. См.: *Сорокин Ю. С.* Указ. соч.

Формирование национального русского литературного языка, совпавшее с усилением процесса социального размежевания в обществе, активизирует начавшийся в XVIII в. процесс дифференциации разговорной лексики и в литературной практике. Наиболее полное и яркое воплощение этот процесс находит в творчестве Пушкина. В пушкинское время более четко, чем прежде, определяется положение как отдельных слов, так и целых лексических групп по отношению к литературной норме. Некоторые народно-разговорные слова отвергаются как не соответствующие нормам литературного языка. Многие языковые элементы воспринимаются как допустимые в литературной речи, но сфера их употребления ограничена. Наконец, значительная часть народно-разговорных и обиходно-бытовых слов все шире входит в литературный оборот и постепенно утверждается в языке на правах вполне нормативных лексических элементов. Описанию этих групп слов и посвящена статья.

Известно, что главной сферой, в которой создавались нормы русского литературного языка в первой трети, а отчасти и в середине XIX в., был язык художественной литературы. Именно художественная литература названной эпохи явилась той лабораторией, в которой проходила кодификация норм литературного языка и определялись границы применения слов, принадлежащих генетически разным слоям лексики. Естественно поэтому, что в данной работе основными источниками исследования являются сочинения Жуковского, Пушкина, Боратынского, Вяземского, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Герцена, Л. Толстого и др., произведения менее известных писателей (И. Кокорев, А. Дружинин, М. Михайлов) и некоторые критико-публицистические работы (Пушкин, Белинский, Гончаров, Добролюбов). По отдельным словам использовались материалы, представленные в картотеке Словарного сектора Института языкознания АН СССР. Учет произведений разных авторов и разных жанров помогает выявить некоторые общие черты, отражающие формирование в литературном языке определенных тенденций и традиций словоупотребления.

Народно-разговорная лексика и ее отношение к литературной норме в первой трети XIX в.

Выявление особенностей функционирования слов из народно-разговорной и обиходно-бытовой речи в литературе первой трети XIX в. свидетельствует о сдвиге, происходящем в лексической норме. Некоторые «просторечные» и «простонародные» слова, функционировавшие в XVIII в. в «низких» жанрах, а также в мемуарах и частной переписке, отвергались как неприемлемые для языка. Они, очевидно, ощущались как резко «грубые», «низкие» и вообще не использовались в литературе пушкинской поры. Это, например: *гайтан* 'шнурок', *гомон* (в $САР_1$: «мятеж, молва, шум»), *охреян* (в $САР_2$: «слово низкое; значит необразованного, грубого человека»), *очестливый* 'вежливый', *шалбер* 'шалун'. Не встречаются, например, у Пушкина и такие слова, как *кропать* 'шить' (поэт допускает только переносное употребление этого глагола), *ономедни* 'совсем недавно', *собить* в ($САР_1$: «беречь для себя или для кого другого еще. *Он собит все детям*») [10]. Все эти и другие подобные слова не стали достоянием литературного языка [11]. Единственное, пожалуй, исключение из слов, не привлекавшихся Пушкиным, составил глагол *охотиться* [12], впоследствии утвердившийся в литературном языке.

Показательно в этой связи, что Пушкин и писатели его круга отказались как от слов типа *стрякотки-блякотки*, *замормочет*, безвозвратно ушедших из языка, так

---

[10] Некоторые из приведенных слов еще встречаются во второй половине XIX в. Например, глагол *кропать* в первоначальном значении отмечен в «Обрыве» И. Гончарова и у Ф. Решетникова (Меж людьми); наречие *ономедни* вводится В. Соллогубом в речь ремесленника (История двух калош); глагол *собить* еще возможен в разговорной речи середины XIX в. (об этом пишет К. Аксаков в рецензии на «Историческую грамматику русского языка» Ф. И. Буслаева).

[11] При формировании норм русского литературного языка наблюдается отказ и от заметного слоя книжно-славянских архаизмов.

[12] Как известно, Пушкин считал «погрешностью против языка» употребление глагола *охотиться* вместо *ездить на охоту*, *пользовать* вместо *лечить*, полагая, что они «принадлежат языку дурного общества» (*Пушкин А. С.* Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина. . . —Полн. собр. соч., т. 11. М., 1949, с. 93. В дальнейшем все цитаты из произведений Пушкина даются по этому изданию).

и от слов типа *костить*, *на фу-фу*, проникших в «низкие» жанры в конце XVIII в., но укрепившихся в литературном языке уже в послепушкинский период (об этих словах см. ниже). Освобождение бытовой разговорной струи от крайностей простой речи приблизило разговорную речь к нормам литературного словоупотребления.

В пушкинскую эпоху, для которой характерен отбор языкового материала с точки зрения его нормативности, часть лексических единиц разговорного источника не получила еще полных прав литературного гражданства. Отдельные народно-разговорные слова были ограничены в своем употреблении жанрово-стилистически и использовались лишь в строго определенных контекстах: в мемуарах, дружеских письмах, дневниках, в малых стихотворных жанрах (эпиграммы, альбомные надписи, небольшие шутливые стихотворения), а также в художественной прозе только как характерологическое средство.

Узкая сфера функционирования характерна, например, для глагола *кишеть*. Судя по материалам Картотеки Сл. рус. яз. XVIII в., он проникает в литературу в самом конце XVIII—нач. XIX в. САР помещает его без стилистической пометы, но указывает на ограниченность применения — только в отношении «мелких гадин». Такое употребление отмечено в литературе: Ты видел, как в степи средь зною Огромных змей стога *кишат* (Державин, На возвращение гр. Зубова из Персии); ср. также в составе устойчивого словосочетания: Развелось блох такое великое множество, что . . . везде их *кишмя кишит* (Березайский, Анекдоты древних пошехонцев). В начале XIX в. появляются случаи и иного употребления глагола *кишеть* — в значении 'быть наполненным кем-чем-н.' (с обязательным последующим дополнением в твор. падеже), например: Двор резвыми *кишит* рабами (Державин, Похвала сельской жизни).

В 20—30-е годы XIX в. закрепляется использование глагола *кишеть* в основном значении и применительно к людям, но в контекстах разговорного характера: И пышнопестрыми рядами В нем дамы с франтами *кишат* (Полежаев, Сашка); Когда я приехал в Кишинев. . .народ *кишел* уже в нем (Вельтман, Воспоминания о Бессарабии) [13].

---

[13] В конце 30—40-х годов глагол *кишеть* в этом значении получает очень широкое распространение, исчезает его стилистическая

Только в контекстах, отражающих разговорную речь, встречается слово *плёвый* (преимущественно в составе выражения *плевое дело*) [14]: Дают тебе пятьдесят крестовиков за самое *плевое дело*, а ты еще кочевряжишься (Загоскин, Кузьма Рощин). Выражение *плевое дело* употребляется также в составе сказуемого в значении 'совсем легко, ничего не стоит': И доказать им, что подвиг Леандра *плевое дело* и что красоте нисколько не следует гордиться этой данью (Вяземский, Письмо к С. Н. Карамзиной из Буюкдере) [15].

На правах стилистически ограниченных средств используются в литературе также слова: *битком* (только в выражении *набить битком*), *взапуски*, *доконать*, *дрыгать*, *завалиться* 'лечь для отдыха', *зубоскал*, *отодрать* 'высечь', *разиня*, *страх* (нареч. 'чрезвычайно'), *уломать* 'с трудом уговорить согласиться на что-н.', *тряпье*, *тягаться* и др.[16]

прикрепленность: Народ *кишит* в монастыре (Лермонтов, Боярин Орша); Еще не успело развестись племя фельетонистов и хроникеров, которое теперь *кишит* повсюду (Тургенев, Дворянское гнездо). Используется это слово и переносно: У большинства женщин снаружи господствовала условная мораль — а втихомолку жизнь *кишела* (Гончаров, Мильон терзаний), а также в составе устойчивого сочетания: Гости в доме *кишмя кишат*, От восторга еле дышут (Некрасов, Сказка о том, как царь Елисей. . .). Ср. употребление в конструктивно ограниченном значении 'быть наполненным кем-чем-л.': Зала публикой *кишит* — Все тузы акционеры (Некрасов, Современники); Современная действительность кипит такими героями, вернее сказать *кишит* Иванами Васильевичами (Белинский, Тарантас).

[14] Слово *плёвый* издавна было известно в русском языке. Оно зарегистрировано еще в Рукописном лексиконе первой половины XVIII в. (с. 273), в $САР_2$ приводится с пометой «простореч.» и определением: «ничего не значащий, не стоящий, маловажный» (ч. 4, стб. 1114).

[15] В аналогичных контекстах (обычно в сочетаниях с существительными *служба*, *дело*) используется слово *плёвый* и в послепушкинский период: Топор сломал. Раздумался Мужик над топором. . . «Подлец ты, не топор! Пустую службу, *плевую* И ту не сослужил» (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо); Что же, нечего делать: отвели в лазарет. . . Да *плевое* дело. И костыля не надо (В. Соллогуб, Тарантас). См. также в составе сказуемого: . . . отпечатать 50 экземпляров особо той или другой статьи — дело *плёвое* и не стоящее издателю ни хлопот, ни траты (Белинский, Письмо к А. И. Герцену, 6 февр. 1846 г.).

[16] Подробнее о словах этой группы см.: *Ходакова Е. П.* «Просторечная» и «простонародная» лексика в стилистически ограниченных контекстах. — В кн.: Экскурсы в историю русской лексики. М., 1978.

Хотя в период активного становления норм литературного языка слова этого лексического слоя и не были еще приняты в общелитературном употреблении, важно, что они используются ведущими писателями как в художественных произведениях (пусть только с определенными стилистическими целями), так и в эпистолярных жанрах, которые в пушкинскую эпоху приобретают права литературности. Наличие ряда таких слов в художественных произведениях и переписке выдающихся писателей и литераторов способствовало как выделению их в целом из общего, довольно обширного потока просторечия XVIII в., так и расширению в дальнейшем сфер их применения, что привело в конечном счете к закреплению части этих слов в литературном языке (см. об этом ниже).

В стилистически ограниченном слое лексики выделяются также слова, употребительность которых явно сокращалась. Если в конце XVIII в. часть их функционировала и в разговорной и в книжной речи [17], то в первой трети XIX в. сферы употребления этих слов в литературном языке начали сужаться. Так, существительное *недосуг* (в функции сказуемого со значением 'нет времени') встречается редко и в ограниченных контекстах. Предпосылки для оттеснения или некоторого сокращения употребительности этого слова возникли в результате утверждения в литературном языке «просторечного», по $САР_2$, эквивалента *некогда* 'нет времени' (в значении сказуемого). В пушкинское время слово *некогда* функционирует как вполне нейтральное. Его находим в стихотворных текстах, в драматических произведениях, в художественной прозе, в критике и публицистике, в переписке дружески непринужденной и официальной: То выронит она платок; Поднять ей *некогда* (Пушкин, Евгений Онегин); Жизнь коротка; перечитывать *некогда* (Он же, Опровержение на критики); см. также письма В. Жуковского к А. Х. Бенкендорфу, Н. И. Гнедичу, В. В. Измайлову и др. Нейтральное для современного языка *нет времени* используется еще совсем редко и только в письмах: у Пушкина — начиная с 1828 г., у В. Жуковского — в письмах середины 40-х годов.

Показательна для этого времени судьба некоторых других синонимичных пар слов. Продолжая функциони-

[17] См.: Очерки истории русского литературного языка XIX в. (Проспект). М., 1956, с. 27.

ровать в литературном языке, отдельные члены синонимического ряда ограничены в своем употреблении количественно, различаясь иногда и стилистически. Например, глагол *наскучить* оттесняется синонимичным ему *надоесть*, который завоевывает себе место в литературном языке. Глагол *полюбиться* всречается реже, чем *понравиться*. Такое же соотношение между *потчевать* и *угощать*. Количественные ограничения распространялись также на ряд наречий, местоимений и предлогов. Слово *вчерась* в пушкинский период хотя и допускается в речи образованных людей наряду со словом *вчера*, но явно утрачивает «равноправие». Показательно количественое соотношение: *вчерась* отмечено у Пушкина 5 раз, причем 2 раза в речи персонажей, 2 раза в письмах, а наречие *вчера* — в 126 случаях: в стихотворениях, в художественной прозе, в статьях и письмах. Слово *намедни*, еще встречающееся в разнообразных контекстах, начинает вытесняться словом *недавно* (у Пушкина — 8 раз при 112 случаях употребления слова *недавно*); *отколе* (*отколь*) 'из какого места' встречается у Пушкина трижды, а *откуда* в совпадающем значении — 21 раз. Наречие *вечером* заметно превалирует в употреблении над *ввечеру*, слово *утром* встречается значительно чаще, чем *поутру*, а предлог *кроме* — несравненно чаще, чем *окроме*.

Некоторые из сокращающихся в употреблении слов постепенно переходят в разряд устаревших, другие, становясь ненормативными, все реже привлекаются авторами, а затем окончательно выходят из литературного употребления.

В начале XIX в. процесс становления норм литературного словоупотребления сопровождается разграничением и самих слов на нормативные и ненормативные. Некоторые слова воспринимаются носителями литературного языка как противопоставленные нормативным. Внешними приметами таких употреблений слов нередко выступают кавычки, шрифт (курсив, разрядка), авторское пояснение использованного слова или выражения, отнесенность его к иной речевой стихии, переданной несобственно-прямой речью, репликой персонажа и т. п. Например, С. Жихарев в «Записках современника» употребляет выражение *куда зря* (см. об этом слове ниже), но с прибавлением слов «как говорят». Среди ненормативных встречаются и не обладающие экспрессией слова типа *родимый* (обычно в обращении), и экспрессивно окрашенные. Отказавшись от

употребления подобных слов как средства номинации, авторы вовлекают их в свою речь, а также в художественные тексты ради шутки, иронии и т. п. Так употребляются у Пушкина слова *зюзя* (в составе выражения *как зюзя* с определением *пьяный* — о человеке, напившемся допьяна), *шаромыжник*: И то сказать, что и в сраженьи Раз в настоящем упоеньи Он отличился, смело в грязь С коня калмыцкого свалясь, Как *зюзя* пьяный (Евгений Онегин); Легко за собою приучить бегать холостых *шаромыжников* (Письмо к Н. Н. Пушкиной, 30 окт. 1833 г.).

Именно эта группа слов положила начало становлению просторечия как нормативно-стилистической категории. Она формировалась из разряда слов, которые обычно не употреблялись в речи образованных лиц, но могли привлекаться ими с целью придать речи шутливый, иронический, грубоватый и т. п. оттенок [18].

В то же время продолжается интенсивное обогащение лексики русского языка словами народно-разговорной и «простой» речи. Значительную часть лексем, вошедших в литературный язык в пушкинский период, составляют слова, имеющие более или менее длительную традицию употребления в литературе. Однако в характере их функционирования в первой трети XIX в. по сравнению с XVIII в. есть существенное отличие, связанное с происходившими

---

[18] Среди исследователей пока еще нет единого мнения о том, что́ следует понимать под просторечием. Это отчасти вызвано различным подходом к лексике. Так, с точки зрения генетико-исторической основным является вопрос о речевой закрепленности слова за той или иной группой населения, с точки зрения нормативной — о соответствии или несоответствии того или иного слова нормам литературного языка, с точки зрения стилистической — об условиях употребления слова и его функции в контексте (в тех или иных жанрах). Вследствие различного понимания термина «просторечие» в лексикографической практике часто пометой «просторечное» объединяются принципиально разные стилистические средства. См. об этом: *Рахманова Л. И.* О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка. — В кн.: Вопросы стилистики. Сб. статей к 70-летию со дня рождения проф. К. И. Былинского. М., 1966; *Скляревская Г. Н.* О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное». Автореф. канд. дис. Л., 1973; *Макарова Л. П.* Современные представления о просторечии в лексикологии и лексикографии. М., 1978; *Кузьмина Г. Ф.* Стилистические и семантические особенности разговорной лексики (по данным толковых словарей русского языка). Автореф. канд. дис. М., 1980.

в русском литературном языке и в русской литературе этого времени качественными изменениями.

В XVIII в. художественная литература не имела достаточно большого удельного веса среди памятников письменности. Ю. С. Сорокин, основываясь на данных сводного каталога русской книги XVIII в., приходит к выводу, что «книги повествовательного характера, поэтические сборники и т. д. (включая многочисленные переводы) составляют едва ли более $^1/_5$ или $^1/_4$ всего числа вышедших за это столетие книг» [19]. Естественно, что художественная литература в XVIII в. не заняла еще того места в жизни общества, которое она приобрела позже. В пушкинский период в литературу вошла плеяда талантливых и высокообразованных писателей, что позволило ей превратиться в сфере общественного сознания в могучую силу. Русская литература, овладевшая к середине XIX в. мастерством реалистического показа действительности, активно содействует выработке норм русского литературного языка.

Возросшая роль литературы и быстрое массовое распространение всего того, что выходило из-под пера наиболее видных деятелей культуры пушкинской эпохи, естественно, способствуют активизации многих слов разговорного источника, известных в XVIII в. В литературный язык входят в пушкинскую эпоху и слова «новые», не имевшие традиции письменного употребления, хотя они, разумеется, существовали в народно-разговорной речи, подтверждением чему может служить фиксация их в Сл. Даля.

В первой трети XIX в. с большей четкостью определился круг тех слов, которые включаются в литературный язык в качестве обычных, нормативных языковых единиц. Среди них следует в первую очередь назвать слова, о перемещении которых из разряда «просторечных» в литературные говорят сопоставительные данные $САР_1$ и $САР_2$. Во 2-м издании словаря составители дают ряд слов без тех ограничительных помет, которые в 1-м издании указывали на стилистически сниженный их характер («простореч.», «простонар.»). Так, в $САР_2$ снимается помета

---

[19] *Сорокин Ю. С.* О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 11.

«в просторечии» у слов (или отдельных их значений): *заносчивый*, *заплатить* ‘воздать’, *клюка* (и *ключка*), *молодежь*, *молча*, *накануне*, *пасмурный* ‘невеселый, хмурый’ и др.; помета «простонар.» снимается у слов *затевать — затеять*, *знать* (сущ.), *зубастый* ‘имеющий большие зубы’, *морочить* (помета при слове *обморочить*) и др. Очевидно, что приведенные слова перестали восприниматься носителями литературного языка как сниженные.

Употребление перечисленных слов в литературе первой трети XIX в. подтверждает правомерность их характеристик в $САР_2$. Эти слова (за немногим исключением) можно обнаружить в произведениях самых различных литературных жанров и в переписке. Так, к слову *молча*, по данным Сл. яз. Пушкина, писатель обращается 93 раза в самых разнообразных контекстах: в стихотворениях и поэмах, в драматических произведениях, в художественной и исторической прозе, в критике и публицистике. Широкие сферы функционирования характерны для слов *накануне*, *молодежь* ‘молодое подрастающее поколение’ и др.

Часть названных выше слов хотя и не столь употребительна, но также используется в текстах различных жанров, что позволяет считать их литературными. Так, глагол *морочить* вводится в критико-публицистические статьи: Другие гневаются, думая, что автор *морочит* их (Вяземский, Языков и Гоголь) — и в поэтические тексты: Бывало, он трунил забавно, Умел *морочить* дурака И умного дурачить славно (Пушкин, Евгений Онегин). Слово *пасмурный* ‘невеселый, хмурый’ встречается в авторском повествовании в художественной прозе: Антон Пафнутьич сидел *пасмурен* и молчалив на своем месте (Пушкин, Дубровский) — и в поэме «Руслан и Людмила»: В унынье, с *пасмурным* челом, За шумным, свадебным столом Сидят три витязя младые.

На правах нормативных средств утверждается значительная часть и других «просторечных» и «простонародных» слов (или отдельных их значений), хотя они и снабжены в $САР_2$ ограничительными пометами. Это прежде всего слова — наименования предметов, лиц и процессов, не имевшие в литературном языке другого, синонимичного названия и обычно обозначавшиеся описательно. Утрачивая «просторечную» или «простонародную» окраску, они входят в литературный язык как нейтральные лексические элементы, например: *свойственник* ‘родственник не по

крови, а по браку', *брататься* 'вступать в дружественные отношения, приятельски общаться с кем-н.', *загородить* 'закрыть чем-н., заслонить, чтобы не было видно' (в $САР_2$ — «простореч.»), *променять* (и *променивать*) 'предпочесть кого-что-н. кому-чему-н.', *нашептать* 'наговорить много чего-л. шепотом' и 'тайно, незаметно внушить кому-н. что-н.', *чуть* (и *чуть-чуть*). Расширяют сферы своего употребления и отдельные слова разговорной речи, имевшие синонимы в литературном языке. Так было, например, с «просторечным» (САР) словом *жара*, эквивалентами которого издавна служили *жар*, *зной*.

Принципиально важным для развития литературного языка в данную эпоху становится обогащение лексического фонда словами, сохраняющими в литературном языке первоначально свойственную им экспрессию (обозначение высокой степени, предела чего-н.) например: *окаменеть* 'стать неподвижным, безжизненным' и 'охладеть, стать безучастным ко всему', *поколотить* в просторечном, по оценке $САР_{1, 2}$, значении 'побить кого-л., наказать', *перерыть* в просторечном, по определению $САР_{1, 2}$, значении 'ища что-н., копаться, рыться в чем-н., разбирать что-н.', *ускользнуть* 'быстро, внезапно уйти, скрыться' и 'остаться незамеченным, вне внимания кого-чего-н. (от *кого*, *чего*)', *шарить* 'искать, разыскивать кого-что-л. где-н.', *остервенелый* 'пришедший в ярость', *ворчать* и др.

Показателями литературной канонизации перечисленных, а также подобных им слов служат и частота их употребления в различных функциях в разных жанрах и стилях литературной речи, и относительная регулярность их использования широким кругом писателей разных школ и направлений, и — главное — их проникновение в авторское повествование: Окны во флигеле были *загорожены* деревянною решеткою (Пушкин, Дубровский); Оттоль сорвался раз обвал, И с тяжким грохотом упал, И всю теснину между скал *Загородил* (Он же, Обвал); Шумит ли ветр? мне на ухо души Он темные *нашептывает* речи Про чудный край (Вяземский, Тоска); А душу все подталкивает совесть, И над ухом ее *нашептывает* повесть Минувших дней твоих (Бенедиктов, Бивак); [Шуйский] И перед ним я повторил нелепость, Которую мне сам он *нашептал* (Пушкин, Борис Годунов); Я твой — я *променял* порочный двор Цирцей, Роскошные пиры, забавы, заблужденья На мирный шум дубров, на тишину полей (Он же, Деревня); И в бедном шалаше, обители смиренья, На сельский

77395

www.ruslang.ru

променяв блестящий свой наряд (Жуковский, К Нине); Я *променял* сады любви На верх бесплодный Геликона (Боратынский, Когда неопытен я был. . .); А гость тупой и равнодушный Рад поскорее *ускользнуть*, Чтоб продолжать свой трудный путь (Бенедиктов, Послание о визитах); Вот он выходит на крыльцо, Зовет возниц, в карманах *шарит* (Там же).

Образцы использования разнообразных лексических средств разговорного источника (в том числе экспрессивных и эмоционально-оценочных) в художественных текстах широко представлены у Пушкина. Именно Пушкин, в большей мере, чем другие его современники, расширяет границы литературного языка, закрепляя в нем в качестве нормативных слова, находившиеся, согласно оценкам носителей литературного языка XVIII в. и некоторых современников поэта [20], за пределами литературной нормы. Так, в «Пиковой даме» в авторском повествовании встречаются: *грянуться об земь*: Германн, поспешно подавшись назад, оступился и навзничь грянулся об земь; *наобум* и *не в попад*: Лизавета Ивановна на сей раз отвечала наобум и не в попад; *разжиреть*: Многочисленная челядь ее, разжирев и поседев в ее передней. . . делала, что хотела; *таскаться*: Она участвовала во всех суетностях большого света, таскалась на балы; *увиваться*: Лизавета Ивановна была сто раз милее наглых и холодных невест, около которых они увивались; *окаменеть* и др.

Слова, характерные для разговорной речи, легко вовлекаются Пушкиным также в тексты критико-публицистических статей и исторических сочинений, например: Новое поколение его не знает и с ним не *братается* (‹Путешествие из Москвы в Петербург›); Они. . . тихо подвигаясь, старались *загородить* его [Пугачева] от висевшего оружия (История Пугачева).

Лексика «простого» слоя, «фламандской школы пестрый сор» становится естественным компонентом и поэтических созданий Пушкина: Татьяна не дитя, — Старушка молвила *кряхтя* (Евгений Онегин); Людмила шапкой завертела; На брови, прямо, *набекрень*, И задом наперед надела (Руслан и Людмила). «Прозаические бредни» занимают прочное место в лирических стихотворениях поэта: Иль лучше до обеда *Возиться* с старыми журналами соседа

---

[20] Ср., например, в «Вестнике Европы» отзывы Н. Надеждина о языке произведений Пушкина.

(Зима. Что делать нам в деревне?); Нельзя же **целый век** Кататься нам в санях с Армидами младыми, Иль *киснуть* у печей за стеклами двойными (Осень. Отрывок).

В зрелый период творчества разговорные, «простые» слова (с известным отбором) органически включаются Пушкиным в «высокие» поэтические произведения и вводятся в авторское повествование, причем — в отличие от предшествующей традиции — независимо от темы и объекта изображения, например в «Медном всаднике»: *Поутру* над ее брегами *Теснился кучами* народ; Наводненье Туда, играя, занесло *Домишко* ветхой; Наш герой Живет в Коломне; где-то служит, *Дичится* знатных и не тужит Ни о почиющей родне, Ни о забытой старине.

Свободное вовлечение в авторское повествование «простых» наименований бытовых деталей и явлений, специфичных для разговорной речи, осуществляется Пушкиным наряду с одновременным сокращением штампов художественной речи, традиционной поэтической фразеологии и т. п. выразительных средств, обычно привлекавшихся в аналогичных ситуациях. Повествование Пушкина как в прозе, так и в стихах ориентируется на речевое употребление, на язык повседневного общения образованных людей.

Широкое и свободное применение Пушкиным «простых» слов в нейтральном авторском повествовании несомненно оказало влияние на судьбу этих слов в литературном языке. Силою своего литературного авторитета гениальный поэт закрепил и узаконил возможность использования «простых» слов в литературном языке на правах нейтральных элементов или как стилистически окрашенных средств. В результате понятие нормы словоупотребления становится качественно иным. В рамках общелитературной нормы сосуществуют, с одной стороны, нейтральные средства литературного выражения, а с другой — «окрашенные», книжный и качественно новый, разговорный пласты как стилистические категории литературного языка. Таким образом, издавна существовавшие в литературном языке книжные элементы начинают уравновешиваться элементами разговорными.

С точки зрения традиционного понимания литературных канонов язык Пушкина мог казаться (и действительно казался) определенной части современников — писателей и журналистов — неприемлемым, так как он не укладывался в установившееся ранее представление о ли-

тературной норме. По высказыванию Белинского, «сочинения Пушкина ужасали наших классиков своеволием мысли и выражения»[21].

Становление новой нормы русского литературного языка проходило, как отмечает А. И. Горшков, не только на уровне языковых единиц, т. е. на уровне строя языка, но и на уровне текста, т. е. на уровне организации этих единиц в тексте произведения. «Отвержение старого и внедрение нового на этом уровне» осуществлялось главным образом по четырем линиям: «1) утверждение словоупотребления, основанного на принципе максимально точного обозначения явлений действительности, 2) отказ от формальных словесных ухищрений, риторических перифраз, беспредметных метафор и т. п., 3) „синтаксическое сгущение речи", 4) свободное объединение языковых единиц, ранее разобщенных по разным стилям и сферам употребления. Постепенно эти линии были осознаны как новые нормы организации литературного текста»[22].

Для Пушкина ядро, средоточие «литературности» заключается в синтезе языковых элементов, принадлежащих к слоям языка, различным как в генетическом, так и в экспрессивно-стилистическом отношении. Писатель «создает многочисленные образцы и способы сочетания таких словарных и грамматических категорий, которые в прежнее время противопоставлялись друг другу как категории поэтического и прозаического, высокого и низкого и т. п.»[23] Он свободно объединяет в одном контексте русские (в том числе народно-разговорные), книжно-славянские и иноязычные слова и выражения, например: Везут домашние пожитки. . . Горшки, тазы et cetera, *Ну*, много всякого *добра* (Евгений Онегин); Упала в снег; медведь *проворно* Ее *подъемлет* и несет (Там же); Остановился — и вокруг *Тихонько* стал водить *очами* (Медный всадник); И так он свой несчастный век *Влачил*,

---

[21] *Белинский В. Г.* Русская литература в 1844 г. — Соч., т. 2. М., 1948, с. 675. См. также аналогичную характеристику, приведенную Б. В. Томашевским: «. . .лексика Пушкина поражала современников совершенной пестротой и новизной, создавая впечатление резкого диссонанса на фоне поэтической традиции» (*Томашевский Б. В.* Указ. соч., с. 89).

[22] *Горшков А. И.* О становлении норм современного русского литературного языка на уровне текста. — Slavistična revija, 1977, N 4, с. 432.

[23] *Виноградов В. В.* А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. М., 1949, с. 9.

ни зверь ни человек, *Ни то ни сё*, ни житель света Ни призрак мертвый (Там же).

В творчестве Пушкина завершается «акт скрещения книжного и обиходного начал нашего языка»[24]. Это следует особо подчеркнуть. Ведь если употребление нейтральных русских и заимствованных слов в книжной речи не было чем-то новым, то совмещение книжных и народно-разговорных, а также бытовых слов, подчас резко отличающихся друг от друга своей стилистической окраской, признается в современной научной литературе сущностью пушкинской языковой реформы. Творчество Пушкина способствует тому, что «образуется своеобразная стилистическая „равнодействующая" двух величин»[25].

Необычность объединения слов, принадлежащих к разным генетическим и стилистическим разрядам лексики, была сразу же подмечена современниками. Часть их восприняла это новшество положительно. Однако в некоторых журналах появились отрицательные отклики. Известно, что Пушкину пришлось защищаться от критических нападок таких журналистов, как Н. Надеждин, М. Каченовский, Н. Полевой. Ближайшие последователи Пушкина «канонизировали его лексику как единственно поэтическую»[26].

Формирование норм литературного словоупотребления, как и их стабилизация, отнюдь не означало, что эти нормы должны были оставаться неизменными. «Развитие литературного языка есть становление и смена его норм, совершенствование всех его выразительных средств с целью лучшего удовлетворения возрастающих общественных потребностей»[27]. Многое из того, что в наше время считается нелитературным, в пушкинский период входило в норму речи образованного круга людей. В разговорной речи культурных лиц и в речи автора в художественных произведениях можно найти, например, слова *дурной*, *худой*, *дурно*, *худо* (вместо *плохой*, *плохо*): в *дурную* минуту (Жуковский); *худая* погода (Батюшков);

---

[24] *Винокур Г. О.* Русский язык (Исторический очерк). — Избр. работы по русскому языку. М., 1959, с. 96.

[25] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина (Пушкин и история русского литературного языка). М.—Л., 1935, с. 173.

[26] *Томашевский Б. В.* Указ. соч., с. 84.

[27] *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980, с. 337.

Немецкие стихи, не знаю, хороши ли они или *худы* (Кюхельбекер); в холодную, *дурную* погоду (Жуковский).

Слово *малый*, будучи ограниченным сферой разговорной речи, в изучаемый период не имело резко сниженной окраски, как это стало впоследствии. В качестве синонима слова *парень* оно представлено у Пушкина в стилизации народной речи лишь единственным примером: Горе! *малый* я не сильный; Съест упырь меня совсем (Песни западных славян). Контексты же, в которых оно обычно встречается, свидетельствуют о его близости к разговорным, но не подчеркнуто сниженным сферам: так, у Пушкина — в речи барона (Сцены из рыцарских времен), в речи рассказчицы в романе «Рославлев» и т. д., у И. Крылова — в авторском тексте басни «Мот и Ласточка», у К. Батюшкова — в письме Н. И. Гнедичу, у М. Н. Загоскина — в речи дворянина Холмина (Три жениха).

Разговорная речь наиболее образованных людей могла включать и такие слова, как *воротиться*: Осмотришь кругом свою жизнь: — хороша; А к сердцу *воротишься*: худо (Бенедиктов, Тоска; это слово отмечено также у К. Батюшкова, В. Жуковского, Е. Боратынского, И. Лажечникова; оно часто вводится А. Грибоедовым в монологи Чацкого, который, по словам Фамусова, «говорит как пишет»); *поворотить*: Скоро они [сани с гробом Пушкина] *поворотили* за угол дома (Жуковский, Письмо к С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г.); *отворотиться* (встречается у П. Вяземского); *гомозиться*, *загомозиться*: *Загомозилась* во мне поэзия (Жуковский, Письмо к П. А. Плетневу, 1 сент. 1851 г.); *зачинать* 'начинать': Вот наша девушка уж стала девой зрелой. *Зачнет* считать своих подруг (Крылов, Разборчивая невеста); Я *зачинал* читать эту книгу прежде, давно (Жуковский, Письмо к Ф. Г. Вендриху, 19 дек. 1805 г.; этот глагол отмечен также в журнальной статье П. Вяземского «Языков и Гоголь» и др.); *хворать* (у Жуковского, Пушкина); глагол *послаться*, *слаться* 'ссылаться в подтверждение чего-н. (на кого, что)' в форме 1-го лица свободно употребляется у Крылова, у Пушкина: Я *шлюсь* на вас, мои поэты (Евгений Онегин).

Как элементы речи не только «простолюдинов», но и разговорной речи вообще выступали слова *бишь*, *взаши*, *давиче* и *давишний*, *неужто*, *шибко* и др. Так, малоупотребительная частица *бишь* отмечена в письмах и в речи

действующих лиц у Грибоедова, Пушкина, а также в одном из лирических отступлений в «Евгении Онегине»: А где, *бишь*, мой рассказ несвязный? В Одессе пыльной, я сказал. Я б мог сказать: в Одессе грязной (Отрывки из путешествия Онегина).

Слово *взашеи* употребляется в монологе Чацкого (Чтоб *взашеи* прогнать И вас и ваши тайны), в стилизованной авторской речи у Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке», а также в речи Гринева (Капитанская дочка). *Давиче* встречается в комедии Грибоедова шесть раз, в том числе в речи Софьи и Чацкого. Не было резко сниженным и слово *давишний* 'бывший, происходивший недавно'. Оно отмечено в письмах Пушкина: Недавно прочел я твои *давишние* замечания на Булг.<арина>, это лучшая из твоих полемических статей (Письмо к П. А. Вяземскому, 8 марта 1824 г.); вводится в речь Чацкого: Важнее *давишной* причина есть тому (Горе от ума).

Вполне серьезно, а не шутливо употребляются слова *особливо* и *особливый* (у Грибоедова, Пушкина и др.): И так мы, и *особливо* я, живущий в 4-х стенах, без связей, без политической важности. . . нашел доброе о мне мнение (Н. Тургенев, Дневник, 7 июня 1820 г.); [Статья] любопытна и *особливо* же может быть любопытною в Париже (Вяземский, Письмо к А. И. Тургеневу, 1 янв. 1828 г.); *завсегда* (у Батюшкова, Пушкина, Боратынского и др.): Это однообразие природы, которое *завсегда* ново и заманчиво (Вяземский, Сонеты Мицкевича); Поэт, который *завсегда* По четвергам у них обедал (Боратынский, Бал); *шибко*: Я был когда-то пребольшой охотник есть хорошее, — теперь и тут не нахожу ничего, чтоб мне *шибко* нравилось; ем без разбору, без вкусу (Кюхельбекер, Дневник, 26 марта 1844 г.). Все это говорит о том, что названные слова воспринимались авторами, носителями литературного языка, как обычные средства литературного выражения. Их переход в «устарелые» или обособление в нелитературных, в противовес литературным, совершится значительно позднее [28].

---

[28] Например, слово *завсегда*, как отмечает В. В. Виноградов, выпадает из нормы литературного языка лишь в середине XIX в. На протяжении XIX в. и даже в первые десятилетия XX в. слова *зачать—зачинать*, *давеча*, *поворотить* еще были возможны в речи образованных слоев общества. Они получили помету «простореч.» только в Сл. Ушакова.

Итак, многие слова, специфичные для разговорной речи, в первой трети XIX в. воспринимаются ведущими писателями, чей слог и стиль могут быть приняты за образец, как вполне допустимые в художественных произведениях, в критико-публицистических статьях, в исторической прозе. В пушкинский период народно-разговорная лексика выступает как важнейший структурный элемент литературного языка. Это определило основное направление развития русской лексики в последующую эпоху.

Народно-разговорная лексика и ее отношение к литературной норме в 40—70-е годы XIX в.

Как известно, с 40-х годов XIX в. начинается новая эпоха в истории русской литературы. Это время ознаменовано приходом в литературу писателей-дворян, выросших в родовых поместьях, и новых авторов-разночинцев; их приход совпадает с утверждением реализма в русской художественной литературе.

40-е годы в русском литературном языке определяются как полоса перелома, когда «нормы литературного выражения изменились. . . законодателем лингвистического вкуса постепенно становится иной общественный слой, иная социальная группа с более яркой демократической окраской»[29]. Утверждение реалистического метода в литературе, а также появление в ней новых авторов оказали существенное воздействие на развитие русского литературного языка, обусловив значительное расширение его словарного состава за счет народно-разговорной лексики. Бóльшую ее часть составляют слова не новые, а встречавшиеся в предшествующий период, хотя и очень ограниченно. Эти слова не включались в авторское повествование, используясь преимущественно в дружеских письмах, мемуарах и дневниковых записях; в художественной литературе они употреблялись в речи лиц «низкого» сословия, а также в стихотворных произведениях — в контекстах сниженного стилистического тона, например в шутливых и сатирических стихотворениях, дружеских посланиях, эпиграммах, а также в стилизациях.

---

[29] *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 305.

Характерной чертой употребления народно-разговорных слов в рассматриваемое время является прежде всего бóльшая встречаемость каждого отдельно взятого слова в литературе. Очень существенно и другое. Если Пушкину и писателям его круга была присуща некоторая умеренность, сдержанность в употреблении ряда приводимых далее слов, то литература послепушкинской эпохи заметно расширила сферы их функционирования за счет включения в авторское повествование, не осложненное каким-либо стилистическим заданием. Это может свидетельствовать о том, что часть народно-разговорной лексики, встречавшейся прежде в ограниченных контекстах, с 40-х годов XIX в. «олитературивается», утверждается в литературном употреблении и тем самым в литературном языке.

Среди слов, свободно используемых в авторской речи писателей послепушкинского периода, лишь изредка можно встретить такие, которые укрепляются в качестве нейтральных наименований. Например, входят в литературу — а через нее и в литературный язык — как средство номинации слова *чокнуться*, *зря* 'напрасно'[30] и нек. др.: — *Чокнемтесь*, Александр Сергеич! Они *чокнулись* (Писемский, Тюфяк); Когда он кончил, двадцать рук, в том числе и моя, потянулись к нему с бокалами, чтобы *чокнуться* (Герцен, Былое и думы); Они тотчас же сошлись, *чокнувшись*, выпили шампанского и через пять минут уж были на «ты» (Л. Толстой, Два гусара); Поскакал в Петербург, потом вернулся — да и *зря* (Тургенев, Стук); Школы, говоришь, *зря* заводят? *Зря*. Грамота мужику не к делу (Эртель, Записки степняка).

Преобладающую часть лексики, ранее функционировавшей в стилистически ограниченных контекстах, а теперь проникающей в нейтральное авторское повествование, составляют слова, которые и в литературном употреблении сохраняют оттенок известной разговорной непринужденности. Таковы, например, *сглазить*, *уго-*

---

[30] Наречие *зря* 'напрасно', отмеченное еще в новгородских берестяных грамотах, единично встречается в XVIII в., например: Зашла о старшинах неугомонна пря И всякой тут занес чуху свою на *зря* (И. Долгорукий, Дурылом, или Выбор в старшины), а также в первой трети XIX в., например: Бумага терпит, награждения сыплются *зря* (Давыдов, Воспоминания о польской войне 1831 г.). Это слово получает распространение именно в послепушкинский период.

монить 'привести в спокойное, уравновешенное состояние', *донельзя*, *урывками* и др.: Были слухи. . . что один мужик, которого он наказал, как-то дурно посмотрел на него и *сглазил* (Герцен, Доктор Крупов); Многих трудов стоило Григорию и Сысою удержать его, чтоб он не вцепился в бороду долговязому пономарю. . . Наконец кое-как *угомонили* они его (Григорович, Деревня); [Доктор] к подобным экскурсиям привык *донельзя* (Тургенев, Вешние воды); Что касается до нас, то мы знакомимся с природой случайно и *урывками* — только во время переездов (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина); Нехлюдов читал много, но *урывками* (Л. Толстой, Воскресение).

Названные слова функционируют в литературе, не нарушая литературной нормы. Это может свидетельствовать о том, что основы разговорной разновидности литературного языка, начало формирования которой было заложено в эпоху Пушкина, в середине прошлого столетия заметно упрочиваются.

Широкие права литературного употребления получают в это время многие экспрессивно окрашенные и эмоционально-оценочные слова народно-разговорного источника или отдельные значения слов, отличающиеся большой эмоционально-оценочной выразительностью. Именно в силу своей экспрессивности эта группа слов уже в первой трети XIX в. свободнее, чем лексика экспрессивно-нейтральная, выходила за пределы речи персонажей из «простонародья» и выступала в передаче непринужденной разговорной речи лиц разных социальных слоев, а также в эпистолярной литературе, в стихотворных шутливых и сатирических контекстах, в дружеских посланиях и т. п. произведениях. В послепушкинский период они, несмотря на присущие им экспрессивно-стилистические качества, такие, как сниженность, резкость, фамильярность, охотно привлекаются в разных стилях речи и допускаются в сочетаниях со словами собственно книжного литературного языка [31].

Расширяют сферы своего употребления и закрепляются в литературном языке такие, например, слова, как: *ломиться*, *молокосос*, *протурить — турнуть*, *разиня*, *скряга*, *удариться* (во что), *уломать* 'убедить, с трудом

---

[31] См.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX века). М.—Л., 1965, с. 24.

уговорить согласиться на что-н.' и др. См., например, в авторском повествовании: Миша объявил, что в дом, осквернённый присутствием мерзавца, он сам не пойдет; *турнуть* же себя никому не позволит (Тургенев, Отчаянный); Над *разиней* поглумились И опять легли (Некрасов, Извозчик); Трагика тоже было трудно *уломать* взять роль Кочкарева (Писемский, Комик); ср. также употребление в речи персонажа, городничего: — Послушай, брат Осип, мне не по чину, да и некогда, правда, перегрызываться с твоей барыней. Это твое уж дело. *Уломай* ее как тебе угодно (В. Соллогуб, Собачка).

Закрепление слов данной группы в литературном языке во многом объясняется наличием у них определенной экспрессии. Именно экспрессия отличает слова этой группы от стилистически нейтральных наименований соответствующих предметов или признаков и, сообщая словам дополнительные смысловые оттенки, позволяет им иметь свое собственное «место» в языке — в его лексической системе.

В литературном языке в 40-е годы утверждаются и те слова, которые, хотя и отмечены в разговорной речи предшествующей поры, в литературных произведениях были малоупотребительны, например *безалаберный*, *черномазый*: Стояла большая фабрика, заведенная ревностным, но *безалаберным* барином (Тургенев, Дым); Весьма радушно принимаешь Ты *безалаберных* друзей (Некрасов, <Дружинину>); Белокурый тотчас же отправился по лестнице наверх, между тем как *черномазый* еще оставался (Гоголь, Мертвые души); Один, на вид лет двадцати трех, высокого роста, *черномазый*. . . лежал на спине и задумчиво глядел вдаль (Тургенев, Накануне).

Именно в этот период переживает стадию «олитературивания» и существительное *теплынь* 'очень теплая погода'. Оно было издавна известно в русском языке, о чем свидетельствует фиксация его еще в Ипатьевской летописи [32], в письмах крестьян [33]. Однако в литературное употребление слово проникало крайне медленно (причина этого, возможно, в том, что в его состав входит непродуктивный суффикс, а возможно, и в другом: наличие в языке

---

[32] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3. СПб., 1903, стб. 949.

[33] См.: Грамотки XVII—начала XVIII века. М., 1969, с. 23.

двух нейтральных его синонимов — *тепло* и *теплота*). В $САР_2$ существительное *теплынь* помещается с оценкой «в простореч.» В первой трети XIX в. слово *теплынь* встречается редко; оно не отмечено в сочинениях Батюшкова, Жуковского, Пушкина, который пользуется однокоренными синонимами *тепло* и *теплота*. С 40-х годов XIX в. это слово свободно употребляется в художественной литературе и в речи персонажей-«простолюдинов»: И все такая *теплынь*, что потеешь (Н. Полевой, Рассказ русского солдата), и в авторском повествовании: Сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая *теплынь* (Тургенев, Бежин луг); Солнышко целый день, безветрие, *теплынь* (Он же, Рассказ отца Алексея); [Лаврецкий] несся по спокойной ночной *теплыни* (Он же, Дворянское гнездо)[34].

Однако отдельные слова, принадлежащие народно-разговорной лексике, преимущественно вводятся в те части авторского повествования, где говорится о «простом» герое, и, следовательно, их употребление можно считать обусловленным объектом изображения («зона персонажа», по М. Бахтину)[35]. Так, лишь в применении к крестьянам используются слова *гаркнуть*, *горланить*, *разбитной*, *парень* и нек. др.[36]: Нас встретил молодой *парень*, лет двадцати (Тургенев, Хорь и Калиныч); Кучер, молодой и краснощекий *парень*. . . почтительно сидел с ним рядом (Он же, Однодворец Овсяников); — Ну, а что же наш царь? — спросил в толпе рослый *парень* (В. Соллогуб, Тарантас); То был рыжий и косой *парень*, но лихой и *разбитной* гуляка (Григорович, Рыбаки); *Разбитной* чиновник, довольный, что знает, чего другие не знают, толковал без конца о достоинствах новоприезжей (Герцен,

---

[34] Ср. параллель *жара—жарынь*. Слово *жарынь* не стало, в отличие от *теплынь*, литературным, а осталось областным (см. Сл. Ушакова).

[35] *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности. — В кн.: Эстетика словесного творчества. М., 1979.

[36] Впоследствии происходит частичная нейтрализация некоторых из них. Например, слово *парень* в $САР_1$ и в Сл. 1847 г. дается с пометой «простонар.», в Сл. Ушакова — «разг.»; с оттенком разговорности оно употребляется и в современном языке. Ср. в песне: «Если бы *парни* всей земли. . .»; в спортивных комментариях: «Наши *парни* играли великолепно». Ср. также в газетном заголовке: «*Парень*, которого знает весь мир» (об Анатолии Карпове).

Былое и думы); Ходило в семье предание, что поначалу она была веселая и *разбитная* молодка (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина); — Много благодарны! — *гаркнул* по-солдатски великан (Тургенев, Стучит); Барин арапником злобно махнул — *Гаркнул* буян: «караул, караул!» (Некрасов, Псовая охота); Иные *горланили* — так, что ни попало (Тургенев, Стучит); [Мужики и бабы] брели, покачиваясь из стороны в сторону и *горланя* несвязную песню (Григорович, Антон-горемыка).

Некоторые слова, применявшиеся в литературе первой трети XIX в. ограниченно (и количественно и жанрово), в послепушкинский период становятся более употребительными, чем только что приведенные. Их можно встретить и в художественном тексте в авторском повествовании, и в критических, публицистических, научно-исторических и т. п. сочинениях. Таковы, например, слова: *залихватский*: А виновата их судьба, эта «глупая индейка», по *залихватскому* выражению (Добролюбов, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина); *артачиться*: Самодур дурит, ломается, *артачится*, пока не встречает себе противодействия (Он же, Темное царство); *неказистый*: Мы. . . вероятно, разбили бы *неказистые* крестьянские ларцы (Герцен, Россия и Польша); Оправдать, восстановить: дело глубоко человеческое, но трудное и *неказистое* (Он же, По поводу одной драмы).

В описываемый период изменяются оценки ряда рассмотренных слов в нормативных словарях. Характерно, что лишь немногие слова приводятся в наиболее полном лексикографическом труде середины XIX в. — в Сл. 1847 г. — со стилистическими ограничениями. Например, пометой «простореч.» сопровождается глагол *горланить*; как «простонародные» даются *турить — протурить*, *якшаться*. Подавляющая же часть слов помещается в названном словаре без стилистических помет. Так как в Сл. 1847 г. вообще не было пометы «разговорное», поскольку категория разговорности в литературном языке только формировалась, многие слова (в том числе экспрессивно окрашенные), определяемые в позднейших словарях как разговорные, в Сл. 1847 г. помещены без помет. Так, не имеют пометы и слова, не обладающие экспрессией (*чокнуться*) и экспрессивно окрашенные, например *дрыгать*, *молокосос*, *разиня*, *скряга*, *уломать* (кого). Это может свидетельствовать о том, что определенный круг лексики, относимой $САР_{1,2}$ к «простонародной» или «простореч-

ной», воспринимался носителями литературного языка середины XIX в. как близкий к нормативной [37].

Рассмотренные слова продолжали активно употребляться в литературном языке и в дальнейшем. Впоследствии они включаются в нормативные словари на правах литературных средств (нейтральных или разговорных) или как просторечные. Так, в Сл. Ушакова с пометой «разг.» помещаются *безалаберный*, *разбитной*, *сглазить*, *черномазый*; с пометой «простореч.» дается *костить* и др.

Вместе с тем определенный слой слов все более оттесняется в речь «простонародья». В литературе слова этой группы обычно используются характерологически и при стилизации, привлекаясь за пределами авторского повествования преимущественно лишь для воспроизведения речи крестьян. Это говорит о том, что остается действенной начавшаяся в предшествующий период тенденция к обособлению части народно-разговорных слов в разряде ненормативных, нелитературных. Таковы слова *дубье*, *взбутетенить*, *всполохнуться*, *испить* 'выпить, попить немного' и *испивать* 'выпивать хмельного', (*по*)*калякать*, *трафляться*, *снюхаться*, *вестимо*, *не замай* 'не трогай', *коли* 'если', *намеднись*, *окроме*, *ради* 'рады' и др., например: Долго преследовал парень побитый Барина бранью своей ядовитой: — Мы-ста тебя *взбутетеним дубьём*, Вместе с горластым твоим халуём (Некрасов, Псовая охота); *Всполохнулись* мы (Тургенев, Бежин луг); Водицы захотелось *испить* (Там же); Да и сказать-то надо правду, крепко *испивал* (В. Соллогуб, Тарантас); — А что, Перепетуя Петровна. . . правду ли говорят, что Павел Васильевич *испивал?* (Писемский, Тюфяк); *Снюхивался* с отставными поручиками (Тургенев, Гамлет Щигровского уезда); С Горюновым зачастую *трафлялись* такие случаи (Кокорев, Сибирка); А ведь вы, должно, бедно живете? — *Вестимо*, не богато, — сказал мужик (Н. Успенский, На пути); А. . . ну его совсем! . . *Не замай* (Михайлов, Скрипач); Послушайте-ка, *намеднись* что тятя при мне рассказывал (Тургенев, Бежин луг); До пятидесяти лет, сударь, моей жизни, *окромя* шелковых

[37] В отдельных случаях отсутствие стилистических оценок в Сл. 1847 г. не подкрепляется фактами реального употребления слов в литературе. Оно говорит не столько о нейтральном или разговорном характере слова, сколько о недостаточно последовательной разработке помет в лексикографии того времени и подаче этих помет в данном словаре.

чулков и тонкого английского сукна фрака, другого платья не нашивал (Писемский, Старая барыня); *Коли бог приведет вашу милость в Москву обратно, нижайше просим нас не обидеть, не проезжать мимо нашей фатеры. Мы, признательно сказать, таким особам оченно, по искренности, ради* (В. Соллогуб, Тарантас).

В послепушкинский период встречаются и такие народно-разговорные слова, которые, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, не отмечены в литературе предшествующей поры. По-видимому, многие из них воспринимались самими писателями как необычные или не совсем уместные в художественном произведении. Их введение в текст обычно или дается в кавычках, или сопровождается соответствующими пояснениями («как выражался», «как говорится у нас» и т. п.). Вот лишь некоторые примеры: Так-то она его к себе «присушила» (Тургенев, Постоялый двор); Феоктиста Саввишна — известное *мелево*, — ей хоть козла подай на страстной неделе, так съест (Писемский, Тюфяк); Зато Марья Виссарионовна, как говорится, *надсадила* всех (Он же, Виновата ли она?); Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не «живалый» (как у нас в Орле говорится), наслушался вдоволь (Тургенев, Хорь и Калиныч); Может быть, оттого, что «хлопчатобумажное» (как он выражался) воспитание его изнежило (Он же, Отчаянный); Один из них бедняк и гуляка, а другой человек *тверезый*, как говорят у нас на Руси (Белинский, Русский театр в Петербурге); В «*тверезом*» виде не лгал (Тургенев, Однодворец Овсяников).

Но бывает и так, что слово воспринимается писателем как местное, принадлежащее диалекту, а на самом деле оно давно бытует в народно-разговорном языке. Примером этого может служить слово *лядащий*. В одном из рассказов «Записок охотника» Тургенев говорит о нем как типичном для Орловской губернии: От него отказались, как от человека ни на какую работу не годного, «*лядащего*», как говорится у нас в Орле (Ермолай и мельничиха). Однако это слово было известно в XVIII в.[38], а возможно, и ранее.

В языке художественной литературы послепушкинской поры можно встретить также и такие новые слова из

---

[38] См.: *Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974, с. 120.

разговорного источника, которые вводятся писателями без специальных комментариев, кавычек или курсива. Они органически входят в ткань повествования. Это, например, *картошка* [39], *обмозговать* 'обдумать', *распечь* и *распекать* в значении фразеологизма *распекать на обе* (*на все*) *корки* 'делать взыскание по службе, сопровождая его руганью, бранью'. Эти слова не фиксируются в лексикографических трудах конца XVIII—первой трети XIX в. Судя по данным Картотеки Сл. рус яз. XVIII в., их нет и в языке произведений предшествующего времени. Они не встречаются также у Батюшкова, Жуковского, Пушкина и ряда других писателей. Таким образом, материалы показывают, что для 40-х годов XIX в. эти слова в литературном языке новые. В середине же столетия они вводятся в художественные произведения достаточно регулярно, и к тому же разными писателями.

Одни из них, например *картошка*, *обмозговать*, на первых порах используются в литературе как элемент разговорной (подчас крестьянской) речи. Так, первые случаи употребления слова *картошка* в художественных текстах явно свидетельствуют о том, что носители литературного языка не считали существительное *картошка* вполне обычным, нормативным для литературной речи. Достаточно обратиться к «Запискам охотника» Тургенева, чтобы убедиться в этом. В диалектной форме *картошки* (мн. число) это слово неоднократно вводится в речь крестьянских детей: — А что, — спросил Федя, — *картошки* сварились? (Бежин луг). В авторском же повествовании оно дается в кавычках как взятое из другой речевой стихии: Небольшой котельчик висел над одним из огней; в нем варились «*картошки*» (Там же). Но уже с 60-х годов прошлого столетия слово *картошка* можно найти в авторском повествовании без кавычек, курсива или специальных пояснений. Так, в значении (собирательном) 'картофель' и в значении 'картофелина': Он достал опять

---

[39] Заимствованному слову *картофель* в народных говорах было придано русское звучание *картоха* (см.: Опыт обл. вел.-рус. сл.), явившееся основой для уменьшительного образования *картошки*. С конца 30-х годов слово *картошка* выходит за пределы узкоместной среды и становится известным носителям литературного языка. Подтверждением последнему служит наличие его в Сл. 1847 г., а также в языке художественной литературы 40-х годов. Подробнее об этом см.: *Ходакова Е. П.* Картофель — картошка.— Рус. речь, 1976, № 5.

складной ножик, разрезал на своей ладони *картошку* на две равные половины. . . и поднес Пьеру (Л. Толстой, Война и мир).

Как речевой показатель определенной социальной среды употребляется и глагол *обмозговать*: [Ипполит] Деньги под сокрытие, а вам доложить, что потерял их, пьяный. . . [Ахов] Об двух ты головах, что ли? [Ипполит] Дело *обмозговано*, страшного нет-с (Островский, Не все коту масленица); *Обмозговали* вы дельце, только повернулось оно кожей наоборот (Мамин-Сибиряк, Человек с прошлым); А ты головой, дурашка, головой добивайся, умишком раскинь, *обмозгуй* (Он же, Хлеб).

Другие слова по условиям употребления в литературе уже в этот период близки к нормативным, вполне литературным. Так, глагол *распечь — распекать* 'делать кому-л. строгий выговор; отчитывать' встречается в художественных произведениях не только в речи персонажей: А хозяйка просто меня бранить стала: кричала-кричала на меня сегодня, *распекала-распекала* меня, ниже щепки поставила (Достоевский, Бедные люди), но также и в авторском повествовании: Акакий Акакиевич так и обмер. . . В жизнь свою он не был еще так сильно *распечен* генералом, да еще чужим (Гоголь, Шинель); Муж хотел было *распечь* ее за неуменье вести переговоры, но передумал (А. Плещеев, Житейские сцены); [Становой] был только что *распечен* исправником за пьянство и потому теперь был в припадке усердия (Л. Толстой, Поликушка). Это слово вводится в текст критико-публицистических статей; например, при пересказе одной из сцен в пьесе Гоголя «Ревизор»: Вспомните сцену, где городничий *распекает* купцов за их донос ревизору (Белинский, Русская литература в 1843 г.).

По всей видимости, новыми для 40—70-х годов были слова: *безотказно*, *водоскат*, *добавок*, *перескок*, *прорез*, *прорифмованный* (стих), *разволновать*, *сникнуть*. Показательно, что, издавая стихотворения В. Бенедиктова, Я. Полонский включает их в список слов, «сочиненных В. Г. Бенедиктовым, видоизмененных или никем почти не употребляемых»[40].

[40] *Бенедиктов В. Г.* Собрание стихотворений, т. 1. СПб. — М., 1883, с. 45. Все эти слова известны современному языку. В МАС приводятся без пометы: *водоскат*, *перескок*, *прорез*, *рифмовать*, *разволновать*, *сникнуть* (о траве и растениях); с пометой «разговорное» даются: *безотказно*, *сникнуть* (применительно к человеку); помету «просторечное» имеет слово *добавок*.

Перечень новых слов, проникших в литературный язык из народно-разговорного источника в послепушкинский период, может быть значительно расширен. Так, В. В. Виноградов называет слова: *столоваться* (вместо прежнего *иметь стол*), *тарахтеть* (об экипаже), *погрузить* (пшеницу, рожь и проч.), *погрузка* вм. *нагрузить*, *нагрузка*, *позавчера* вм. *третьего дня*, *задаваться* вм. *зазнаваться*, *задевать* вм. *деть*, *буча*, *губошлеп*, *вытворять* в значении 'выделывать штуки' и др.[41]

Как видим, с 40-х годов XIX в. увеличивается степень проникновения в литературный язык многих народно-разговорных слов.

Хотя включение того или иного слова в авторское повествование признается нами одним из существенных критериев оценки его нормативности, мы считаем нужным подчеркнуть, что рамки авторского повествования в середине XIX в. были необыкновенно широкими. В авторской речи этого периода можно встретить такие слова и грамматические (фонетические) формы, которые не укрепились в литературном употреблении последующего времени: *захолонуть*, *покалякать*, *раскалякаться*, *шамшить* (ср. в современном языке *шамкать*), *высморкнуться*, *нагинать* (ср. соврем. *нагибать*), *перетруситься* (ср. соврем. *перетрусить*) и ряд других, например: Признаться, у меня на сердце *захолонуло* (Тургенев, Стучит); У Антона *захолонуло* в сердце (Григорович, Антон-горемыка); Сперва они *покалякали* о том и сем (Тургенев, Бежин луг); Чего? — *прошамшил* он сиплым голосом (Он же, Контора); Николай Еремеич заложил перо за ухо и *высморкнулся* (Там же); *Нагиная* голову (Он же, Отцы и дети); Полинька, *перетрусившись* совсем, боялась посмотреть в лицо князю (Дружинин, Полинька Сакс); Отвечает мне *подгорюнившаяся* баба (Тургенев, Смерть); Он жил один-*одинехонек* в своем большом доме (Герцен, Былое и думы); Человек с *маслистыми* волосами (Григорович, Антон-горемыка); Лист не *шелыхался* (Он же, Деревня); Крепко *сгрустнется* по волюшке, протоскует, может статься, день (Кокорев, Сибирка); Если душу истинно мужскую обуяет грусть, не любит она *казать* свое временное бес-

[41] *Виноградов В. В.* Очерки. . ., с. 442—443. Особенно много таких слов приводится в монографии Ю. С. Сорокина, например: *голодовка*, *голытьба*, *зуда*, *молодожен*, *нехватка*, *нюх*, *полыхать*, *рань*, *растяпа*, *ругань*, *сбагрить*, *уйма*, *ядрица* и др. (*Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава. . ., с. 483—484, 493).

сплие и горюет тайком (Там же); Лицо, покрытое *всплошь* желчными пятнами (Писемский, Виновата ли она?); Федор Гаврилыч *попервоначалу* ни за чем дурным не ходил (Он же, Старая барыня).

Примеры можно было бы умножить, но и этих достаточно, чтобы убедиться в широком использовании народно-разговорной лексики в нормативной авторской речи писателей послепушкинской эпохи.

Итак, свободное функционирование в литературе первой трети XIX в. многих тщательно отобранных писателями народно-разговорных слов в любом контексте — независимо от темы и объекта изображения — со всей очевидностью свидетельствует о том, что складывается новое по сравнению с XVIII в. представление о литературной норме. Тесное взаимодействие и объединение в близком соседстве разных в генетическом и экспрессивно-стилистическом отношении лексем, несомненно, способствовали закреплению значительного слоя народно-разговорной лексики в письменном обиходе, а это в свою очередь обусловило изменение состава русского литературного языка, в частности его расширение. Показательно, например, что в Сл. 1847 г. более 1200 слов помещаются без тех ограничительных помет, которыми САР указывал на их стилистически сниженный характер. Почва для осуществления этого процесса была подготовлена предшествующим периодом. Тенденция к закреплению народно-разговорных средств языка в письменности активно развивалась в комедии, в повествовательной и журнальной прозе, а также в некоторых «малых» жанрах литературы XVIII в. На утверждение народной основы русского литературного языка значительное влияние оказало включение слов, характерных для живого общения, не только в реплики «простых» персонажей, но и в авторское повествование.

Приведенные материалы показывают, что степень экспрессивности или даже грубости не может быть признана критерием для отнесения слова к ненормативным: слова эмоционально-оценочные, а также грубовато-фамильярные по условиям употребления идентичны словам неэкспрессивным, свойственным непринужденному общению.

Сопоставление удельного веса экспрессивно-нейтральных и обладающих экспрессией лексических элементов выявляет различную степень их употребительности в раз-

ные эпохи. В пушкинский период слова экспрессивно-нейтральные входят в состав литературного языка, хотя и меньше, чем слова, обладающие экспрессией. Позднее явное предпочтение отдается экспрессивной лексике. Это показывает, что литературный язык нуждался именно в экспрессивно окрашенных средствах народно-разговорной речи. Освоение их литературным языком означает, что в лексической системе устанавливается равновесие: в функции яркого стилистического средства выступают теперь разговорные слова, уравновешивая издавна свойственную литературному языку экспрессию книжности. Одновременно с формированием разговорной разновидности литературного языка закладываются основы просторечия как лексического слоя, противопоставленного разговорно-литературной речи.

Выявление особенностей функционирования народно-разговорных лексем в послепушкинский период свидетельствует о дальнейшем расширении процесса демократизации русского литературного языка. Определенная часть слов, ограниченная в первой трети XIX в. и количественно и жанрово-стилистически, в послепушкинский период получает права литературного гражданства; однако «литературная норма никогда не бывает окончательной, ее устойчивость — понятие относительное»[42]. Развитие норм литературного языка — это, по словам В. В. Виноградова, «история последовательной смены разных языковых систем, представляющих собою внутренне объединенное сочетание и сочленение разных стилей и жанровых разновидностей»[43].

---

[42] *Горбачевич К. С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, с. 3.

[43] *Виноградов В. В.* О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946, т. 5, вып. 3, с. 226.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ И НОРМА

Ю. А. Бельчиков

Современное русское просторечие — одна из форм национального языка. По своему статусу общерусского явления просторечие непосредственно противопоставлено литературному языку — кодифицированной форме национального русского языка, имеющей как письменную, так и устную манифестацию.

Историческое развитие и настоящее состояние современного русского языка свидетельствуют об интенсивном разноаспектном взаимодействии, тесном соотношении литературного языка и просторечия. В связи с этим проблема кодифицированной нормы и просторечия, их четкой противопоставленности как лингвистических (функциональных) категорий и гибкого соотношения (и сосуществования) в реальных текстах и в речевой практике носителей литературного языка представляется весьма актуальной для исследования современного русского языка в его диахронии и синхронии. Сама постановка этой проблемы обусловлена живыми реальными ситуациями современной русской языковой действительности и историческим развитием русского языка в XIX—XX вв.

Для продуктивного и перспективного разрешения поставленной проблемы и связанного с нею круга вопросов в истории русского литературного языка, в лексикографии, в стилистике художественной речи, в стилистике языковых единиц, в кругу вопросов нормализации и культуры речи, для исследования состава и стилистической структуры современного русского языка, прежде всего его лексики и фразеологии, исключительную важность приобретает дифференцированный подход к просторечию как сложному стилистическому явлению в его разнообразнейших связях и соотношениях с современным литературным языком, имеющих длительную и устойчивую традицию. Дело в том, что термин «просторечие» в применении к русскому литературному языку периода его национального развития противоречив и явно недостаточен, поскольку им обозначаются функционально и во многом материально разные явления: имеется в виду, во-первых, совокупность общепонятных речевых средств народно-разговорного характера, находящихся вне действия литературной нормы,

а во-вторых, те из просторечных лексико-фразеологических единиц, которые по тем или иным причинам оказались вовлеченными в сферу литературного языка, т. е. подпавшими под действие литературной нормы (однако функционирование их строго ограничено специализированными стилистическими заданиями).

Противоречивость термина «просторечие» ярче всего выявилась в лексикографической практике. Пометой «прост.» («простореч.») отмечается слово, которое свойственно, как говорится в Сл. Ушакова, «простой, непринужденной или даже грубоватой устной речи, не связанной нормами литературного языка, и стоит на границе литературного употребления. Эта помета в то же время может иметь „запретительный характер“» (т. 1, с. XXVI). Между тем по самому своему назначению толковый словарь устанавливает, фиксирует лексический состав л и т е р а т у р н о г о языка. Очевидно, что пометой «прост.» («простореч.») фиксируются (должны фиксироваться) лексико-фразеологические единицы второго рода — «принятые» как особые средства стилистической выразительности в литературных текстах.

В научной литературе сложился термин «литературное просторечие», правда не всеми еще принимаемый. Этот термин, способствуя расчленению понятия «просторечие», вносит существенное уточнение в саму проблему просторечия в его соотношении и взаимодействии с литературным языком. Термин «литературное просторечие» и обоснование соответствующего понятия были предложены Ю. С. Сорокиным в 60-х годах: «Еще одну обширную группу новых слов литературного языка этой поры (30—70-х годов XIX в. — *Ю. Б.*) составляют слова из различных областных народных говоров, из разного рода социальных и территориальных диалектов, из профессионального лексикона разных специальных сфер, из мещанского и крестьянского просторечия. Эти слова в указанное время часто подвергались литературной канонизации в стилях новой русской литературы, прочно оседали в литературном языке, за их счет в значительной степени составился новый обширный разряд «литературного просторечия», т. е. слов, представляющих единую стилистическую группу слов, особых по своим экспрессивным стилистическим признакам (сниженность, резкость, фамильярность и т. п.), но допустимых (и даже охотно привлекаемых) в разных стилях речи и являющихся в различных тесных

сочетаниях со словами собственно книжного литературного языка» [1].

Применительно к синхронному аспекту современного русского языка проблематика литературного просторечия разрабатывается Ф. П. Филиным [2].

Литературное просторечие — лексико-стилистическая категория, исторически обусловленная. Выделение этой категории совершилось в рамках русского литературного языка XIX в. в послепушкинский период. Порожденное взаимодействием литературного и народно-разговорного языка, литературное просторечие — непосредственный результат, следствие действия общенациональной литературной нормы, которая складывается в эпоху Пушкина. Его становление неразрывно связано с формированием в условиях развития национального языка разговорной литературной речи (как одного из ее пластов), подчиняющейся общенациональной норме. Литературное просторечие составляет «нижний» пласт литературного языка.

Как очевидно, далеко не всё из народно-разговорного языка, что проникает в узус носителей литературного языка и в литературные тексты, становится достоянием русского литературного языка. Те народно-разговорные элементы, которые в силу разных причин попадают в литературные тексты, первоначально фигурируют в этих текстах — при всей мотивированности их включения — как своего рода «вкрапления» иной, некодифицированной устно-разговорной, сферы, четко противопоставленной литературному языку. Таково положение всех вновь вводимых в литературные тексты народно-разговорных слов и оборотов речи (если только они не взяты из речевого обихода носителей литературного языка, куда они «попали» раньше и уже более или менее освоены разговорной литературной речью).

---

[1] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX века). М.—Л., «Наука», 1965, с. 24.

[2] *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка. — ВЯ, 1973, № 2; *Он же.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973 г.). Доклады советской делегации. М., «Наука», 1973; *Он же.* О свойствах и границах литературного языка.— ВЯ, 1975, № 6; *Он же.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., «Наука», 1981, с. 151—155.

В составе литературного текста народно-разговорные слова и выражения с неизбежностью вступают в отношения с традиционными для литературного словаря единицами, шире — его пластами, разрядами. Со временем определяется их лексико-стилистическая дистрибуция в рамках текстов той или иной функциональной ориентации и литературного языка в целом. Особенно важную роль в приобщении народно-разговорных элементов к сфере литературного языка играют синонимические и широкие идеографические соответствия, которые устанавливаются в литературных текстах с книжными лексико-фразеологическими единицами, а также контексты, которые поясняют смысл, семантику или авторское осмысление вводимого в текст слова, оборота речи.

Слова, составляющие литературное просторечие, в громадном своем большинстве отличаются яркой экспрессивно-эмоциональной характеристикой. В его составе могут быть и слова, обозначающие живые и устаревшие реалии крестьянского быта, сельскохозяйственного обихода, которым нет номинаций в литературном языке [3].

Самобытная экспрессия и принадлежность к сфере непринужденной, неофициальной устной речи, а также содержательно-тематическая и идейно-эстетическая заданность включения в текст (воспроизведение колорита среды, местности, эпохи, социально-речевая характерология) определяют особое положение такого рода слов и выражений по отношению к литературной норме. Яркая экспрессивность и характерологичность единиц литературного просторечия отнюдь не противоречат их нормированности. «Стилистически окрашенное в литературном языке, если оно общеупотребительно, не менее нормативно, чем нейтральное» [4]. Нормированность их состоит в определении достаточно узкой области или отдельных случаев употребления. Ср. вывод, сделанный Л. Г. Барласом: «Известное отклонение разговорно-просторечных слов от нейтральной лексики означает не нарушение ими литературной нормы, а сужение их употребления — в передачах тех речевых жанров, в которых допустимо соединение

---

[3] *Скляревская Г. Н., Шмелева И. Н.* Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном литературном языке. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., «Наука», 1974, с. 93—94.

[4] *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 155.

стилистически разнородных слов» [5]. Литературно-просторечная лексика и фразеология вносят дополнительное разнообразие в стилистические нормы современного русского литературного языка, углубляя их структуру, способствуют развитию его синонимических ресурсов.

Вопросы, связанные с соотношением литературного просторечия и литературной нормы, с установлением нормативности (в известных пределах) лексико-фразеологических единиц литературного просторечия, целесообразнее всего рассматривать в историческом плане, на основе конкретного изучения судьбы отдельных народно-разговорных слов и выражений в литературных текстах, созданных в послепушкинский период.

Принципиально важное и весьма существенное значение для судеб литературного просторечия имело то обстоятельство, что его становление и развитие происходило в рамках классической литературы, было непосредственно связано с развитием русской реалистической прозы и демократической публицистики. Приобщению внелитературных речевых средств к литературному языку способствовала общая ориентированность речевой структуры реалистической художественно-беллетристической и очерковой прозы (в лучших ее образцах) на литературную норму.

Можно говорить о целой системе приемов включения народно-разговорных слов в литературный текст и соотнесения их с литературной нормой (это особая тема). Прослеживается и известный механизм приобщения таких слов к литературному языку в рамках литературного просторечия. Во всяком случае, различные способы семантизации внелитературного явления (прямой комментарий, разъясняющий контекст, установление смысловых соответствий с общепринятым в литературном употреблении и т. п.), а также соотнесенность народно-разговорного слова с литературной нормой (эксплицитно или имплицитно выраженная) создают благоприятные условия для его нормализации. Так, Тургенев в рассказе «Ермолай и мельничиха» вводит прилагательное *лядащий* со ссылкой на орловский говор: «От него отказались как от человека, ни на какую работу негодного — „лядащего“, как

[5] *Барлас Л. Г.* Об отношении разговорно-просторечной лексики к литературно-языковой норме. — В кн.: Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. Ростов н/Д., 1968, с. 66—67.

говорится у нас в Орле». Обращает на себя внимание «описательное» пояснение слова. Этот диалектизм (он имел фонетические варианты *ледащий*, *ледящий*, *ледячий*, *лядощий*) был распространен в южно- и западнорусских, а также в псковском, тверском, костромском говорах (Сл. Даля, 3-е изд., т. 2, с. 742). Показательно, что его нашел возможным употребить А. В. Кольцов в письме к А. А. Краевскому от 16 июля 1837 г.: «*Ледащий* малый этот убыток, черт с ним совсем!» Это может свидетельствовать о том, что данное слово было не чуждо речи интеллигенции второй четверти XIX в. (конечно, надо учесть и воронежское происхождение Кольцова). В 80-х годах мы встречаем его в переписке Чехова: «Ловятся щуки, но от щук такая же корысть, как от *ледащих* собак» (Сл. рус. яз. Грота—Шахматова). Ср. у Энгельгардта в очерках «Из деревни» (письмо десятое): «А теперь, в кои веки придет какой-нибудь унылый, *лядащий* Филимон, попросит денег под уборку десятины покоса».

Во второй половине XIX в. прилагательное *ледащий* (и его фонетические варианты) встречается в сочинениях Писемского, Салтыкова-Щедрина, Мамина-Сибиряка, Лескова, преимущественно в прямой речи персонажей. К концу века оно, по-видимому, утрачивает прикрепленность к диалектной речи, поскольку в начале XX в. в Сл. рус. яз. Грота—Шахматова в статье «Ледящий» отмечается: «Слово вообще свойственно простонародной речи» (с. 383). А Сл. Ушакова и МАС регистрируют прилагательное *ледащий* как «просторечное», т. е. как относящееся к периферии литературного языка.

Вошло в современное литературное употребление и слово *образуется* из речи Матвея, камердинера Стивы Облонского (Л. Толстой, Анна Каренина): Степан Аркадьич уже был умыт и расчесан и собирался одеваться, когда Матвей. . . вернулся в комнату.

— Дарья Александровна приказали доложить, что они уезжают. . . — сказал он.

Степан Аркадьич помолчал. Потом добрая и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.

— А? Матвей? — сказал он, покачивая головой.

— Ничего, сударь, *образуется*, — сказал Матвей.

— *Образуется?*

— Так точно-с. . . — это диалог из 2-й главы 1-й части романа. Через несколько страниц (в гл. 4-й) Толстой дает «ограничительные пометы» к этому слову, в то же

время положительно оценивая его (устами Стивы): Степан Аркадьич мог быть спокоен, когда он думал о жене, мог надеяться, что все *образуется*, по выражению Матвея. . . Матвей говорит: *образуется*, но как? Я не вижу даже возможности. . . А может быть, и *образуется!* Хорошо словечко: *образуется*, подумал он. Это надо рассказать.

В данном случае автор отталкивается от литературно-нормативного употребления глагола *образоваться* «принимать определенный образ, вид; составляться» (Сл. 1847 г., 2-е изд., т. 3, стб. 59; ср. Сл. яз. Пушкина, т. 3, с. 48—49), воспроизводя его «простонародное» применение.

Первоначально *образуется* использовалось как своеобразное крылатое слово, «цитата» в речи интеллигенции. Например, в повести Чехова «Три года» (1895) находим: Пока это секрет, ничего не говорите там известной вам «особе». Это, я думаю, само собой уладится, или, как говорит лакей у Толстого, *образуется*. Здесь мы видим четкое синонимическое соответствие между литературным *уладится* и находящимся на пути к нормализации *образуется*. В первые десятилетия XX в., судя по Сл. Ушакова, это слово входит в литературный язык на правах «разговорного». Словарь современного русского литературного языка, отмечая «разговорный» характер глагола *образовываться* в соответствующем значении, дает это значение как фразеологически обусловленное, в составе сочетания «Все (или это) образовывается, образуется» (БАС, т. 8, с. 368).

При включении в состав литературного языка народно-разговорного слова, созданного по словообразовательным моделям некнижного характера, имеющим окраску разговорности, как правило, была «прозрачна» его «внутренняя форма», были очевидны деривационные связи с литературными соответствиями. Это обстоятельство для слов, обозначавших новую для литературного языка номинацию, а также и нередко яркая экспрессивность таких лексических единиц обусловливали их «преемлемость» для литературного языка в рамках литературного просторечия (а впоследствии, быть может, и в других функциональных сферах). Так, существительное *голодовка* — народно-разговорного происхождения [6] —

[6] Образования на *-овк-а* свойственны просторечию и профессиональной речи (Грамматика русского языка, т. 1. М., 1952, с. 202).

появляется в литературном языке не ранее 50-х годов XIX в.[7], впервые отмечено в Сл. Даля со значением «голодное или скудное время». К 70-м годам оно получило сравнительно широкое распространение в литературных текстах — не только в речи персонажей и в несобственно-прямой речи (например, у Гл. Успенского в «Письмах с дороги»: И стал ему за беседою-то про наше, про крестьянское житье рассказывать: и про *голодовки*, и про хворь, и про труды каторжные. . .), но и в авторской речи публицистических произведений (например, в очерках «Из деревни» А. Н. Энгельгардта: Огромные недоимки, частые *голодовки*, быстрое увеличение числа безземельных, которые, бросив землю, уничтожив хозяйство, распродав дворы, уйдя из деревни, только номинально считаются общинниками, а в действительности такие же безземельные, как и те, не получившие наделов, которые так и пишутся безземельными, ясно доказывают, что дело не совсем ладно).

Голодовка, как очевидно, соотносительно со словами *голод*, *голодать*, *голодный*, *голодание*, с экспрессивным образованием народно-разговорного характера *голодуха* (зафиксировано без помет уже Словарем 1847 г.). Это, конечно, ускорило процесс нормализации слова, о чем свидетельствует приведенный отрывок из очерков Энгельгардта (здесь *голодовка* выступает уже как принятое обозначение определенного явления народной жизни; оно свободно включается в текст, насыщенный словами и оборотами книжного характера), а также его регистрация в Сл. рус. яз. Грота—Шахматова (т. 1, 1895, с. 845). Впрочем, *голодовка* не сразу принимается в нормативных словарях. Так, в Подроб. орфограф. сл. при *голодёхонек* и *голоднёхонько* все же *голодовка* отсутствует.

Недоумок (глуповатый, неразвитый человек) и по словообразованию и по яркой пейоративности смысла и экспрессии несет на себе печать народно-разговорной речи. Хотя оно и встречается в художественных текстах начала XIX в. (см. у А. Марлинского в повести «Фрегат „Надежда“»: На прошлое мы *недоумки*, в настоящем недоросли, а в будущем недоверки), отмечается лишь в Дополнении к Опыту обл. вел.-рус. сл. (1858). О распространенности слова *недоумок* в говорах сообщает академический Сл. рус. яз. Грота—Шахматова (т. 13, вып. 3. Л.,

[7] См.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава. . ., с. 484.

1935, с. 424). На народно-разговорные истоки рассматриваемого существительного указывает также дополнение И. А. Бодуэна де Куртенэ в 3-м издании Сл. Даля: «Царь *недоумочек*, из былинных рассказов» (т. 2, стб. 1342). *Недоумок* благодаря яркой выразительности получает распространение в публицистическом стиле 50—80-х годов. См. в очерках Энгельгардта «Из деревни»: Бедность этих дворов зависит или от того, что хозяин *недоумок*, плошак, нехозяйственный человек, или от каких-нибудь случайных особенных причин. . .; у Салтыкова-Щедрина: . . .принадлежность к «интеллигенции», как смехотворно называют у нас всякого не окончившего курс *недоумка*. . . (Пошехонские рассказы).

«Родственные» этому существительному слова были представлены в публицистике и сатире 40—60-х годов: у Белинского встречаем «недоумочные статьи» (правда, в составе каламбура: «всем остроумием своих надоумочных или — правильнее — недоумочных статей»), у Герцена: «хроническое недоумие» (Былое и думы); у Салтыкова-Щедрина: «Многоумие в некоторых случаях равносильно недоумию» (История одного города). Как видим, и названные слова, поставленные в разъясняющие контексты (и предупредительные кавычки), тогда только еще осваивались литературным употреблением (так, *недоумие* было зафиксировано только Дополнением к Опыту обл. вел.-рус. сл. 1858 г., как, впрочем, и *недоумок*). Все же это, несомненно, помогало слову *недоумок* закрепиться в литературном языке. В первые десятилетия XX в. его употребление все еще сопровождается разъяснительными контекстами. У П. Бажова встречаем: Нашел все-таки *недоумка* одного. Мужик большой, а умишко маленький — до десятка счету не знал (Змеиный след). *Недоумок* регистрируется в Сл. Ушакова как «разговорное», в БАС — как «просторечное». Одно несомненно: это слово принято в современном русском литературном языке в качестве остро оценочной характеристики человека преимущественно в сфере разговорной речи, но допустимо и в публицистическом стиле и, естественно, в языке художественной литературы.

Как видно из приведенных иллюстраций, слова, включающиеся в литературный язык на правах единиц литературного просторечия, могут иметь разную судьбу. Одни остаются в сфере литературного просторечия до наших дней (*болезный*, *большак*, *братан*, *гораздо*, *елозить*,

живалый, *живоглот*, *жох*, *задор*, *здоровенный*, *зеленя*, *зыкнуть*, *косой*, *лядащий*, *мазурик*, *обряжаться*, *ражий*, *родимый*, *страшенный*, *уделывать*, *укланять*, *щедровитый*, *ядреный*; некоторые из таких слов не получают распространения в XX в., например *дребезг*, *загородь*, *прижимка*). Другие стали достоянием «нейтрального» слоя разговорной литературной речи (*аховый*, *бесшабашный*, *выкрутасы*, *гвалт*, *головотяп*, *дешевка*, *ёкать*, *жулик*, *завзятый*, *залихватский*, *занозистый*, *зря*, *зряшный*, *измываться*, *клянчить*, *лебезить*, *мальчуган*, *повадно*, *щуплый*). Третьи получают общелитературное распространение, нередко становясь достоянием книжной лексики; многие из них уже в пределах XIX—нач. XX в. встречаются в публицистических текстах, в авторском повествовании художественно-беллетристических произведений наряду и наравне с традиционными книжными лексическими единицами (*беднота*, *быт*, *голодовка*, *двурушник*, *кулак*, *обыденный*, *подоплека*, *свистопляска*, *шумиха*).

Сопоставление намеченных трех групп убеждает в том, что литературное просторечие обусловливает наиболее узкие рамки литературно-нормативного употребления лексических (и фразеологических) единиц. Их «просторечность» указывает на народно-разговорное происхождение и характер, принадлежность же к «нижнему» слою литературного языка определяет стилистическую специфичность такого рода лексико-фразеологического материала.

Наблюдения над группами слов, ставшими нейтральными или общелитературными, показывают, что литературное просторечие — важный канал, через который осуществляется пополнение литературного языка народно-разговорной лексикой и фразеологией — живительными соками народной речи. Только пройдя через «сито» литературного просторечия, становятся достоянием литературного языка и просторечные, и диалектные, и жаргонные слова и фразеологизмы. Этим обстоятельством, собственно, и определяется актуальность проблемы литературного просторечия.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА В 20-е ГОДЫ XX в. И ПРОБЛЕМА НОРМЫ

Л. М. Грановская

1. В послеоктябрьский период продолжаются те линии развития словарного состава русского литературного языка, какие определились раньше: уход старых номинаций (процесс, описанный в лингвистической литературе довольно схематично), пополнение, семантическая трансформация, изменение стилистического статуса ряда слов. Различна динамика этих процессов, их соотношение друг с другом, степень актуализации тех или иных проявлений.

Экстралингвистические факторы при всей их важности и очевидности не всегда могут явиться достаточно четкой и надежной границей между одним этапом языкового развития и другим, хотя ощущение изменений языка, вносимое субъективным восприятием говорящих и спроецированное на языковое сознание (как и множество других явлений, обусловленных изменениями извне), создает видимую корреляцию.

20-е годы можно назвать временем взаимопроницаемых состояний. Лексика языка представлена множеством динамических вариантов, обнаруживающих стилистическую пестроту. Нестабильность лексической нормы характеризуется своеобразием ее осознания в разных сферах речи, причудливостью ее граней. Сосуществование словарных единиц, принадлежащих двум различным этапам языкового развития, образует своеобразную картину соотношений унаследованных архаизмов с новообразованиями пред- и послеоктябрьского десятилетий. В лексическом материале остро ощущается сосуществование разных временны́х явлений (дистанция между ними сокращается, стирается граница, зримая, очевидная, определяемая временем и социальными переменами). Вместе с тем четко определяются зоны лексических трансформаций.

Послеоктябрьская эпоха, особенно ее первое десятилетие, определила быстрый переход неологизмов в историзмы. Вот некоторый перечень слов, фразеологизмов, семантических употреблений в первые два десятилетия XX в.: *вечник* (осужденный на вечную каторгу), *велосипе-*

дисты (пропагандисты, агитирующие среди крестьян в поле), *халупник* (в первую мировую войну кличка солдата, старавшегося в трудный момент спрятаться в какой-нибудь хате, «халупе»), *хунхузить* (разбойничать), *десятка* (вооруженная дружина — название, возникшее в 1905 г. и сохранившееся в уставе красногвардейцев Питера в 1917 г.), *цензовик*, *учредиловец*, *мартовский эсер*, *третьеиюльский интеллигент*, *министериабельность* (практика участия социалистов в реакционных буржуазных правительствах), *вывеска* (ироническое о правительствах, часто менявшихся в годы гражданской войны) и др.[1] Очерковая литература начала 20-х годов (обращавшаяся и к сюжету) широко использовала этот круг слов, документируя ими изложение, и вследствие этого оставила его в редких источниках, малодоступных лингвистическому обследованию.

Исторически недолговечными оказались обозначения людей по их принадлежности к известным политическим партиям, течениям, идейным группировкам: *автономисты* (сторонники политической автономии какого-либо народа, во второй Государственной думе — представители Кавказа, Литвы и др.), *активец* (вооруженный хулиган, действовавший в рабочих кварталах во время первой русской революции), *безвластник* (анархист), *бойкотист* (участник политического бойкота), *выборжец* (оппозиционный депутат Государственной думы, по названию г. Выборга, где был выпущен манифест к народу, призывавший его к пассивному сопротивлению в форме отказа от взноса податей и доставления солдат), *думец*, *максималист*, *мирнообновленец*, *народоправец*, *независимец* (член провокационной организации «Независимая социалистическая рабочая партия»), *отзовист*, *прогрессист* (член так называемой прогрессивной партии либерально-монархической буржуазии и помещиков), *трудовик*, *черносотенец* (либо *хоругвеносец*), *учредиловец*, *оборонец*, *пораженец* и др.

Среди этих номинаций — значительное число образований от имен собственных: *бакунист*, *бланкист*, *каутскианец*, *лассальянец*, *жоресист*, *лонгэтист*, *гвоздевец*

---

[1] С. И. Ожегов называет такой круг слов поденками (например, *татьянка*, *румянка*, *шикар*). См.: *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка. — ВЯ, 1952, № 2, с. 98.

(сторонник меньшевика, социал-шовиниста Гвоздева), *махаевец* (сторонник группы Я. Махайского, проповедовавшего враждебное отношение к революционной интеллигенции), *ушаковец* (член партии, девизом которой была только экономическая борьба), *зубатовец*, *гапоновец* и др., включавших новый тип наименований — образования от названий газет и журналов, выдвигавших известную политическую программу: *правдист*, *искровец*, *рабочеделец* (от названия журнала экономистов «Рабочее дело»), *освобожденец* (по названию журнала «Освобождение» — органа либеральной буржуазии), *вперёдовец* (член антипартийной группы отзовистов, ультиматистов и богоискателей, издававших газету «Вперед»), *беззаглавец* (член полукадетской, полуменьшевистской группы русской буржуазной интеллигенции, по названию политического еженедельника «Без заглавия»), *воленародовец* (правый эсер, по названию газеты «Воля народа»), *голосовец* (меньшевик, от названия меньшевистской газеты «Голос»).

Историзмами стали слова, называющие лицо по месту ссылки или заключения: *кариец*, *енисеец*, *шлиссельбуржец*, *централист*. Исчезли наименования, возникшие на короткий период во время гражданской войны: *кофейная армия* (ироническое о белой армии), *осважник*, *бонапартята*, *каэр* (контрреволюционер), *контрик*, *антоновщина*, *григорьевщина*, *меркуловщина*, *корниловцы*, *каппелевцы*, *дроздовцы*, *марковцы*, *золотопогонник*, *пилсудчик*, *переворотчик*, *стрекопытовщина*, *врангелист* (*вранжелист*), *варта*, *незалежники*, *боротьбисты*, *отправить в штаб Духонина*, *серяк*, *черногвардейцы*, *колчакия*, *скоропадия*, *закомиссариться*, *бутербродник*, *резвакуация* и др.

Быстро исчезли, едва успев войти в ограниченное территорией употребление, названия денежных знаков: *ходя*, *китайки*, *косая*, *лимон* (регистрируется как областное (крымское) во время белой оккупации), *керенки*, *буферка*, *колокольчики*, *катеньки*, *крылатки*, *фазанчики*, *думки*, *синенькие* и др. Иллюстрацией этого процесса являются и многочисленные сложносокращенные наименования в 20-е годы, отодвинутые временем на историческую периферию: *продармеец*, *помгол*, *Комфут* (коммуна футуристов), *Теревсат* (Театр революционной сатиры), *Марем* (мастерская революционной миниатюры), *Моревинт* (Молодежный революционный интернационал), *Курмасцен* (Курсы мастерства сценических постановок), *Гуд-*

рабис, *рабкрин*, *Всеработземлес*, *худспец* (художник-специалист), *начоперупр* и множество других.

В 20-е годы определилась судьба слов, отражающих дворянский речевой обиход (*журфикс*, *жантильничать*), социальное неравенство, сословно-пренебрежительное отношение к «иноверцам», «инородцам» (*абаза* 'бестолковый басурманин' — Сл. Даля, т. 1, с. 2), военных к штатским (*рябчик*, *стрюцкий*, *сугубец*, *цук*, *шпак*, *штафирка*). Исчезли слова, обозначающие старый административный аппарат, управленческую иерархию, названия учебных заведений, соответствующие обозначения учащихся, например: *департамент*, *гимназия*, *лицей*, *институт благородных девиц*, *епархиалка* — понятия, в известной степени устоявшиеся, и новые, возникшие в начале XX в: *академист* (студент Академии, сторонник ограничения студентов чисто академическими, научными интересами), *курсовать* (учиться на курсах), *витмеровцы* (участники конференции учащихся средних учебных заведений, состоявшейся в помещении гимназии Витмер, и отсюда получивших это название). В законодательных актах перестали употребляться наименования старых должностных лиц (*гласный*, *урядник*, *присяжный поверенный*, *мировой судья* и др.).

На периферии языка оказался ряд слов, связанных с церковной обрядностью; некоторые из них фиксируются словарями 20—30-х годов уже без учета реального употребления: *манатейный* ('имеющий право носить монашескую мантию' — Сл. Ушакова, т. 2, стб. 136), *ектенья*, *столпничество*, *акафист*, *автокефальный* (самостоятельный) и др. Процесс утраты ряда единиц словаря не сопровождался их взаимозаменяемостью: создавался новый круг номинаций, не соотносящийся со старым. Традиции употребления ряда архаизмов смещены, и следует говорить о новом их качестве.

В исследованиях лексики послеоктябрьского времени практически не описано в полном объеме исчезновение большого числа заимствованных некогда слов, имевших дублетные параллели: *аббатимент* (поединок на сцене), *абгрегация* (удаление из общества), *абдикация* (отречение от престола, сложение с себя власти или сана), *абецедарий* (букварь; новичок, изучающий начатки какого-нибудь предмета), *абшид* (отставка, увольнение, отпуск), *авантаж* (выгода, преимущество), *аверсия* (отвращение), *агносцировать* (в коммерции: признать обязательство), *аграманты* (украшения), *аграф* (пряжка, застежка), *адорация* (обо-

жание), *алармист* (человек, старающийся распускать тревожные слухи, поднимающий тревогу по пустякам — Сл. Даля, т. 1, с. 16), *амбюскада* (засада), *апель* (сигнал для сбора войск), *аркебузировать* (расстреливать), *арогантный* (притязательный, надменный, напыщенный), *афронт* (неожиданный отпор), *бивакировать* (стоять или жить в бивуаках; не иметь постоянного жительства), *благерство* (хвастовство, бахвальство), *бонмотист* (остряк), *брио* (горячность, азарт), *брульон* (черновое письмо), *вивер* (человек, ведущий праздную жизнь), *галантерейность* (вежливость), *гутировать* (смаковать), *жантильный* (жеманный, кокетливый), *жантильом*, *женировать* (стеснять), *жиро* (перевод векселя), *инсуррекция* (возмущение), *костелляция* (созвездие), *куртаж* (плата маклеру за труды), *матине* (утренний женский наряд; дневное представление в театре; званое утро с литературной или музыкальной программой в частном доме), *менажерия* (зверинец), *менажировать* (щадить кого-либо), *мизерабль* (бедняк, несчастный), *монтировать* (снабдить нужным), *партикулярный* (частный, не принадлежащий правительству), *пледировать* (судиться, вести тяжбу), *престидижитатор* (циркач, фокусник), *промесс* (предварительное обязательство произвести уплату в определенное время), *ракалия* (негодяй, плут), *редижировать* (редактировать), *реприманд* (выговор, замечание), *сикофант* (доносчик), *стационировать* (останавливаться, пребывать неизменным), *фетировать* (поздравлять, чествовать, праздновать), *фрапировать* (неприятно поразить), *шемотон* (пустой, легкомысленный человек), *шикар* (фат), *эскамотировать* (обмануть, присвоить результат чужого труда) и др.

Судьба многих галлицизмов в лексической системе русского языка послеоктябрьского времени определилась в значительной степени факторами нелингвистическими. Книжные стили литературного языка и художественная речь конца XIX—нач. XX в. широко заимствовали французский материал и осваивали его (термины воздухоплавания, авиации, живописи, литературных школ, номинации, связанные со сферой искусства, бытом художественной среды и др.). Хотя «уровень. . . обязательного знания французского языка сильно упал к первым десятилетиям XX века по сравнению с французской речью эпохи „Войны и мира“», тем не менее важной оказалась «не степень усвоения французского языка, а то

социальное значение, которое этому французскому языку в „высшем обществе“ приписывалось» [2].

Неогаллицизмы были неотъемлемой частью словаря модернистской поэзии и прозы. И. Анненский, А. Блок, А. Белый горячо отстаивали дальнейшее развитие литературного словаря в этом направлении. Пристрастие к французским словам и оборотам показательно даже для языка переводов античных писателей. Многие метафорические словосочетания (например, *мираж жасмина*, *эмфаза слов*) были сравнительно новыми в русской художественной речи и отличались своей «нерусскостью» на фоне ранних адаптаций. Художественная практика начала XX в. преодолела непоэтическое воздействие ряда несклоняемых слов: *эспри*, *электрик*, *мов* и др. Речь идет не об известном «изыске», а о сложившихся тенденциях семантически углубленно и стилистически разнообразно осваивать этот материал.

Отражая в известной своей части сферу дворянского речевого обихода, некоторые из этих номинаций с самого начала несли отпечаток кастово замкнутого употребления [3]. Естественно, что они быстро вышли из употребления с утратой определенных общественных отношений. Использование ряда галлицизмов в конце 20-х годов (*монтировать*, *демимодентка*, *конферировать*, *рамолиссмент*, *гантировать*, *вертиж* и др.) замкнуто сферой «интеллигентского говорения», за пределами ее — стилистически маркировано (стилизует «бывшесть» или, на-

---

[2] *Поливанов Е.* За марксистское языкознание. М., «Федерация», 1931, с. 129.

[3] См., например, рассуждения П. Хохрякова о слове *лансировать* (франц. lancer): «Светское общество, или свет, в тесном смысле этого слова, доступен не всякому. Когда не только вводят и водворяют кого-нибудь в свет, но вступление его в последний сумеют так обставить, устроить и дать ему сразу такой ход, что то лицо приобретает в нем быстрый успех, производя собою заметно выгодное впечатление, выделяющее его перед другими членами светского общества, то французы выражают его словом lancer, говоря, что такой-то человек lancé в свете. . . Нельзя сказать по-русски: такой-то *человек брошен*, *кинут*, *пущен в свет*, а о глаголе *метать* и говорить нечего: он совсем уж тут не годится. Можно еще приблизительно передать — *пущен в ход в свете*; но выражение *пускать в ход* воспроизводит представление о пускании в ход машины; лучше сказать — *дан такому-то ход в свете*, но через это не получится живописной образности, заключающейся в слове lancer» (*Хохряков П.* Язык и психология. Казань, 1889, с. 22).

против, пародирует). Употребление их эпизодично и в других сферах литературного языка. Эти процессы количественно и качественно изменили корпус словаря и способствовали сдвигу значений и стилистической окраски ряда слов.

Не укрепился ряд новообразований, созданных в последние десятилетия XIX—нач. XX в. искусственно: *антитеологизм*, *парлефетизм* (от propagande par le fait з противовес пропаганде словом — М. Бакунин), *филозои* (любители жизни — П. Боборыкин), *безнародник* (Н. И. Энгельгардт), *славянофилизм* (В. С. Соловьев), *иррелигиозность* (С. Булгаков), *мэон* (Н. М. Минский), *историология* (Н. Кареев), *аситизм* (П. В. Струве), *монодрама* (Н. Н. Евреинов), *иннормализм* (К. Эрберг), *хаокосмос* (С. Юшкевич), *кодачить* (фотографировать), *вермишелить* (быть депутатом в Государственной думе), *каинотворцы* (черносотенцы), *синежурнально* (занятно), *будущник* (М. Ларионов), *мономания* (В. В. Воровский) и др.

В литературный язык послеоктябрьского времени не вошли наименования, замкнутые сферой особого словоупотребления и возникшие в условиях конспирации кружков и тайных обществ: *наборня* (типография), *апельсин* (бомба), *лучезарные* (революционерки, осужденные на каторгу по процессу 50-ти), *протестанты* (революционеры, отказавшиеся в ходе следствия от защиты и не принимавшие никакого участия в судебном разбирательстве), *подаванец* (тот, кто подает прошение о помиловании), *седой* (социал-демократ), *молчальник* (революционер, не дающий на допросах никаких показаний), *архангелы* (иронически о жандармах), *усыпальница* (тюрьма), *зулус* (карьерист), *троглодиты* (народники, славившиеся искусством конспирации, «пещерные люди» — шуточное прозвище, данное Клеменцем); *деревенщики* (сторонники мирной пропаганды в провинции), *паяльщики* (или «смыкатели тока», вожди, объединяющие революционеров в единое целое, «сплав»), *транспортисты* (революционеры, перевозившие из-за границы нелегальную литературу), *небесная канцелярия* (изготовление фальшивых документов для нелегальной работы), *техники* (революционеры, готовившие взрывчатые вещества и производившие над ними опыты), *техника* (подпольный типографский станок), *подметка* (агент внутреннего наблюдения), *обратник* (осужденный, бежавший с места

поселения и вторично приговоренный к каторге) и др. В Шлиссельбурге в 80-е годы родилось столь популярное в современном языке слово *разрядка* из: *разрядка нервной энергии* (потребность душевного спокойствия). Семантически зыбкие, эфемерные, варьировавшиеся от кружка к кружку, они не могли стать в свое время предметом официальной публикации и лингвистического толкования. Правда, часть этих слов употреблялась в официально-канцелярских документах по «охране общественной безопасности и порядка в государстве». Политические процессы 70—80-х годов, представившие русскому обществу этот круг номинаций, в известной степени лишили его тайности, и в последние десятилетия XIX—нач. XX в. они вошли на короткое время в разговорный обиход, публицистику и художественную литературу.

Процесс заимствования, по наблюдениям Л. П. Крысина [4], в 20-е годы был выражен чрезвычайно слабо. Список приводимых исследователем слов (перечень, перенесенный и в современные учебные пособия по лексике) может быть сокращен. Слова *бум*, *стенд*, *метро*, *репортаж*, *туризм*, *аншлаг*, *силос* и др. заимствованы еще в предоктябрьский период.

Для 20-х годов показательны процесс образования русских слов с иноязычными формантами (*тренаж*, *станковист*, *дербанизация* от глаг. *дербанить*, *инструктаж*, *дотация*, *индустриализация*, *машинизация*, *спортизация*, *коренизация*, *военизация*, *стабилизация*, *татаризация*, *кулакизация*, *инвестиция*, *субвенция*, *типизация*, *украинизация*, *дауэсизация*, *фордизация*) и широкое распространение в речи заимствований — общественно-политических понятий — явление, вызвавшее полемику о нормах употребления иноязычного материала и его функциональной нагрузке [5]. В период Февральской революции укрепилось слово *старостат* [6]. В первое послеок-

---

[4] См.: *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

[5] «Вряд ли может удовлетворить такое словотворчество, как „типизация хлеба“» (*Смирнов-Кутаческий А.* Язык и стиль современной газеты. — Печать и революция, 1927, кн. 1, с. 13). Среди слов, «каких много пригрелось без нужды в гостеприимной русской речи», автор называет *субвенционную квоту* и *ферулу* (Там же, с. 14). См. также: *Презент М.* Заметки редактора. Л., 1933, с. 12—20, 126.

[6] «Слово это — аналогия к „секретариат“ — на редкость, по-моему, удобно и сообразно. Куда лучше, чем „совет старост“. Иностран-

тябрьское десятилетие в речевом обиходе широко употреблялись слова: *герлс*, *дансинг*, *джаз*, *жиголо*, *скетч*, *чарльстон*, *шансонье*, *шлагер*, отодвинутые в 30-е годы на периферию, а затем возрожденные в 60-е годы модой («ретро»), литературой о путешествиях, профессиональной речью.

Кончился период замкнутого существования и развития национальных языков народов окраин бывшей Российской империи. Социально-политические события стимулировали процесс освоения множества слов, продолжающийся с особой интенсивностью и сейчас.

С повестью А. Неверова «Ташкент — город хлебный» распространилось слово *арык*; наряду со словом *басмач* (искусственное усечение тюркского *басмачи*, воспринятого как форма мн. числа) оно вошло в активный речевой фонд. Ориентальная лексика, ее денотативный строй, приобретшие особое стилистическое звучание и семантическое наполнение на рубеже XIX—XX вв. (эзопов язык), расширяют свои границы. Часть слов, функционировавшая в разных стилях русского литературного языка как своеобразный восточный орнамент (*чадра*, *джигит*, *сакля*, *кишлак* и др.) и осложненная известным психологическим и эстетическим комплексом ассоциаций, теряет свою романтическую окраску, наполняясь в 20-е годы общественно-политическим смыслом (*сбросить чадру*, *революционный кишлак*). Слово, оторвавшееся от реалии и существовавшее в своем замкнутом ореоле как знак образа, отягощенное литературными реминисценциями, становится предметно однозначным и социально окрашенным. Множество экзотизмов перестает мыслиться в семантическом объеме только национального словаря. Развитие русского литературного языка в послеоктябрьский период характеризуется этим важнейшим процессом взаимовлияния и взаимообогащения.

Шире включают круг этнографизмов ориентальная проза и поэтический язык. Построение разных типов монолога (перестроивших в значительной степени свой нормативный узус), обращенность к национально-историческому материалу позволяют писателям шире привлекать новые пласты экзотизмов и своеобразно использовать их

ный суффикс, раздражавший в этом слове пуристов, пригодился здесь как нельзя более кстати» (*Винокур Г. О.* Культура языка (Очерки лингвистической технологии). М., 1925, с. 46).

стилистическую контрастность и звуковую инструментовку.

Стилистические перемещения характеризуют ряд немаркированных слов: *писание*, *зачинщик*, *сборище*, *красивость* [7], *элемент* (устойчивое употребление слова с отрицательной окраской приходится в основном на 20-е годы: *элемент* — лицо против власти [8]), *речение*, *моралист*, *пособник*, *песнопение*, *водиться*, *невозбранно*, *зáраз*, *меж*, *соборно*, *облаченный*, *смиренство*, *деяние*, *доселе*, (человек) *с понятием*. Слово *футуризм* утратило свой бранный смысл, слово *пассеизм*, напротив, его приобрело, сначала в манифесте футуристов, а затем в литературном языке вообще, осмыслившись как понятие социальное: пристрастие к прошлому, любование им при индифферентном или враждебном отношении к настоящему (*кн.*, *неодобр.* — Сл. Ушакова, т. 3, стб. 61).

Функциональная закрепленность ряда слов перестает осознаваться, вследствие чего возникает сочетаемость разностильных элементов в узком контексте, определяемая контрастностью «социальных координат» (М. Бахтин). Отсюда, в частности, вытекает и особое положение архаики: привычная «высокость» образных аналогий включается в новую градационную значимость, не обусловленную выбором темы. Из функционально закрепленных стилевых позиций архаизмы переходят в нетипичные контекстуальные условия, в жанры, сочетающие стилистически контрастный материал. Противоестественность сочетаний осмысливается первоначально не столько в языковом, сколько в чисто социальном плане. В художественной речи использование и закрепление этих типов словосочетаний поддерживалось структурой монолога, не ориентированного на прямое авторское слово. Стилистическая противопоставленность стерлась в словосочетаниях, которые имели тенденцию быстро клишироваться.

Публицистика и отчасти разговорная практика отразили этот процесс как явление, нормативно принятое для определенной части текстов, художественная проза стилистически маркировала этот материал, прокомментиро-

---

[7] См.: Лексика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, с. 140.

[8] *Поливанов Е. Д.* Революция и литературные языки Союза ССР. — Революционный Восток, 1927, № 1, с. 41.

вав эти стилистические сопряжения в ряде сюжетных ситуаций. Нормативный узус в начале 20-х годов оказывается дифференциально рассредоточенным применительно к разным жанрам языка.

Лексическая окраска нередко определялась и внешними ассоциациями — звуковой формой, структурными соответствиями. Так, аббревиатура *тэжэ* быстро стала соотноситься с рядом французских несклоняемых «парфюмерных» фамилий — Коти, Ралле и др. [9] Каковы бы ни были причины этих явлений (отсутствие языкового вкуса и проч.), все они, прямо или косвенно отражая направленность процесса изменений, свидетельствуют об изменении окраски у большой группы слов.

Процесс семантических преобразований (подвергнутый в 20-е годы нормативной оценке, как и любое другое языковое изменение) представлен двумя типами явлений: 1) изменением значений ряда слов (*знатный*, *советский*, *воскресник*, *ясли*, *линия*, *смычка*, *уплотнить*, *заземлить*, *заострить*, *отпочковаться*, *стопроцентный*, *проработать*, *ударник*, *спайка* и др.) — явлением, достаточно широко прокомментированным нашей лингвистической литературой [10]; 2) возникновением семантических архаизмов: *лакированный коммунист* ‘неискренний, примазавшийся’ (Сл. Ушакова, т. 2, стб. 20), *американец* перен. ‘энергичный, деловитый, практичный человек’, *викжелить* ‘вилять между двумя лагерями; увиливать от прямого, решительного образа действий, решений’ (т. 1, стб. 292), *ландскнехт* перен. ‘наймит, прислужник’ (т. 2, стб. 23; возродилось в 60-е годы в связи с акциями наемников), *велосипедный* (‘быстрый’: *велосипедное чтение*), *мексиканские нравы* (разбой, насилие), *афишный* (яркий, вычурный, броский), *маргариновый* (поддельный, ненастоящий), *разъяснить* (упразднить, отстранить от выборов, лишить избирательных прав), *дормезный* (вчерашний, старорежимный). Слово *герменевтика* ‘наука, объясняющая священное писание и законы’ (Толковый словарь. 40 000 иностранных слов. М., 1875, с. 189; Сл. Даля, т. 1, с. 859)

---

[9] См.: *Тренин В.* Пищевкусовые жанры. — Новый Леф, 1928, № 2, с. 25. О смысловых и стилистических соответствиях полных и сложносокращенных наименований см.: *Винокур Г. О.* Указ. соч., с. 59—61.

[10] См., например: *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). 2-е изд. М., 1928.

секуляризуется: герменевтика — интерпретация текста (см.: А. М. Евлахов. Введение в философию художественного творчества, т. 3. Ростов н/Д., 1917, с. 4; Г. Г. Шпет. Мудрость или разум. — В кн.: Мысль и слово, т. 1. М., 1917, с. 50).

Ряд переносных значений существует как семантический спектр своего, исторически замкнутого времени: «. . . для исторической семантики нет иной систематики, кроме ее собственной завершенности»[11].

На определенном отрезке времени выстраиваются единицы, имеющие разный статус устойчивости. Обнаруживается ряд несоответствий в семантических структурах слов, разделенных даже небольшим промежутком времени, выявляются потенции в изменениях, которые реализуются уже за пределами рассматриваемого периода и вследствие этого принадлежат другому кругу исследований. Так, в послеоктябрьский период происходит перестройка семантической структуры ряда слов, например: *вертеп*, *артистический*, *демагог*, *актуальный*, *тенденциозный*, *кабала*, *подличать*, *экспроприация*, *трудничать* ('собирать деньги на церковь' — Сл. Даля, т. 4, с. 853) и др.

Активным семантическим процессом стало упрощение смысловой структуры ряда слов, т. е. выпадение одного из значений, например: *пудрить* — 1) покрывать пудрой; 2) делать выговор, побранить (Сл. Даля, т. 3, с. 1406); последнее значение является калькой с французского, употребление которой с самого начала было ограничено речевым обиходом дворянской среды; *византийский* — 1) относящийся к Византии, 2) изощренный, жестокий; *антик* — 1) редкая древняя вещь; 2) человек с отсталыми привычками или одетый в старинное платье (Орлов, ФС, т. 1, с. 74); 3) древность, редкость; *демонизм* — 1) вера в демона; 2) особенность характера, выражающаяся в том, что человек находит наслаждение в страданиях другого; 3) литературное направление, характеризующееся тем, что героями произведения являются так называемые демонические натуры, т. е. натуры гордые, мрачные, разочарованные (Попов, СИС-1907, с. 114); *англизация* — 1) подрезывание на английский манер хвоста у лошади; 2) устраивание чего-либо на английский образец; *партизан* — 1) участник партизанской войны, член партизанского отряда; 2) перен.: инициатор, один из первых сторонников

[11] *Дюпрон А.* Язык и история. М., 1970, с. 54.

какого-нибудь движения, направления (книжн. устар.); 3) человек, работающий по-партизански (неодобрит., Сл. Ушакова, т. 3, стб. 53); *адвокатура* — 1) профессия адвоката, т. е. «известного рода деятельность, заключающаяся в ведении на суде чужих процессов; 2) сословие адвокатов, т. е. класс лиц, посвятивших себя этой профессии» (Е. В. Васьковский, Организация адвокатуры, ч. 1. СПб., 1895, с. 1), ср. в Сл. Ожегова: *адвокатура* 'адвокаты'; *журналист* — 1) пишущий в журналах; 2) чиновник какого-нибудь присутственного места, на обязанности которого лежит вести журнал входящим и исходящим бумагам (Попов, СИС-1907, с. 136); *курбет* — 1) прыжок верховой лошади с поджатыми передними ногами (спорт.); 2) перен.: выходка, каприз, странный поступок (разг., фам., неодобрит.) (Сл. Ушакова, т. 1, стб. 1551); *фактор* — 1) комиссионер, представитель торговой фирмы, мелкий посредник; 2) в типографии — надсмотрщик, глава, руководитель работ; 3) движущая сила историч. процесса; 4) действие, начало, двигатель (Рыбаков, СИС, с. 918).

В слове *кабала* было утрачено переносное значение 'напраслина', зарегистрированное В. И. Далем: *Взвести на себя кабалу, влезть самому в беду* (Сл. Даля, т. 2, с. 166), и широкоупотребительное в начале века: Я заметил государю. . . что вообще против Сухомлинова ведется страшная *кабала*. . . Я спросил государя, слыхал ли он про эту *кабалу* (Дневник великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925, с. 32).

Изменения в лексическом составе языка, в системе значений и стилистической окраске ряда слов повлекли за собой и перестройку некоторых синонимических рядов. Разрушились синонимические отношения между словами: *царедворство* и *лукавство*, *спичка* и *серник*, *инсуррекция* и *возмущение*, *восстание*; *мизерабль* — *несчастный* и др. Сфера употребления ряда слов сужается, стилистическая их окраска «густеет».

2. Изменения в русском литературном языке в послеоктябрьский период подвергались ожесточенной критике за рубежом, в эмигрантской печати. Как показывает обследованный материал, оценка ряда словоупотреблений определялась в известной степени субъективными факторами, возникнув как производное от особенностей существования русского языка в изоляции, от социальной принадлежности его носителей, их языковых вкусов

и пристрастий, от отношения к слову как средству идеологической пропаганды. В этом процессе оценок были попытки перетолковать сложившийся концептуальный аппарат и навязать ряду понятий новое содержание.

Новообразования, семантические переосмысления ряда общественно-политических терминов, определившиеся в русском языке конца XIX—нач. XX в. в известной степени факторами неязыкового порядка — ростом революционного движения, развитием разных жанров пропагандистской литературы, в эмигрантском языке не закрепляются. Так, слово *провокатор* употребляется в известной столыпинской формулировке («агент полиции, который проник в революционную организацию и дает сведения полиции. . . не может считаться провокатором» — Сб. речей П. А. Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906—1911 гг.). СПб., 1911, с. 77) вопреки сложившемуся в литературном языке значению. Слову *конспирация* эмигрантская печать придала явно иронический оттенок.

Своеобразно осмысливается ряд новых общественно-политических понятий, сформировавшихся в годы революции и гражданской войны. Так, слово *керенщина* определяется в эмигрантской литературе как обобщенное понятие политической слабости, неумения превратить слова в действие; в русском литературном языке 20-х годов оно существует в наборе других семантических признаков: 1) совокупность сторонников Керенского; 2) исторический феномен, обусловливающий эту группу; ср.: *керенщина* (нов. полит. презрит.). Политика мелкобуржуазной революционной власти, предающая интересы трудящихся, пролетариата и прикрывающая свое соглашательство с крупной буржуазией громкими фразами, первонач. о периоде русской революции 1917 г., когда во главе правительства стоял Керенский (Сл. Ушакова, т. 1, стб. 1350).

Русская эмиграция старшего поколения была противницей «тигеля» — растворения, переплавки национально-культурных традиций, в том числе и языка, в «котле» общеевропейской культуры. Языковая замкнутость, установка на образец, использование понятий, давно утративших свое внутреннее содержание, культивирование формальной стороны традиции, ориентация на то, что давно было «усвоено и отстоялось», были про-

тивопоставлены (хотя и явно декларативно) этому процессу. Претендуя на роль единственного и непререкаемого в области литературного языка авторитета, эмиграция придерживалась установки на язык «on y fait des fautes» (без ошибок). Однако приверженность к традиционным формам словоупотребления уже в 20-е годы не определялась реальной речевой ситуацией: норма размывалась изнутри, особенно в разговорной речи в отличие от письменной, которая была консервативнее, и выдвигала в системе иноязычного окружения принцип несмешанного, координативного двуязычия.

Культ традиции отодвинул нормативные установки далеко назад, к последним десятилетиям XIX в. Утверждалось, что последние 30 предреволюционных лет были временем «порчи, искажений, наростов» в языке, «усугубленных» словосокращениями военного времени; новообразования, «противоречащие духу языка», якобы культивировались революционной печатью, насаждались «нелепостями и изысками молодых людей». Здесь имелся также в виду и известный разрыв с предшествующей поэтической традицией, определившейся в русском литературном языке на рубеже XIX—XX вв. Вследствие этого неприятия многие словоупотребления предреволюционной эпохи были включены в разряд «советизмов» и отвергались как «искажения».

С. Карцевский иронически прокомментировал горьковское, по его мнению, слово *планетарный* [12]; между тем его употребление встречается значительно раньше у Вяч. Иванова: Восприимчивым и *планетарным* должен быть художник (Вяч. Иванов, По звездам. СПб., 1909, с. 343). Словосочетание *лаборатория творчества* эмигрантская печать относила к послеоктябрьским «нелепостям», «советским выражениям» (А. Седых, Далекие и близкие. Нью-Йорк, 1962, с. 46). Достаточно обратиться к немногим примерам, чтобы убедиться, что оно возникло гораздо раньше: Намек этот должен быть, но чем он слабее, тем лучше, тем просторнее продуктам фантастической *лаборатории автора* (Н. К. Михайловский, Из литературных и журнальных заметок 1873 г. — Соч., т. 2. СПб., 1888, с. 285); В *лаборатории символиста*. . . холодильник вводится в цели опыта не во время самого процесса рождения образа (Г. Чулков, Соч., т. 5. СПб., 1912,

[12] *Карцевский С. О.* Язык, война и революция. Берлин, 1923, с. 21.

с. 72). Показательно употребление этого слова без каких-либо комментариев и в самой эмигрантской литературе: Бунин все понимает и все видит. Еще сильнее эта иллюзия, когда читаешь Толстого, потому что *творческая* его *лаборатория* обширнее (Г. Адамович, Лица и книги). Выражение *широкие народные массы* возникло не в 20-е годы (Звено, 1928, № 4, с. 222), а было введено в речевой обиход публицистикой и ораторской практикой начала XX в. — сначала в думском красноречии, а затем и вне его сферы.

Язык эмигрантов сохранил в активном употреблении ряд вышедших из речевого обихода (уже в первое послеоктябрьское десятилетие) слов и их значений: *презентабельный*, *аскеза*, *лансировать*, *ландвер*, *синема*, *парасоль* (зонтик от солнца), *вакансы*, *инвалидировать*, *инородец*, *фетировать*, *патронесса*, *интересант* (корыстолюбивый человек), *непотизм* (служебное покровительство родственникам и своим людям; кумовство), *тонный*, *вояжировать*, *шнельцуг*, *монастырский* (тихий), *дебатер*, *серафический* (возвышенный), *соборность* (религиозный коллективизм), *перрон* (крыльцо, низкая каменная продолговатая терраса), *лунность* (романтическая мечтательность) и др., а также калькированные словосочетания: *скажи поклоны*, *делать кредит*, *корреспондировать* (кому, чему-либо), *сухая гильотина*, *иметь впечатление* и проч.

Своеобразная устойчивость характеризует словари жаргонов (военного, гимназического): для них не было языковой среды, которая бы их развивала и обогащала. То, что было привезено, искусственно законсервировалось. Жаргоны были терпимее к сниженным, огрубленным словам (см., например, глагол *опупеть*, перешедший из юнкерского словаря в жаргон летчиков, а затем в язык молодежи вообще), широко включали вульгаризмы и таким образом перенесли за рубеж тот словарь, который в начале XX в. отбрасывался за пределы литературной нормы и отвергался в эмиграции пуристической критикой.

Параллельно консервации шел слабо выраженный процесс пополнения словаря. Новые слова — отражение иноязычной среды, быта, реакции на них, отношение (ироническое, презрительное, другого не было): *сантимщики* (так были названы французы за скупость), *припаяться* (получить паек от одного из иностранных государств).

Новообразований немного: *евразийство*, *возвращенство*, *зарубежье*, *апатриды* — термин, заменивший за рубежом слово *беженцы*; *отаминиться*, *возвращенец*, *сменовеховец*, *пореволюционный*, *огреметь* («огреметь мир Россией» — выражение А. М. Ремизова). Многие из них носят окказиональный характер: *гамлетовка* (накидка), *нансенисты* (обладатели беженского удостоверения-паспорта, по имени Ф. Нансена, предложившего эту форму документа), *хореарх* (слово, придуманное балетным преподавателем А. В. Бундиковым и «преподнесенное» С. П. Дягилеву), *ковровый налет*, *каинизм* (фашизм), *коммерсиализация*, *подстарки* (писатели молодого поколения, начавшие печататься в эмиграции). Порожденные очередной «идеей», недолговечной политической программой, лозунгом, эти слова быстро вышли из употребления, как и понятия, вызвавшие их к жизни на короткий срок, например: *непредрешение*, *-ство* (отказ от правления в «будущей России» по классовому признаку), *прометеизм* (антисоветская деятельность, ставящая задачей пропаганду расчленения России и создания федерации небольших государств), *идеократия* (правление элиты евразийской партии)[13].

Ряд новообразований построен по иным словообразовательным моделям, например: *гестапист*, *гестапиец* (вм. *гестаповец*), *распутинство* (вм. *распутинщина*), *стандеризованный* (вм. *стандартизованный*). Словообразовательной правильностью считалось присоединение суффикса *-изм* исключительно к «романским корням» (потому нормативно *большевичество*, но не *большевизм*). Известно, однако, что этот словообразовательный процесс не имел заданных ограничений, о чем свидетельствуют многочисленные новообразования конца XIX—нач. XX в.

Индивидуальное словотворчество ряда писателей особого влияния на эмигрантский словарь не оказало. Академизм старшего поколения не был поколеблен поисками нового языкового материала. А. М. Ремизов отмечал, что «эмиграция в противоположность России 20-х годов („Серапионовы братья“) не любопытна к слову»[14].

---

[13] См.: *Шкаренков Л. К.* Конец белой эмиграции. — Вопр. истории, 1979, № 8, с. 95.

[14] А. Ремизов — Н. К. Кодрянской. 17—18.V.1956 г. — В кн.: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959, с. 290.

Как показывает обследованный материал, послеоктябрьский словарь (при всем отрицательном отношении к «советизмам») входил в общеречевой обиход эмигрантов [15]: *совнархоз*, *домлит*, *севцентропечать*, *наркомпрос* (в неправильном употреблении: «в автомобиле сидят совнархозы», «наркомпрос Луначарский»), *волсовет*, *главнаука*, *балтфлотцы*, *Совнарком*, *откомхоз*, *стопроцентный*, *партдело*, *студист*, *сказ* (литературоведч.), *станковист*, *совслужащий*, *торгпредство*, *детдом* и др. Неприятие ряда новообразований, в частности аббревиатур и усечений — «этих обрубков, сляпанных из осколков слов», не помешало эмиграции создать свои соответствующие наименования. В годы гражданской войны бытовало слово *реальдоб* («реализация добычи», т. е. попросту спекуляция награбленным). В аббревиатуру *ВВВ* уложились три беды русских беженцев: вши, визы, валюта. Позднее появились: *Совнарод* (Союз возвращения на родину), *эрдек* (революционер-демократ), *РОВС* (Русский общевоинский союз), *нац-мальчики*, *ОРЭСО* (Объединение русских эмигрантских студенческих организаций), *ОУСУЗ* (Организация учащихся средних учебных заведений), *ОКЗС* (Общеказачий земледельческий союз) и ряд других — сокращения, отнюдь не отмеченные благозвучием и удобной языковой формой.

В эмигрантской художественной литературе и публицистике появляется особая, символическая функция у целого ряда понятий, по-новому осознанных на чужбине, происходит переосмысление и переоценка фразеологизмов, цитатного материала: *театр для себя* (жизнь, которая ведется, будто «ничего не произошло»), *хлестаковщина* (сенсационный материал), *подполье* (о неудачниках-эмигрантах), *тургеневщина* (грешная утонченность). Слово *интеллигенция* употреблялось в значении, противопоставлявшем интеллигенцию и образованное общество; *белый* толковалось как якобы объединяющий, поглощающий все политические оттенки, синтез всех цветов спектра.

---

[15] Обратного не было за немногими исключениями, например «Кё фер?» Н. А. Тэффи: «И с того летнего дня двадцатого года пошло гулять по Москве советской „Кё фер?“ Фер-то ке? И кто-то шутил, что товарищи делятся на „кеферов“ и „фертоков“, одни кеферят, другие фертокают» (*Виноградская С.* Если подойдет. . .— Огонек, 1962, № 18, с. 18).

Коннотации ряда слов ориентированы на ретроспекцию их употребления, они не присущи слову генетически и всегда имеют ближайшим контекстом ту социальную среду, которая их актуализировала.

Одним из аспектов эмигрантской критики было изображение «пагубного» влияния на русский литературный язык иноязычной лексики, «засорение дивного русского языка интернациональным налетом». Приводились обширные списки «дефектных» слов и выражений, появившихся якобы в послеоктябрьский период. Однако весь перечень этих слов (например, *информировать*, *коммюнике*, *ликвидировать*, *констатировать*, *апеллировать* и др.) бытовал в книжных стилях русского литературного языка уже во второй половине XIX в. и широко использовался в эмигрантской литературе и публицистике. Пуристические установки здесь, как и в ряде других случаев, явно противоречили самой речевой практике эмиграции.

При всей пристрастности своих социально-классовых оценок эмигрантская печать не могла обойти молчанием тот факт, что русский язык в эмигрантских кругах подвергался сильнейшему влиянию разноязычной речевой среды и, поглощаясь ею, терял стимул к развитию. Этот процесс особенно рельефно выявился в языке русских эмигрантов, поселившихся во Франции. Эмигрантский язык навсегда открыл двери широкому потоку неогаллицизмов, не только словам и словосочетаниям, но и синтаксическим оборотам. В этом процессе поглощения любопытна и грамматическая вариативность. Интерференция в значительной степени была подготовлена предшествующим ей и развивавшимся на протяжении XVIII—XIX вв. языковым дуализмом. Галломанствующее дворянство, интеллигенция впитывают с огромной быстротой иноязычный материал. Слова типа *фотоженик*, *тэрм*, *параплюи*, *шапронируемый*, *шомаж*, *бульдегомы*, *плакар*, *дансер*, *медитировать*, *ажан*, *фам де менаж*, *ноншалантность*, *депортация*, *коммюнотарный*, *шассер*, *плонжер*, *авион*, *трикотеза* — актив эмигрантского словаря и художественной литературы уже в конце 20-х годов [16].

[16] Показательно их проникновение в художественные произведения писателей старшего поколения, «пуристов». Это не «дополнительный» лексический инвентарь, а словарные субституты, осложнившие речь введением вариативных единиц: В коридоре, в *плакаре* увидала его давнюю летнюю шинель (Бунин, В Парпже);

При сохранении в активном речевом обиходе галлицизмов, вышедших из употребления уже в первое послеоктябрьское десятилетие, насыщенность русского текста иноязычными словами оказалась очень высокой.

В условиях иноязычного окружения практика попеременного использования одного из двух языков неизменно порождала словесные метисы. Проницаемость контактных образований в эмигрантском языке была много шире, их структурные и функциональные возможности — благоприятнее. Вследствие этого явления интерференции в разговорной речи были значительнее и разнообразнее, нежели в письменных стилях и жанрах, где закрепленность традицией поддерживала известную устойчивость.

В основе отношения к иноязычному материалу в языке старшего поколения лежала мотивация социальная и политическая. Младшее поколение, воспринимая эти оценки как норму, усваивает в новых условиях «третий код», содержащий набор единиц контактирующих языков. Как показывает обследованный материал, в зависимости от ситуации доминировала та или иная комбинация единиц и соответствующих форм [17].

Что касается иноязычных вкраплений, то они многочисленны даже у писателей, известных особой нелюбовью к «иностранщине». Очевидно, множество новых понятий и явлений было легче воспроизвести, чем переосмыслить: в последнем не было языковой надобности.

Процесс интерференции в разных формах его проявления широко отразила эмигрантская художественная литература (пародийно и стилистически нейтрально) как явление, органически вошедшее в эмигрантский речевой обиход с начала 20-х годов [18].

Зовет *шассера*, приказывает ему принести английских папирос (Он же, Месть); Из них вышли недурные шоферы и вышивальщицы для наших *увруаров* (*Тэффи Н.* Городок, Париж, 1927, с. 7).

[17] Любопытные наблюдения над языком второго поколения эмиграции приводит Б. Н. Александровский в своей книге «Из пережитого в чужих краях» (М., 1969, с. 187—188); см. также: *Оболенский П.* На чужой стороне. — Москва, 1965, № 8, с. 215.

[18] «Жители городка говорили на странном арго, в котором, однако, филологи легко находили славянские корни», — иронично и горько писала Н. А. Тэффи (*Тэффи Н.* Указ. соч., с. 7). Ей же принадлежат любопытные наблюдения над языком русской эмиграции в Польше: «Русские эмигранты, вращаясь в польском обществе, невольно переносят ритм и напевность польской речи в свою родную речь, русскую. И не только давние эмигранты,

Русский язык эмигрантов, сохранив архаичность (стилистические перемещения послеоктябрьского времени почти не отразились в нем), усилил функциональную нагрузку риторических средств выражения за пределами книжных стилей. В разных жанрах эмигрантской литературы сохраняется немаркированное употребление слов *соблюсти*, *доселе*, *предначертание*, *ревнитель*, *горний*, *удобопревратный*, *речения*, *озарять*, *пораненье*, *дабы*, *мздоимство*, *разбитие*, в значительной степени носивших отпечаток устарелости уже в первое десятилетие XX в. Приверженность к старым, традиционным средствам выражения в сфере художественной речи начинает отзываться стилизацией (Б. Зайцев, И. Шмелев, И. Сургучев и др.). Лексическая система, исключавшая вариантность, теряла свою эластичность.

«Священная миссия» — сохранить русский язык в чистоте и неприкосновенности для грядущих поколений оказалась с самого начала обреченной.

3. Традиции, сложившиеся в описании словарных преобразований 20-х годов (идущие в известной степени от исследований А. М. Селищева, Г. О. Винокура, С. О. Карцевского и др., полемики о нормативном узусе), представляют историю развития словарного состава русского литературного языка как дискретные переключения сменяющих друг друга временны́х плоскостей. Такой взгляд на этот процесс сформировался и утвердился вследствие того, что описывались начальная и конечная стадии изменений. Временна́я цезура, отделяющая одно языковое состояние от другого и отражающая процесс протекания лексических преобразований, оказалась недостаточно четко сформулированной. Аналогия лексических изменений усматривается в предшествующих революционных эпохах, в интерпретации явлений сильно сказывается

но даже свеженькие, прожившие три-четыре года, говорят по-русски с ужасающим акцентом и с полонизмами. Язык польский, близкий родной брат русскому, слова от того же корня, и на этом общем корне иногда зацветают цветы, способные привести в ужас как поляка, так и русского. Не говоря уже о путанице слов. Диван — значит ковер. Коверт — значит икра. Кляча — породистая лошадь. Путают „любезный“ и „любежный“. А по-польски сказать „будьте любежны“ — значит „будьте сладострастны“. Просьба для салонного causerie не подходящая» (*Тэффи Н.* Письмо из-за границы; см. также: *Аверченко А.* Кубарем по заграницам. М.—Л., 1927, с. 197—199; *Цветаева М.* Страховка жизни. — Аврора, 1978, № 6, с. 56—57).

влияние П. Лафарга [19]. Вследствие этого своеобразно определились нормативные оценки этого материала.

20-е годы — узел напряжения лексической системы, создавшей многовариантность и «многофигурность» лексических «композиций». Закрепленность многих новообразований не выявлена, она перспективна. Норма предписывает в исходных своих позициях логические ограничения «против эксцессов, отнимающих у обновления весь его смысл»[20]. Напротив, генетически сильные пласты слов (например, галлицизмы) оказываются в ряде случаев неустойчивыми и функционально не нагруженными.

Социальные факторы обусловили и стимулировали функционирование в языке множества слов, находящихся за пределами нормы.

Пестрота нормативных квалификаций определялась существованием разнородных процессов и явлений, невыясненностью их места в системе и выливалась как в общие рассуждения «спасти язык от газеты, улицы, иностранщины», так и в частные рекомендации, относящиеся к новообразованиям, отдельным группам слов, объединенных структурно-грамматически, связанных сферой употребления (слова на *-ка*, аббревиация, жаргонизмы и проч.). Например, слова *ассигновка*, *учредилка*, *охранка*, *Александринка*, *защитка* (куртка защитного цвета), *механка*, *дисциплинарка* (дисциплинарное взыскание) — словоупотребление, принятое еще в дооктябрьский период в среде работников суда, — *санитарка* (санитарный автомобиль) не вызывают нареканий; *анонимка*, *испанка* (инфлуэнца), *открытка* объявляются вульгаризмами, недопустимыми в литературном языке.

Совершенно очевидно, что проблема нормы словоупотребления, выявившаяся в 20-е годы с особой силой в обостренных сословно-замкнутых оценках, оказалась обращенной к сравнительно узкому кругу явлений — к изменениям, лежавшим на «поверхности» языкового развития, схваченного на коротком отрезке времени. Процессы, обусловившие изменение корпуса книжного словаря и связанные с утратой целых терминологических групп (теософия, русская неоидеалистическая философия, отчасти символизм и проч.), со стилистической передислокацией, с уходом галлицизмов, перестройкой си-

[19] См.: *Лафарг П.* Язык и революция. Л., 1930.
[20] *Горнфельд А. Г.* Пути творчества. Пг., 1922, с. 13.

понимических рядов, оказались вне поля зрения исследователей. Это обстоятельство можно объяснить и тем, что ряд трансформаций выявился с особой определенностью уже за пределами первого послеоктябрьского десятилетия, обнаруживая разную степень включения в систему. К этим явлениям (важным для исследования литературного словаря в целом) следует присоединить и семантические процессы, динамика которых на стыке разных языковых состояний, «швов», не была раскрыта с точки зрения своего «протекания» и специфики преобразований.

Уход слов — процесс, протекающий в диахронии. Часть номинаций надолго задерживается в сфере «интеллигентского говорения». Гиперкоррекцию книжности вследствие этого получают слова, не обладающие этой функциональной прикреплённостью (*обуяны*, *сродниться* и др.). Стилистическая контрастность устаревающих слов выявляется «на ущербе», на фоне притока множества новых номинаций, жаргонной и диалектной лексики. Ощущение архаичности, стилизованности для ряда слов определялось их разрывом с предшествующей традицией употребления в качестве структурного элемента текста, выявляющего в известной степени его «формуляр».

Сопрягаемость стилистически разнородных элементов рельефно выявляется в текстах, не ориентированных на прямое авторское слово, — в орнаментальной прозе, сказовом повествовании, вобравших в себя полифоничность диалогической речи. При всей раскованности повествовательного монолога охранительные тенденции здесь действовали гораздо дольше.

20-е годы — редкая в истории литературного языка ситуация, когда языковое состояние может быть представлено одновременно в двух плоскостях — в условиях своего естественного развития и искусственной консервации, создавшейся на короткий срок в иноязычном языковом окружении «в рассеянии». В этом случае проекция нормы на динамику словарных преобразований должна была определяться в двух срезах реальной конфигурацией элементов — пренебрежением к различиям, избыточным в речи, в том числе и употреблениям в классово обусловленных позициях.

Эволюция фактов предполагает представление их как потока вариаций в рамках известного синхронного описания. Лексический материал зыбок, эфемерен, пластичен,

создает множество переходов, которые в конечном счете откладывались на каркасе инвариантов. Описание «разрывов», «швов» позволяет установить известную преемственность между лексическими состояниями предшествующего и последующего времени, определить точки их расхождений и отношение к нормативному узусу.

Статус переходных лексических единиц обнажает узел разнонаправленных тенденций, а проекция взятого среза выявляет направление процесса.

О СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ

(Общественная оценка аббревиации и аббревиатур в 20-х — начале 30-х годов)

С. И. Виноградов

1. Анализ оценочных суждений говорящих о языке составляет одно из важных направлений в изучении норм литературного языка. Трудно переоценить роль языковых оценок как своеобразных ориентиров, указывающих магистральные пути эволюции литературных норм на той или иной стадии развития литературного языка. Однако эти оценки могут рассматриваться не только в качестве «зеркала», отражающего реальные языковые процессы, но и как относительно самостоятельное явление в онтологии литературного языка, наделенного признаками как собственно лингвистического, так и культурно-исторического феномена.

Положение о двойственном характере нормы является одним из основополагающих в современной теории нормы. В некоторых работах противопоставляются дескриптивные и прескриптивные нормы [1], в других — объективные

[1] См.: *Klein W.* Variation, Norm und Abweichung in der Sprache.— In: Sprach und Sprechnormen — Verhalten und Abweichung. Heidelberg, 1974, S. 16; *Фаска Р.* Норма серболужицкого (литературного) языка и ее кодификация. — В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах (Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам 22—25 октября 1974 года). М., 1976, с. 98—102.

и аксиологические [2]; по-видимому, возможны и иные замещения соответствующих терминологических позиций. При всех различиях в теоретической интерпретации категории языковой нормы и «метаязыковых» расхождениях в основе указанного противопоставления лежит признание того факта, что «литературная норма является одновременно и собственно языковой и вместе с тем ярко выраженной социально-исторической категорией» [3]. Отмечая двойственный характер нормы, одни исследователи подразумевают под этим наличие в языке двух противопоставленных друг другу рядов норм (дескриптивных и прескриптивных), другие — выделяют различные аспекты единой нормы (например, ее объективно-языковую и аксиологическую стороны). Оба этих подхода не взаимоисключают, а дополняют друг друга, поскольку соотносятся с различными объектами: если в первом случае соответствующая дихотомия устанавливается по отношению к общенациональному языку, где прескриптивным нормам литературного языка противостоят дескриптивные нормы диалектов или просторечия, то выделение двух разных аспектов единой нормы соотносится с более узким лингвистическим объектом — литературным языком данного этнического коллектива. В настоящей работе общественная оценка языка будет рассматриваться как одна из сторон (один из уровней) единой литературной нормы.

В советском языкознании еще в 20-х годах на оценочный (аксиологический) аспект нормы литературного языка указывали А. М. Пешковский и Г. О. Винокур. Пешковский рассматривал осознанное отношение литературно говорящих к языку, обусловленное наличием у них «языкового идеала», как основное условие самого существования «литературного наречия» [4]. Винокур отмечал непосредственное влияние на развитие литературного языка «оценочно-вкусовых суждений по поводу тех

---

[2] См.: *Степанов Г. В.* О двух аспектах понятия языковой нормы (на испанском материале). — В кн.: Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. М., 1966, с. 226; *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. Автореф. докт. дис. М., 1978, с. 9—10.

[3] *Скворцов Л. И.* Указ. соч., с. 5—6.

[4] *Пешковский А. М.* Объективная и нормативная точки зрения на язык. — В кн.: Русский язык в школе, вып. 1. М.—Пг., 1923, с. 23—24.

или иных фактов речи» [5]. В эксплицитной форме положение о «социальной, в широком смысле, оценке» как одном из уровней языковой нормы было сформулировано в 1955 г. С. И. Ожеговым [6]. В большинстве современных исследований по теории нормы и культуре речи «общественное одобрение регулярно воспроизводимого способа выражения» [7] рассматривается как имманентный (а не внешний по отношению к ней) признак литературной нормы, в связи с чем подчеркивается необходимость и важность исследования отношения говорящих к языку для исторического и синхронного изучения литературного языка, а также кодификации его норм.

Особенно большое значение имеет изучение общественной оценки языковых фактов при изысканиях в области лексической нормы [8]. Слово в восприятии носителей языка является основной лингвистической реальностью, и поэтому естественно, что в «светлом поле» их языкового сознания именно отражение словарного состава занимает центральное место. Кроме того, словарь языка — наиболее подвижная и изменчивая его часть, что весьма способствует направленности общественно-языкового сознания именно на лексику: словарные изменения — в отличие от изменений на других уровнях языка — непосредственно воспринимаются говорящими на основе их индивидуального и коллективного языкового опыта и на стадии освоения новаций достаточно регулярно стано-

---

[5] *Винокур Г. О.* Проблема культуры речи. — Русский язык в советской школе, 1929, № 5, с. 91.

[6] *Ожегов С. И.* Очередные вопросы культуры речи. — В кн.: Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 259—260.

[7] *Горбачевич К. С.* Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии. — В кн.: Современность и словари. Л., 1978, с. 38.

[8] На релевантность подобного подхода к проблемам развития лексики неоднократно указывалось в современных лингвистических работах, ср.: «Но когда перед говорящими новое слово, оно почти неизбежно воспринимается как „придуманное“ кем-то и говорящие чувствуют себя вправе принять или отвергнуть его. Этим приятием или неприятием в конечном счете и определяется языковое развитие. Поэтому протесты против „засорения языка“ теми или иными новообразованиями, равно как и соображения в их защиту, идущие от нелингвистов, в целом представляют несомненный лингвистический интерес, разумеется при условии, что они не отражают только личные вкусы отдельных индивидуумов» (*Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М., 1977, с. 113).

вятся объектом оценки. В связи с этим есть все основания предполагать, что изучение оценок лексики особенно перспективно при исследовании лексических процессов на тех стадиях развития литературного языка, когда язык (и в первую очередь его словарь) «быстро и наглядно реформируется, вбирая в себя много заимствований, неологизмов и иных новообразований» [9]. Именно таким периодом были 20-е — нач. 30-х годов: под влиянием вызванных Октябрьской революцией глубоких преобразований в жизни общества и в соответствии с внутриязыковыми закономерностями в словарном составе русского литературного языка в первые послереволюционные годы происходили существенные изменения, повлекшие за собой резкую активизацию общественно-языкового сознания. В данной работе предпринимается попытка показать характерные черты общественной оценки аббревиации (наиболее яркого явления в русском языке первого послереволюционного десятилетия) и аббревиатур [10], наметить типологию оценок, показать их социально-идеологические и собственно лингвистические основания.

Общественная оценка языка — сложное, диалектически противоречивое явление. Прежде всего следует разграничивать оценку в широком и узком смысле. Общественная оценка языка в широком смысле — это реальное принятие общественно-речевой практикой того или иного способа языкового выражения, его социальное санкционирование. Оценка в узком смысле включает в себя оценочные суждения говорящих о языке, о каких-либо его фактах и явлениях, а также предписания и рекомендации, предлагаемые в качестве правил образцового использования языка. Оба этих уровня связаны отношениями взаимной детерминации: второй из них не только отражает первый, но и в известных пределах определяет его.

Общественная оценка аббревиации и аббревиатур (в широком смысле) в 20-е — нач. 30-х годов заключалась прежде всего в массовом образовании сложносокращен-

---

[9] *Винокур Г. О.* Культура языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1929, с. 86.

[10] Исследование оценок аббревиатур должно вестись прежде всего именно в аспекте лексической нормы, так как аббревиатурные номинации привлекали внимание современников и получали соответствующую оценку как лексические единицы особого типа (в единстве содержательной и структурно-формальной сторон) в их реальном функционировании в языке.

ных слов и их широком использовании во всех жанрово-стилистических разновидностях литературной речи; большую роль в успехе аббревиации сыграла поддержка, оказанная ей государством и прессой. Однако процесс общественного принятия аббревиации и аббревиатур носил в 20-х годах достаточно сложный и противоречивый характер, что было следствием многообразия точек зрения, оценочных суждений, из которых складывалась общественная оценка сокращений в узком смысле.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Общественная оценка аббревиации в 20-е — нач. 30-х годов складывалась в противоборстве различных мнений, в столкновении различных (порой прямо противоположных) точек зрения на сокращения. Несколько огрубляя реальную картину «нормативного» отражения аббревиации общественно-языковым сознанием, можно говорить о существовании двух полюсов этой оценки — отрицательном и положительном, к которым тяготело большинство частных оценок аббревиатур.

2. Причины и основания негативного отношения говорящих к аббревиации и аббревиатурам, столь характерного для указанного периода [11], по-видимому, следует рассматривать в двух взаимопересекающихся плоскостях — в их отношении к субъекту и объекту оценки.

С точки зрения субъекта оценки, т. е. коллектива говорящих, а также входящих в него групп и отдельных его членов, негативная оценка сокращений определялась прежде всего естественной ретроспективностью языкового идеала носителей русского литературного языка, его традиционных норм. Аббревиатуры, будучи относительно новым для русского литературного языка типом номинаций, при гиперкорректном отношении некоторых говорящих к языковой традиции не могли не вызывать у них «лингвистического раздражения». Именно в связи с развитием аббревиации в 20-х годах нашла наиболее отчетливое выражение присущая любому развитому литературному языку антиномия между языком как «средством

www.ruslang.ru

[11] В распространении сокращенных номинаций в 20-х годах нередко видели основной источник пресловутой «порчи» языка: «Русский язык жестоко пострадал за время революции. Ничто не подверглось у нас столь безжалостному изуродованию, такому беспощадному исковерканию, как язык. Сокращение слов носит исступленно-стихийный характер и угрожает в недалеком будущем сделать нашу речь нечленораздельной» (*Яснопольский Ю.* Борьба за язык. — Известия, 1923, 19 дек.).

повседневного общения» и языком как «средством создания и существования культурных памятников» [12]. Особенно часто нетрадиционность сложносокращенных слов и связанные с этим представления о них как о «чудных», «неправильных» образованиях, «лишенных смысла кусках слов» становились причиной негативной оценки аббревиации и аббревиатур в первые послереволюционные годы [13]. Причем подобные взгляды высказывались не только в пределах «обыденного» уровня общественно-языкового сознания, но и в лингвистических работах. Например, А. Баранников, первым из языковедов обратившийся к языку «войны и революции», приведя в своей статье ряд слоговых сокращений и частично сокращенных слов (*земгор*, *крайсовет*, *главковерх*, *совнархоз*, *губпленбеж*), квалифицировал их как «дикие сочетания, совершенно невразумительные для непосвященных». Полагая, что сам принцип «построения слов из случайных морфем и слов, входящих в полное обозначение, чрезвычайно стар, во всяком случае старше, чем наша азбука», он вместе с тем со всей категоричностью утверждал: «Все подобные образования совершенно противоречат принципу сложения слов в русском языке» [14]. Близка к этой точке зрения и оценка аббревиатур, данная А. Г. Горнфельдом: «Сокращения остаются в языке инородными телами, — и, равнодушный к их бытию, он извергает их по мере возможности» [15].

Начиная с середины 20-х годов апелляция к традиции и законам русского словообразования как аргумент отрицательной оценки аббревиатур практически исчезает: к этому времени в употребление вошло большое количество (исчисляемое тысячами) сложносокращенных слов, и признать их заведомо «неправильными» образованиями было уже невозможно, даже находясь на позиции крайнего пуризма; кроме того, в работах и отдельных высказываниях советских и зарубежных языковедов (Г. О. Винокур, М. А. Рыбникова, П. Я. Черных, Л. В. Щерба,

---

[12] Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 40.

[13] См., например: *Крученко В.* Изуродованный русский язык. — Вестн. литературы, 1920, № 3; *А.* Словотворчество. — Там же, 1921, № 10.

[14] *Баранников А.* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. — Учен. зап. Самарского ун-та, 1919, вып. 2, с. 77.

[15] *Горнфельд А. Г.* Новые словечки и старые слова. Пг., 1922, с. 17.

С. О. Карцевский, А. Мазон, Р. Якобсон) была показана лингвистическая сущность аббревиации, рассмотрены основные причины и характер ее развития в русском языке. Однако естественная ретроспективность языкового идеала носителей традиционных норм литературного языка как фактор оценки сложносокращенных слов явно или подспудно определяла отношение говорящих к сокращениям более продолжительное время, хотя и выступала обычно в «осложненном» виде.

Одним из таких «осложняющих» факторов, также относящимся к сфере субъекта оценки, в 20-х годах нередко оказывались классовая позиция, политические воззрения, идеология носителей языка. Как известно, представители «внешней» и «внутренней» эмиграции, ведя ожесточенную политическую и идеологическую борьбу с первым в мире социалистическим государством, обвиняли Советскую власть (большевиков) в культурном вандализме, «азиатчине», разрушении многовековых традиций русской культуры, в том числе в «разгроме» русского литературного языка. В развитии русской аббревиации, как и во многих других изменениях, происходивших в русском языке после революции, они видели проводимую большевиками преднамеренную работу по уничтожению русского языка [16]. Собственно лингвистические предпосылки негативной оценки в данном случае были вполне традиционными: сложносокращенные слова воспринимались как противоестественные образования, созданные с «презрением к законам русского языка» [17]. Однако в отличие от «бессознательного пуризма, который хочет только того, чтобы правнуки непременно говорили так, как в старые и лучшие годы говаривали прадеды» [18], «идеологический пуризм» 20-х годов был направлен не только против тех или иных фактов языка (в частности, сокращений), но и против общественных установлений Советской Республики, а сами языковые оценки приобретали характер «политической квалификации» и становились формой идеологической борьбы с социализмом.

Тот факт, что сложносокращенные слова в подавляющем большинстве обозначали явления и понятия советской действительности, а аббревиация в целом оказалась

---

[16] *Волконские С.* и *А.* В защиту русского языка. Берлин, 1928, с. 42.
[17] Там же, с. 61.
[18] *Винокур Г. О.* Проблема культуры речи, с. 91.

одним из наиболее продуктивных способов создания новых наименований в сфере социальной терминологии, обусловил «идеологическую окрашенность» многих сокращений, т. е. их различное восприятие «в смысловом или эмоциональном плане представителями различных идеологий» [19]. Естественно, в восприятии антисоветски настроенных пуристов многие аббревиатуры окрашивались в предельно темные эмоциональные тона. Субъективно-эмоциональные оценки сокращенных названий были обусловлены, разумеется, в первую очередь «политическими эмоциями» противников Советской власти: отношение к объекту номинации переносилось на языковой знак, точнее — его означающее.

«Идеологический пуризм» в еще меньшей степени, чем субъективно-вкусовое неприятие аббревиатур, соответствовал объективному ходу развития русского литературного языка в послереволюционную эпоху: заведомо априорные, обусловленные классовой позицией и идеологическими установками оценки оказывались скорее политическими инсинуациями, чем выражением естественной реакции говорящих на происходящие в языке изменения.

3. Причины общественного протеста против сокращений в 20-е — нач. 30-х годов коренились и в объекте оценки — лингвистических особенностях аббревиации как способа словообразования и аббревиатур как номинативных единиц особого типа. В качестве оснований негативной оценки, обусловленной лингвистической природой ее объекта, выступали: лексическое своеобразие сложносокращенных слов; полное или частичное отсутствие у многих из них внутренней формы; неблагозвучие, эстетическая ущербность звуковой формы ряда аббревиатурных номинаций; резкое увеличение парадигматической избыточности языкового выражения, явившееся следствием образования большого числа аббревиатур.

Вопрос о лексической природе сокращений был особенно актуальным в начале 20-х годов: именно в этот период достаточно распространенным было мнение о предельно искусственном, «этикеточном» характере сложносокращенных слов. Даже такой вдумчивый исследователь, как С. О. Карцевский, утверждая, что сокращенные «назва-

---

[19] *Крючкова Т. Б.* Язык и идеология (К вопросу об отражении идеологии в языке). Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 14.

ния административных учреждений не могут быть простой номенклатурой, каталогом слов-этикеток», вместе с тем видел в них «сфабрикованные слова», насильственно навязываемые «живому народному языку» [20]. Системность аббревиатурной лексики, по его мнению, заключалась лишь в отражении иерархических отношений государственно-административной системы.

Полностью отрицал лексическую природу аббревиатурных номинаций А. Г. Горнфельд: «. . .Пока что они (сложносокращенные слова. — *С. В.*) не вписываются в ткань языка, не ведут самостоятельной жизни. Они не развиваются изнутри, не дают новых образований. . . Новые по устремлению, эти слова допотопны по конструкции; неуклюжие, неповоротливые ихтиозавры языка, они неизменно остаются в пределах первоначальной цели, точно это не осмысленные названия, а цифры, нумера, литеры» [21]. Подобный взгляд на сокращения не соответствовал тем тенденциям в развитии русской аббревиации и аббревиатурной лексики, которые с достаточной отчетливостью наметились уже к началу 20-х годов. В работах советских языковедов 20-х — нач. 30-х годов неоднократно подчеркивались лексическая полноценность сокращенных наименований и системный характер аббревиатурной лексики, главным образом в связи с указанием на способность аббревиатур к словопроизводству. «Но, видно, без них нельзя, — отмечала, имея в виду сокращения, М. А. Рыбникова, — образуются все новые, а старые обрастают суффиксами — явный признак жизни. . . Но самое лучшее свидетельство за жизненность „комсомола“ и „фабзавуча“ то, что эти слова породили: комсомолия, комса, комсомолец, комсомольский; фабзайчики, рабфаковец, рабфаковский, фонщик (с Фон'а), гусовские программы» [22].

Помимо словообразовательной активности аббревиатур исследователи (да и не только они), аргументируя положение о лексической сущности сокращений, указывали на такие их свойства, как тематическое разнообразие, способность к семантическому и стилистическому развитию, возможность приобретения экспрессивно-оценочных оттен-

---

[20] *Карцевский С. О.* Язык, война и революция. Берлин, 1923, с. 52—53.
[21] *Горнфельд А. Г.* Указ. соч., с. 14—15.
[22] *Рыбникова М. А.* Книга о языке. 2-е изд. М., 1925, с. 116—117.

ков и т. д., что свидетельствовало о полноправном положении аббревиатурной лексики в словарном составе русского языка и несостоятельности тезиса о лексической ущербности аббревиатурных номинаций, нередко выдвигавшегося в 20-х годах в качестве обоснования их отрицательной нормативной оценки [23].

Особой остротой отличался в 20-е — нач. 30-х годов вопрос о «непонятности», «невразумительности» сложносокращенных слов [24]. Весьма типичным для этого периода было представление о коммуникативной непригодности аббревиатур, ср.: «Введенные и вводимые для экономии времени, для сбережения сил и т. д., эти сокращения в громадном большинстве случаев приносят вместо пользы один только вред, вносят путаницу и непонимание во взаимные отношения между отдельными лицами и учреждениями» [25]. Во многих оценках сложносокращенных слов критическое отношение к ним обосновывалось указанием на то, что они «условны» и в языке «держатся не осмысленностью, а силой» [26], что их наступление «угрожает. . . сделать. . . речь нечленораздельной» [27] и т. д. «Невразумительность» аббревиатур в 20-х годах часто становилась объектом пародии, насмешки, что также можно считать одной из форм выражения негативной оценки, ср.: «Абракадабра. Совершенно непонятное слово, вроде Обмоху, Цупвосо. . . и т. п. Однако, читая отчет какого-

---

[23] Ср., например: «Эти сокращения, по-видимому, навсегда останутся в языке, тем более что к некоторым из них так привыкли, что если их развернуть в полные целые слова, то получается уже не то, что мы хотели бы выразить. Так, например, можно сказать и полно — посевная кампания, можно сказать и кратко — посевкампания, оба обозначения по смыслу равны друг другу. Но уже нельзя сказать вместо губдом — губернский дом, вместо женотдел — женский отдел: явный знак, что эти сокращения успели стать незаменимыми в нашем словаре» (*Прянишников Н.* Отражение революции в языке. — Красный Урал, 1926, 22 мая). См. также: *Винокур Г. О.* Культура языка, с. 123—131; *Сухотин А. М.* Проблема «сокращенных слов» в языках СССР.— В кн.: Письменность и революция. М.—Л., 1933, с. 156.

[24] По мнению А. Бэклунд, именно «немотивированность» аббревиатур, вызывавшая «у широких слоев населения затруднения при расшифровке», послужила в 20-х годах основной причиной массового общественного протеста против сокращений (*Baecklund A.* Die univerbierenden Verkürzungen der heutigen russischen Sprache. Uppsala, 1940, S. 115).

[25] Трудовая копейка, 1923, 15 нояб.

[26] *Горнфельд А. Г.* Указ. соч., с. 17.

[27] *Яснопольский Ю.* Указ. соч.

нибудь трестоправления не говорят „Вот Обмоху-то!“ — а говорят „Абракадабра какая-то“» [28].

Представление о «непонятности» сложносокращенных слов и связанная с ним их отрицательная нормативная оценка в известной степени были обусловлены самой лингвистической природой аббревиатур — отсутствием у многих из них (особенно инициальных и смешанных) ясной внутренней формы, что не могло не вызывать определенных затруднений в их идентификации. Кроме того, протест против употребления «немотивированных», а потому «непонятных» аббревиатурных номинаций находил определенные основания в особенностях социокультурной ситуации 20-х — нач. 30-х годов: в стране разворачивалась борьба за овладение массами основами национальной и мировой культуры, в том числе и русским литературным языком. Естественно, что в этих условиях проблема «понятности» литературного языка во всех его функционально-жанровых разновидностях должна была приобрести особую актуальность.

Нельзя не отметить и существование в 20-х годах известной моды на сокращение, приводившей к злоупотреблению коммуникативно малопригодными аббревиатурами, что вызывало справедливый протест со стороны общественности, ср.: «Каждый сам себе литератор, филолог и „сократитель“. Похоже на то, что скоро, в видах всяческих „экономий“, вообще упразднится членораздельная речь и общепонятные фразы заменятся словами, доступными пониманию одних авторов» [29].

Вместе с тем «непонятность» аббревиатур и опасность, которую они, по мнению некоторых современников, представляли для нормального протекания процесса языковой коммуникации, в 20-х годах заметно преувеличивались [30].

---

[28] Крокодил, 1922, № 14, с. 12.

[29] *Зорич А.* Ируяз. — Правда, 1923, 4 дек.

[30] Например, в результате проведенных в 1923—1925 гг. опросов красноармейцев в читинском и московском гарнизонах (разумеется, на уровне и методами своего времени) выяснилось, что многие из распространенных сложносокращенных слов различных структурных типов правильно понимаются большей частью опрашиваемых и в то же время аббревиатуры в целом среди слов с неясной внутренней формой (помимо сокращений для идентификации предлагались иностранные слова, географические названия, фамилии политических деятелей) обладают наивысшим индексом распознаваемости. См.: *Кудрин.* Как воспринимает газету рядовой красноармеец. — Красная печать, 1924, № 6, с. 5—9;

Абсолютизировалась и сама роль категории «понятности» языкового знака как критерия его коммуникативной пригодности и нормативной оценки. Полное или частичное отсутствие внутренней формы у сложносокращенных слов возмещалось, прежде всего, знанием говорящими их предметной отнесенности, на что советские языковеды указывали еще в 20-х годах [31]. Кроме того, непонятность аббревиатур определенным группам говорящих, разумеется, не могла рассматриваться в качестве основания предъявляемого им обвинительного приговора уже по той причине, что «непонятность» далеко не была прерогативой аббревиатурных номинаций и часто объяснялась не собственно языковыми, а социокультурными обстоятельствами.

В середине 20-х годов Г. О. Винокур, полемизируя с пуристическими оценками аббревиатур, основанными на представлении о их коммуникативной ущербности, отмечал: «Примеров достаточно: все они громогласно свидетельствуют не в пользу тех, кто вопит об испорченном русском языке. Когда крестьянин не понимает слова „льгота“, то смешно жаловаться на сокращения, якобы мешающие, препятствующие деревне приобщиться к общей культурной жизни государства. Сокращения наши, поскольку они только не плодятся наспех, без разбору, ко всякому удобному и неудобному случаю, будучи замкнуты в кругу понятий из сферы государственной, политической и экономической жизни, есть составная часть современного русского языка и выполняют в составе этого языка свою культурную функцию» [32].

Негативная оценка сокращений не учитывала не только роли «культурного субстрата» в осуществлении языковой коммуникации и специфики выполняемой аббревиатурами «культурной функции», но и особенностей их реального функционирования в речи, в частности ономасиологического варьирования, с которым оно было связано. Параллельное использование соотносительных аббревиатурных и описательных номинаций (в том числе их сво-

---

Шпильрейн Н. Н. и др. Язык красноармейца. М.—Л., 1928, с. 168—176.

[31] См.: *Щерба Л. В.* Культура языка. — Журналист, 1925, № 2, с. 6—7; *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). 2-е изд. М., 1928, с. 168—169.

[32] *Винокур Г. О.* Язык нашей газеты. — Леф, 1924, № 2, с. 138—139.

бодное внутритекстуальное распределение, характерная для 20-х годов расшифровка сокращений в справочном аппарате текста) в значительной степени помогало преодолевать трудности, объективно возникавшие при идентификации сокращенных названий.

Во многих случаях отрицательная оценка сокращений в 20-е — нач. 30-х годов, как, впрочем, и в последующие годы, имела эстетические основания [33]: особенности комбинаторики фонем в сложносокращенных словах нередко приводили к созданию таких аббревиатур, которые заведомо противоречили эвфоническим стереотипам носителей русского литературного языка: «Появились какие-то в лучшем случае непонятные, а то и просто неудобопроизносимые слова: СУИТ, Цумор, Дорпрофсож, шкраб, СЦИК, Южопс» [34].

Часто «неудобопроизносимость» аббревиатур была связана со звуковыми ассоциациями, возникавшими в сознании говорящих в результате полного или частичного совпадения звуковых оболочек сокращений и неаббревиатурных лексических единиц, ср.: Архип (Трудовая артель химического производства), Рак (районная административная комиссия), СТО (Совет труда и обороны) и т. д. «Побочные ассоциации» в подобных случаях нередко воспринимались как своего рода «эстетические помехи», возникающие в процессе языковой коммуникации. Л. В. Щерба, например, видел в случайных созвучиях (полпред — половина, Санпросвет — Сан-Франциско, Ленгиз — Лена и Гизы, политрук — полить и руки) одну из наиболее очевидных издержек аббревиации, один из основных недостатков, присущих сложносокращенным словам [35]. Правда, на некоторых аббревиатурных омофонах лежал явственный отпечаток преднамеренности: воз-

---

[33] «Критика» сложносокращенных слов с лингвоэстетических позиций, так же как их отрицательная оценка, основанная на критерии «понятности» языкового знака, выходит далеко за пределы рассматриваемого периода и в той или иной степени находит выражение при современном состоянии русской аббревиации; см., например: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 81, 95—96; *Чуковский К. И.* Живой как жизнь. М., 1966, с. 79—90. Это объясняется обусловленностью оценок объективно присущими аббревиатурам лингвистическими свойствами, а также известной адекватностью данных оценок.

[34] *Яснопольский Ю.* Указ. соч.

[35] *Щерба Л. В.* Указ. соч., с. 5.

никавшие созвучия в этом случае становились источником экспрессии и известной семантической двойственности сложносокращенного слова (его значение выявлялось на фоне семантики неаббревиатурной лексической единицы или основы), ср.: Я думал, что этот «*НОЖ*» (Новое общество живописцев. — *С. В.*) направлен в спину революции. Оказывается ничего подобного, хороший острый нож в моем духе (Крокодил, 1922, № 18, с. 492); — Так ли иначе ли, но ведь во всяком случае я — *присос!* — Виноват. . . Вы — что сделали? — Да не сделал я. . . *Присосы* — «признающие советский строй» (Там же, № 7, с. 2).

Оценка аббревиатур с эстетических позиций не могла не отражать особенностей субъективного восприятия звуковой формы аббревиатур отдельными носителями языка. Вместе с тем эстетически неблагоприятные ассоциации, будучи обусловленными реально возникающими в речи звукосочетаниями, нередко становились фактом коллективного языкового сознания, и это могло послужить причиной выхода того или иного сокращенного наименования из употребления, как это случилось, например, со словом *шкраб* [36].

В качестве одной из «глубинных» причин «аббревиатурного пароксизма» 20-х годов, лежащих в сфере объекта оценки, можно рассматривать увеличение парадигматической избыточности русского языка, являющееся прямым следствием образования большого числа сложносокращенных слов и связанного с этим создания широкой зоны ономасиологического варьирования [37]. Осознание говорящими (подчас интуитивное) «увеличения языкового кода» нередко в 20-х годах приводило к негативной оценке тех или иных аббревиатур. Например, Л. В. Щерба, полемизируя со сторонниками тезиса о непонятности сокращений, который, по их мнению, был лучшим доводом в пользу «изгнания» аббревиатур из русского языка,

---

[36] См.: *Селищев А. М.* Указ. соч., с. 160—162; *Чуковский К. И.* Указ. соч., с. 85.

[37] «Сложносокращенные слова несли в себе глубокое противоречие. Массовое их создание — едва ли не единственный случай, когда в русском языке революционной эпохи приобретает широкий размах процесс увеличения языкового кода. . . Действительно, аббревиация удваивала и даже утраивала инвентарь корней и основ, инвентарь названий» (Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 89—90).

в то же время отмечал: «. . .Слово ФОН не потому худо, что оно непонятно непосредственно большинству русских (хотя очень удобно для нас, деятелей высшей школы), но потому, что они могут выразить то же понятие известными им словами, не отягощая своей памяти» [38]. Участник той же дискуссии 1925 г. И. Фомин, в целом занимая благожелательную позицию по отношению к аббревиации и аббревиатурам, в то же время указывал на функциональную неоправданность ряда сокращений: «Без всякой надобности говорим „детдом", „зубврач". . .» [39] Не случайно протест был вызван употреблением частично сокращенных слов: в 20-х годах они часто создавались на основе вполне «безызбыточных» словосочетаний.

В поле зрения говорящих попадали и вариантные ряды аббревиатурных номинаций, ср.: «Сокращения эти каждый раз варьируют на свой лад. Так, например, губернский отдел народного образования одни называют „Губоно", другие — „Губнаробраз" и третьи — „Губотнароб". Рабоче-крестьянская инспекция: „РКИ" и „Рабкрин". Некоторые любители нашли, что сокращение губернского экономического совещания в губэкономсовещание слишком незначительно, и потому сократили его сначала в губэкосо, потом в ГЭС. Сокращение губернского исполнительного комитета в губисполком показалось им непростительной роскошью, и они, ничтоже сумняшеся, сократили его в ГИК» [40]. Несмотря на то что цитируемое выступление Ю. Яснопольского в целом было проникнуто пуризмом в его крайнем проявлении, в данном случае можно говорить об известной адекватности оценки: варьирование аббревиатурных номинаций в определенной степени затрудняло процесс языковой коммуникации, причем не только со стороны «слушающего», но и «говорящего», так как возникала проблема выбора одного из возможных сокращенных вариантов обозначения.

Реакция говорящих на обусловленное развитием аббревиации увеличение парадигматической избыточности русского языка, думается, сыграла определенную роль в упорядочении образования слоговых аббревиатур и частично сокращенных слов от двухкомпонентных атрибутивных

---

[38] *Щерба Л. В.* Указ. соч., с. 6.
[39] *Фомин И.* Порча языка или-болезнь роста. — Журналист, 1925, № 4, с. 14.
[40] *Яснопольский Ю.* Указ. соч.

словосочетаний и развитии тенденции к стяжению многокомпонентных вариантных рядов аббревиатурных номинаций, т. е. оказала воздействие на становление нормы на тех участках создания и использования сложносокращенных слов, где парадигматическая избыточность не была структурно и функционально оправданной.

4. Для отрицательного полюса общественной оценки аббревиации и аббревиатур были характерны синкретизм, взаимопроникновения оснований оценок: обычно сокращения подвергались критике сразу с нескольких точек зрения и по разным основаниям. Вместе с тем критическое отношение к той или иной группе сложносокращенных слов, например по причине их неблагозвучия или функциональной неоправданности, совсем необязательно предполагало отрицание аббревиации в целом. «Критика сокращений» в 20-е — нач. 30-х годов далеко не всегда была связана с проявлением пуристического умонастроения — во многих негативных оценках верно подмечались вполне реальные противоречия начального периода становления аббревиации в русском языке: создание и использование сложносокращенных слов «без надобности», перенасыщенность некоторых текстов аббревиатурами, неблагозвучие, эстетическая неприемлемость ряда образований и т. д. Поэтому «было бы несправедливо недооценивать в истории аббревиатурного способа образования слов значение сознательной нормализации в этой области» [41].

Однако в большинстве случаев негативные оценки «советских сокращений» данного периода отличались субъективизмом, предвзятостью, поверхностностью лингвистического подхода к аббревиатурам, гипертрофированным представлением о собственно языковых, коммуникативных и эстетических изъянах, якобы присущих всему корпусу аббревиатурной лексики. Несостоятельность этих оценок была убедительно показана в работах советских языковедов 20-х — нач. 30-х годов и в многочисленных выступлениях и дискуссиях, посвященных проблемам языка революционной эпохи.

Позитивные оценки аббревиации и аббревиатурной лексики не только в большей степени соответствовали реально протекавшим в языке процессам, но и служили выражением и в то же время одним из факторов той обще-

[41] Русский язык и советское общество. Словообразование. . ., с. 81.

ственной поддержки, которая в 20-х годах была объективно оказана сокращениям. Формированию «общественного протекционизма» по отношению к аббревиации способствовало осознание современниками связи между изменениями в языке и революционными преобразованиями общества: тот факт, что «сокращенные слова стали чуть ли не символами революционного языка» [42], не только служил причиной нападок на «советские сокращения» со стороны представителей «идеологического пуризма», но и — при противоположной социально-идеологической позиции — становился одним из наиболее существенных факторов их принятия и санкционирования, ср.: «Велика ли штука тележная чека, — а без нее колесо съедет, и сядет телега в грязь. Два года прошло с основания Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Вот эту-то комиссию для краткости и зовут Чека. Название подходящее. Сколько бешеной ненависти вылили выгнанные баре на рабоче-крестьянскую власть. Сколько заговоров и в Москве, и в Питере, и в других городах раскрыла Чека. Рабоче-крестьянская телега хоть и скрипела под буржуйским натиском, но уже выезжает на сухую дорогу. И в этом немалая заслуга ее — Чеки» [43].

В 20-х — нач. 30-х годов сложносокращенные слова осмысляются как «семиотическое выражение эпохи» [44], аббревиатурная лексика рассматривается как наиболее типичная и созвучная времени часть революционного словаря, и это во многом определяет позитивную общественную оценку сокращений. В основе этой оценки лежало также правильное понимание самой сущности аббревиации: во многих высказываниях подчеркивались ее социальный характер, такие лингвистические свойства аббревиатурных знаков, как их «экономность» и цельнооформленность, их функционирование в качестве основных обозначений тех или иных реалий и понятий: «Наша революция создала множество новых учреждений массового, всесоюзного масштаба, вызвала необходимость во множестве новых терминов, и чутье массы потребовало экономии языковых средств, заменив „агитационно-пропа-

---

[42] *Щерба Л. В.* Указ. соч., с. 6.

[43] *Снов.* «Чека». — Беднота, 1919, 11 дек.

[44] *Иванов В. В.* О функциях сложносокращенных слов. — В кн.: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем (Тезисы докладов). М., 1962, с. 30.

гандистский отдел" — агитпропом, „губернский комитет" — губкомом и т. д. Что это чутье не обмануло масс, видно именно из того, что полное название учреждения звучит подчас чуждо и непонятно, а близко и ясно новое слово. Это слово-термин, и поэтому, если многие не сообразят, что такое „исполнительный комитет", зато всякому будет ясно, если мы скажем исполком» [45].

Показательно, что наряду с другими критериями позитивной оценки сложносокращенных слов в 20-х годах в ряде случаев выдвигался и критерий эстетический, что свидетельствовало о небесспорности «эстетических» претензий, нередко предъявляемых аббревиатурам как типу номинаций: «В целом слова эти созданы в огне революции, в них сказалась вся нервность и порывистость времени. . . и если в старое время хватало времени и терпения сказать: Командующий пятой армией, то теперь едва поспевают бросить: Командарм 5. И все. Кратко и, несомненно, красиво» [46].

Таким образом, общественная оценка аббревиации и аббревиатур в 20-е — нач. 30-х годов складывалась из различных, порой исключающих друг друга, взглядов, суждений, концепций. Ее противоречивость носила диалектический характер: с одной стороны, в ней отражались объективные противоречия процесса становления русской аббревиации, с другой — при всех крайностях, особенно отличающих негативные оценки, не в последнюю очередь именно в столкновении различных точек зрения формировалась «социальная, в широком смысле, оценка» сокращений, составившая один из уровней нормы их образования и употребления. Оценки сокращений при всей их полярности, а часто и очевидной неадекватности в своей совокупности оказали воздействие на становление нормы,

---

[45] *Фомин И.* Указ. соч., с. 13. Ср. также: «Советские сокращения же являются подлинной лабораторией новой социальной терминологии, имеющей международное значение. . . Вспомним, что ЧЕКА, ВУЗ, комсомол зачастую принимаются в иностранный язык без перевода. В частности, каким надо быть оголтелым пуристом, чтобы требовать расшифровку слова „ВУЗ", заменяя его либо неточным „университет", либо трехэтажным „высшим учебным заведением"» (*Третьяков С.* Выступление в дискуссии о «порче языка». — На литературном посту, 1929, № 11—12, с. 72).

[46] Словарь вошедших в обиход сокращенных названий. Владивосток, 1924, с. 1—2. Слоговая аббревиатура *командарм* вошла в употребление до революции, однако характера оценки это, разумеется, не меняет.

стали одним из ее конституирующих элементов: если критическое отношение к тем или иным сторонам аббревиации сыграло известную роль в упорядочении образования и употребления некоторых типов сложносокращенных слов, в преодолении нефункциональной многовариантности, то позитивные оценки сокращений во многом способствовали их общественному принятию в качестве естественных и закономерных для русского языка образований, отвечающих потребностям языковой коммуникации.

ПРОБЛЕМА ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЯХ О ЯЗЫКЕ

Н. Г. Бабай

Процесс иноязычных заимствований в разной степени интенсивности присущ всем периодам развития русского литературного языка: с самых ранних этапов его истории и до наших дней в русский язык не переставали вливаться различные элементы других языков, как западных, так и восточных. Эти элементы сформировали современные значения многих слов литературного языка, дали русскому языку большое количество интернациональной лексики, значительную часть научно-технической терминологии. В различные периоды истории русского литературного языка приток заимствованных слов то увеличивался, то заметно уменьшался, то вновь усиливался, однако, «в отличие от многих других языков, проблема иноязычных заимствований для русского языка никогда не вырастала в проблему потери национального своеобразия, размывания или распадения своеобычных качеств и свойств»[1].

На протяжении XIX—XX вв. вокруг иноязычных заимствований не раз возникала острая общественная полемика, суть которой, как правило, сводилась, с одной стороны, к требованиям оградить русский язык от иностранных влияний, изгнать из русского языка иностранные слова, мешающие самобытному развитию национального языка, с другой стороны, к защите разнообразных

[1] Русский язык в современном мире. М., «Наука», 1974, с. 151.

иноязычных элементов, составляющих основу интернациональной лексики и поэтому необходимых русскому языку. И если суть общественной полемики мало изменилась на протяжении многих лет, то объектами споров в разное время выступали различные конкретные языковые явления: от *мокроступов* и *шаротыков*, предложенных адмиралом А. С. Шишковым в 1803 г., в период широкого распространения в русском языке французских и других западноевропейских заимствований и иноязычных калек, до многочисленных научно-технических терминов англо-американского происхождения, появившихся в русском языке в последние два десятилетия. «Надо помнить об истории, — пишет Ф. П. Филин, — когда речь идет о судьбах современного русского литературного языка, споры о котором часто вспыхивают на страницах нашей печати. Без изучения прошлого нам не понять настоящего и будущего»[2].

В современной лингвистической литературе существует мнение, что в советскую эпоху процесс заимствования иноязычной лексики русским литературным языком имел свои подъемы и спады [3], которые Л. П. Крысин схематически представляет «в виде кривой, вершинные точки которой приходятся на конец 20-х и 30-е и на конец 50-х — начало 60-х годов»[4]. Это положение требует некоторых уточнений.

Активизация заимствований в связи с индустриализацией страны и развитием военной промышленности в 20—30-е годы, а также с научно-технической революцией, развитием международных контактов и культурных связей в 50—60-е годы привлекала внимание не только лингвистов, но и широких кругов советской общественности: в эти годы проходили общественные дискуссии, в которых наряду с другими проблемами языкового развития обсуждались и проблемы заимствований. Что касается 40-х годов (Великая Отечественная война и послевоенное строительство), то общественных дис-

---

[2] *Филин Ф. П.* Когда и как переводить на русский. — Лит. газета, 1974, 17 апр.

[3] См., например: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968; *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., «Наука», 1975.

[4] *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., «Наука», 1968, с. 195.

куссий по вполне понятным причинам в этот период не было, однако и в эти годы русский язык продолжал активно пополняться иноязычными заимствованиями, хотя новые слова (в основном немецкого происхождения, а также английские, американские, французские и некоторые другие) не всегда своевременно фиксировались. Так, вошедшие в русский язык и хорошо понятные в годы Великой Отечественной войны слова *фриц*, *абвер*, *зондер-команда*, *вервольф*, *люфтваффе*, *гитлерюгенд*, *мессершмитт*, *юнкерс*, *шмайсер* (нем.).; *дуглас*, *томпсон*, *либерти* (англ.-амер.); *камикадзе* (япон.); *квислинг* (норв.); *шюцкор* (фин.) и др. не зафиксированы в словарях вообще. Далеко не все из вошедших в русский язык в годы войны иноязычных слов «остались историзмами» или используются исключительно «как экспрессивно-стилистическое средство» (Л. П. Крысин). Кроме того, как отметил А. Н. Кожин [5], на базе основ иноязычного происхождения в эпоху Великой Отечественной войны возникло большое количество неологизмов по законам русского словообразования: *фаустник*, *тотальщик*, *фольксштурмист*, *корректировщик*, *агентурщик*, *фугаска*, *термитка* и др. Особенно многочисленна группа глаголов отыменного образования от иноязычных основ с суф. *-и-*, *-ирова-*: *барражировать*, *пикировать*, *зуммерить*, *эшелонировать* и т. п. Многие слова иноязычного происхождения, представлявшие собой общевойсковые термины и употреблявшиеся ранее исключительно в военно-деловой речи, в годы войны расширили сферу употребления и стали проникать в язык публицистики, художественной литературы, в разговорную речь. Таким образом, приходится говорить скорее о неуклонном подъеме процесса заимствования иноязычной лексики русским языком советской эпохи, нежели о его подъеме в 20—30-х и 50—60-х годах и спаде в 40-е годы.

При оценке иноязычных неологизмов особую роль играют внеязыковые факторы: эстетические представления общества, профессиональные вкусы, уровень культуры, языковая мода и др. Реакция советской общественности в 20-е и 60—70-е годы на новые слова иноязычного происхождения схожа лишь отчасти: сложный комплекс

---

[5] *Кожин А. Н.* О развитии русского литературного языка в эпоху Великой Отечественной войны. — НДВШ, Филолог. науки, 1975, № 3, с. 57—58.

лингвистических и экстралингвистических факторов обусловил в наше время иные по сравнению с 20-ми годами критерии оценок иноязычной лексики, которая входит в русский язык на иных основах и в иной общественно-политической ситуации. В отличие от последних десятилетий в 20-е годы проблема заимствований была менее острой и представляла собой часть общей борьбы за очистку языка, против его действительного засорения элементами разнородного происхождения: диалектизмами, жаргонизмами, вульгаризмами и отдельными речевыми уродствами.

Для общественных оценок иноязычных заимствований, высказанных в дискуссиях о языке 20-х годов (см. материалы дискуссий «Язык революции или революция языка?», «Дискуссия о порче языка» и др.[6]), были характерны две основные тенденции, которые отчетливо прослеживаются и в выступлениях общественности, и в работах лингвистов.

Одной из них была борьба за очистку языка от ненужных иностранных слов, употребляемых «без надобности» и часто неправильно. Именно о таких случаях употребления иноязычных слов писал В. И. Ленин в заметке «Об очистке русского языка», приводя в пример «французско-нижегородское» коверканье языка, употребление в газетах слов «дефекты» вместо «недостатки, пробелы», глагола «будировать» в смысле «возбуждать, тормошить, будить» и т. п. В ходе дискуссии о языке, прошедшей на страницах журнала «Журналист» в 1925 г., ленинские мысли о необходимости очистки русского языка от ненужных слов были поддержаны и развиты советскими общественными деятелями (А. В. Луначарский и др.) и лингвистами (Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, С. И. Бернштейн, Д. Н. Ушаков и др.). Анализируя состояние русского литературного языка в первые послереволюционные годы, Л. П. Якубинский писал: «Ясно, что заметка Ленина о порче языка не может быть рассматриваема в связи с традиционными разговорами о засилье иностранщины в нашем языке: это не лингвистический национализм, это также и не „пуризм“, основанный обычно на весьма туманных представлениях о „чистоте“ языка. У Ленина

[6] См., например: Журналист, 1925, № 2, 4, 6, 7; Молодой большевик, 1926, № 15, 16; Коммунистическая революция, 1928, № 7; На литературном посту, 1929, № 11, 12.

корень вопроса — речевая целесообразность: употребляем иностранные слова без надобности, употребление иностранных слов затрудняет влияние на массу. Объявление войны коверканию русского языка есть в данном случае частный вопрос общего вопроса о целесообразной организации нашего языкового быта»[7].

Интересно, что среди причин массового вторжения иностранных слов и оборотов в русский язык Л. В. Щерба выделял и такую, характерную исключительно для 20-х годов: «. . . в ряды пишущих вступило значительное количество эмигрантов и даже просто иностранцев, которые привыкли к иностранной литературе, к иностранной терминологии, к иностранному языковому мышлению», они «пересаживают свой материал на русскую почву в совершенно сыром, необработанном виде, придавая ему лишь русскую внешность»[8].

Наряду с реальной необходимостью очистки языка от ненужных иностранных слов в 20-е годы перед обществом стояла и другая, более сложная задача — поднять уровень масс до понимания необходимых иностранных слов, интернациональной лексики. Эта проблема также обсуждалась советской общественностью: «. . . многие из политических терминов и выражений должны быть усвоены массами, — сказал А. В. Луначарский на юбилейном вечере ГИЖа. — . . .Нельзя не употреблять многих слов, которые нужны, нельзя не употреблять слов „коммунизм", „марксизм". Нужно не отрекаться от них. . . а надо такие слова объяснить читателю»[9].

Это положение нисколько не противоречило мыслям В. И. Ленина об очистке русского языка, который писал в 1906 г. о том, что социал-демократы «должны уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений»[10]. Ленинское слово «еще» — свидетельство уверенности вождя в том, что народные массы со временем овладеют интернациональной по своему составу

---

[7] Ответ на анкету «Культура языка». — Журналист, 1925, № 2, с. 8.
[8] Там же, с. 5.
[9] Журналист, 1925, № 2, с. 4.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 92.

политической лексикой и терминологией. Но чтобы повысить культурный уровень народа, объяснить массам новую общественно-политическую терминологию, слова, возникшие для обозначения новых понятий и реалий советской эпохи, нужно было вести большую просветительную работу, давать на страницах газет объяснения новых слов, постоянно обогащать лексикон читателя.

Интересно в этом отношении проведенное Я. Шафиром в начале 20-х годов в Воронежской губернии специальное исследование на тему «Газета и деревня». Выяснив степень понимания крестьянами лексики современных газет (таких, например, слов, как *элемент*, *констатировать*, *павильон*, *экспонат*, *игнорировать*, *инициатива*, *меморандум*, *ультиматум*, *репарации*, *оккупация* и др.), Шафир приводит многочисленные пожелания самих крестьян, чтобы язык газет был более доступным, чтобы к иностранным словам давались пояснения, «чтобы на особой странице в газете все было объяснено по-нашему»[11]. Р. Шор в статье — отклике на книгу Я. Шафира писала о том, что со временем масса крестьян поднимется до понимания иностранных слов и общественно-политических терминов, что обогащение лексики новыми словами служит прежде всего показателем новых, ранее не свойственных данному классу форм культуры и что «по мере усвоения новых форм культуры „ломка“ языка теряет свой уродливый характер и вливается в общие процессы развития языковых форм. . . массовое „засорение“ языка неологизмами в эти эпохи сводится в конечном счете лишь к обогащению его лексики»[12].

Помимо рассмотренных тенденций в общественных дискуссиях о языке 20-х годов высказывались и другие мысли, в частности довольно сильны были пуристические настроения, проявлявшиеся в призывах к изгнанию из русского языка всех слов иноязычного происхождения. Не будет преувеличением отметить, что именно пуристические настроения дожили до наших дней практически без изменений.

С конца 50-х годов проблема иноязычных заимствований вновь заинтересовала широкие круги советской общественности. Возросшее внимание к проблеме ино-

---

[11] *Шафир Я.* Газета и деревня. М., 1923, с. 42.

[12] *Шор Р.* О «порче» русского языка. — Новый мир, 1928, № 5, с. 255.

странных слов в русском языке было вполне закономерным и объяснимым; как отметил К. И. Чуковский в 1962 г., «на всякого моего современника сразу в два-три года нахлынуло больше новых понятий и слов, чем на моих дедов и прадедов за последние два с половиной столетия»[13]. Появление большого количества новых иноязычных слов в русском языке и особенно в научно-технической терминологии отмечали многие участники дискуссии «О родном нашем языке», проходившей на страницах газеты «Известия» в 1960—1961 гг., но как основная причина «порчи», «засорения» русского языка наплыв иноязычных заимствований стал ощущаться общественностью лишь в начале 70-х годов, что нашло отражение в проходившей на страницах «Литературной газеты» дискуссии «Язык и время» (1971—1974)[14], а также в отдельных статьях, письмах, выступлениях людей самых разных профессий. В предшествующее же десятилетие в качестве главной причины «порчи» языка на первый план выдвигались канцеляризмы, деловые шаблоны и штампы, употреблявшиеся вне границ соответствующего стиля речи.

В массе выступлений, посвященных проблеме иноязычных заимствований, можно выделить три основных направления: часть авторов (очень немногочисленная) считает, что в наплыве иностранных слов никакой опасности нет, что делать ничего не нужно, например, английские термины удобны, они облегчают чтение научно-технической литературы, тем более что образованы они в основном на базе интернациональной лексики и точно определяют соответствующие понятия, и что, наконец, русский язык «самозатачивается, отбрасывая все излишества, изгоняя модное и наносное» (Н. Атаров), а значит, и сам со всем справится. Другая группа авторов (также немногочисленная) придерживается пуристических взглядов и требует изгнания из русского языка даже таких слов

---

[13] *Чуковский К.* Живой как жизнь. М., «Мол. гвардия», 1962, с. 7.

[14] См., например, статьи: *Абрамов Ф.* Язык, на котором говорит время. — Лит. газета, 1972, 22 нояб.; *Андрианов Б.* Что такое «дисплей»? — Там же, 1974, 22 февр.; *Атаров Н.* Замутились ли воды? — Там же, 1971, 25 авг.; *Винокуров Евг.* Со словом шутки плохи. — Там же, 1972, 16 февр.; *Липатов В.* Слово в опасности. — Там же, 1971, 18 авг.; *Солоухин В.* Океан родной речи. — Там же, 3 нояб.; *Шуртаков С.* Шелуха и янтарное зерно. — Там же, 17 нояб.

иноязычного происхождения, которые не имеют русских синонимов или употребляются в речи так давно и широко, что уже перестали ощущаться как иностранные. Наиболее же многочисленную группу составили участники дискуссии, выступающие за разумный подход к проблеме заимствований, которая заключается не в том, хорошо или плохо отдельное иностранное слово, а в общем количестве заимствуемой лексики и в уместности ее употребления.

Таким образом, общая проблема использования заимствованных слов интересовала основную массу общественности в 60—70-е годы прежде всего с точки зрения речевой целесообразности, необходимости или, наоборот, нежелательности употребления иностранного слова, особенно при наличии исконно русского синонима, с точки зрения правильности или неправильности образования и употребления иноязычного неологизма, а также с точки зрения возможности сознательного регулирования процесса заимствования русским языком иноязычных элементов.

Как проявление пуристических настроений показательны статьи и книги писателя А. Югова [15], брошюры К. Яковлева [16], а также выступления ряда участников дискуссий на страницах периодической печати, в которых вопрос об иноязычных заимствованиях сведен практически к необоснованному «запретительству». К. Яковлев, например, протестуя против употребления в русском языке таких слов, как *мотель*, *сервис*, *хобби*, *кафе*, *ателье*, *салон*, *филиал*, *кемпинг*, *лайнер*, *сейнер*, *плантация*, *апартеид*, значительной части современной спортивной терминологии и многих других, воспринимает их как ненужный элемент, дублирующий то, что уже имеет название. При этом он не замечает те новые семантические и стилистические оттенки, которые содержит иноязычный неологизм по сравнению с его русским синонимом, употребление которого при наличии соответствующего иноязычного слова в ряде случаев оказывается недостаточным. Остановимся подробнее на некоторых примерах.

---

[15] *Югов А.* Судьбы родного слова. М., «Мол. гвардия», 1962; *Он же.* Думы о русском слове. 2-е изд. М., «Современник», 1975.

[16] *Яковлев К.* Как мы портим русский язык (Об иностранных словах в нашем языке). Ярославль, 1974; М., «Мол. гвардия», 1976.

Нетрудно заметить, что все без исключения слова, вызывающие гнев пуристов, — это слова западноевропейского происхождения. Никто и никогда не протестовал против употребления в печати таких, например, слов, как *хунвейбин*, *маоизм*, *дацзыбао*, *хуацзяо*, *минбин* («народный ополченец», Лит. газета, 1979, 31 янв.) и т. п., хотя по своему фонетическому и морфологическому облику эти слова более чужды русскому языку, чем многие западноевропейские. И если пуристы протестуют против таких слов, как *хиппи*, *битник*, *босс*, *твист*, *бизнес*, *стриптиз*, *шоу*, *ревю*, *шейк*, *мюзик-холл* и др., то гнев их направлен не столько на слова, которые «сами по себе ни хороши, ни плохи» (Ф. П. Филин), сколько на понятия или явления, за ними стоящие. В сущности основная масса заимствуемых слов культурно-бытовой тематики приходит к нам вместе с новыми предметами или явлениями, и в этом случае заимствование является процессом естественным и вполне оправданным. Как писал в 1925 г. Л. В. Щерба, «для человека, не знающего, что такое телефон или автомобиль, ни Fernsprecher, ни с а м о к а т ничего не объяснят. С другой стороны, надо иметь в виду, что человеку, не знающему, что такое я т е н ь или ц е п, эти чисто русские слова также ничего не скажут, как сами по себе ничего не говорят и такие слова, как в о д а, х л е б и т. п. Вообще требовать от слов, чтобы они были понятны сами по себе, принципиально неправильно»[17]. Новое слово для нового предмета необходимо. В XIX в. А. С. Пушкин шутливо заметил: «. . . панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет», а в начале 20-х годов А. Горнфельд критиковал слово *клёши* (от франц. cloche) [18], на смену которым в наше время пришли *джинсы* и *шорты* (от англ. jeans и shorts).

С этой точки зрения интересна статья Н. Владимирова «В свои ворота», написанная в связи с опубликованием в газете «Таймс» корреспонденции Д. Бонавиа «Регби, свитеры, мистер Хит, бизнес, битники и всяческий джаз вторгаются в русский язык», в которой автор попытался создать у зарубежных читателей впечатление, что русский язык не только не в состоянии противиться проникновению в него английских и американских слов (речь в корреспонденции Бонавиа идет в основном об англий-

[17] Ответ на анкету «Культура языка». — Журналист, 1925, № 2, с. 5.
[18] *Горнфельд А. Г.* Новые словечки и старые слова. Пг., 1922.

ских спортивных терминах и американизмах, связанных с культурным декадансом в США), но и что с появлением в русском языке такого рода слов (например, *битник*, *хиппи*) в советской действительности появились и соответствующие понятия. Возражая Бонавиа, Н. Владимиров отмечает, что эти слова используются лишь при описании зарубежной действительности, а перевести их на русский язык невозможно именно потому, что в нашей жизни нет соответствующих этим понятиям русских эквивалентов. Что касается иноязычных заимствований из области спортивной терминологии (ср. критику К. Яковлевым слов *форвард*, *голкипер*, *стоппер*, *дриблинг*, *фол*, *клинч*, *прессинг*, *спурт*, *рефери*, *айсинг*, *аутсайдер* и др.), то нельзя не признать справедливым такое замечание Н. Владимирова: «Обилие „иностранных“ терминов в области спорта свидетельствует о том, что спорт занимает в нашей жизни положенное ему место игры. А всякая игра не только порождает на какое-то время свою особую форму, но и стремится — обычно начиная с самого своего названия — создать свой особый язык как часть этой формы. И в наше время иностранный спортивный термин — это не заимствование „от бедности“, а слово, „принятое в игру“ и позволяющее не придумывать своего, такого же необычного»[19].

Нередко гнев пуристов бывает направлен против слов, пришедших в русский язык давно и уже имеющих прочные лексические связи. Так, слова *кафе* и *салон*, против которых протестует К. Яковлев, являются французскими заимствованиями XIX в., которые прочно вошли «в словарный состав современного русского языка, претерпев фонетическую и грамматическую ассимиляцию»[20]. Слово *сервис* тоже не столь уж новое, как кажется пуристам: оно, как отмечается в монографии «Русский язык и советское общество», появилось в языке еще в 20-е годы. Слово *эскалация* за очень короткий срок «приобрело широкую известность и понятность; положение его в структуре русского языка получило определенную стабильность; само название перестало быть иноязычным вкраплением»[21].

[19] *Владимиров Н.* В свои ворота. — Лит. газета, 1971, 28 июля.

[20] *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., «Просвещение», 1977, с. 267.

[21] *Миськевич Г. И., Чельцова Л. К.* Новые слова, их принятие и нормативная оценка (Проблема новых слов в культурно-речевом аспекте). — В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., «Наука», 1970, с. 275.

К. Яковлев пишет: «старомодным кажется увлечение чем-нибудь — говорим: *хобби*»[22]. Другого мнения лингвисты: «. . . не всегда из двух или нескольких синонимов одно слово вытесняет другое. Нередко в языке сохраняются все названия, но за каждым из них закрепляется свой круг значений, происходит дифференциация названий по содержанию. Данное явление можно иллюстрировать процессом размежевания слов *увлечение*, *конек*, *хобби*. На наших глазах к существующим в русском языке словам *увлечение*, *конек* присоединилось заимствованное из английского языка слово *хобби*. . . Довольно быстро стало ощутимым лексическое и семантическое размежевание названных дублетов: слово *конек* означает „излюбленную тему разговоров, предмет стремлений"; слово *хобби* — „излюбленное занятие"; слово *увлечение* характеризуется меньшей конкретностью»[23]. Разницу в значении слов *хобби*, *конек*, *увлечение*, *вторая любовь*, *серьезное чудачество* отмечает и А. А. Брагина [24].

Все дело в стилистической уместности и целесообразности употребления заимствованного слова: в одном контексте можно сказать *конек*, а в другом — *хобби*; можно сказать *бармен* и можно сказать *буфетчик*; можно — *паблисити* и можно — *известность*; возможны *путь*, *дорога*, *шоссе*, *автострада*, *фривей*. Даже такой заголовок кажется приемлемым, если в статье речь идет о явлениях западной культуры и кинопромышленности: «Брижжит Бардо — последняя суперстар? В объективах массмедиа и собственными глазами» (Лит. газета, 1974, 27 марта).

Многим неологизмам культурно-бытовой тематики, появившимся в языке в последние десятилетия, были посвящены специальные публикации на страницах сборника «Вопросы культуры речи» (ВКР, 1959—1967, вып. 1—8) и в журнале «Русская речь» (РР). Лингвистическому анализу подвергались различные аспекты проблемы—семантический: *ультра*, *битник*, *хобби*, *амплуа*, *эскалация*, *авторалли* (ВКР); *лазер* (РР, 1969, № 1), *элита* (РР, 1971, № 6), *компьютер* (РР, 1976, № 2), *дизайн*, *дизайнер* (РР, 1976, № 6), *каскадер* (РР, 1977, № 2), *фаворит* (РР, 1977, № 1), *династия* (РР, 1977, № 4),

---

[22] *Яковлев К.* Как мы портим русский язык, с. 43.
[23] *Миськевич Г. И., Чельцова Л. К.* Указ. соч., с. 268.
[24] *Брагина А. А.* Что такое хобби? — Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966, с. 201—206.

аудиенция, *визит* (РР, 1978, № 1) и др.; тематический: *отель — мотель — ротель* (ВКР), *шансонье — менестрель — бард* (ВКР), *стюардесса — бортпроводница* (РР, 1969, № 5), *космонавт* и *астронавт* (РР, 1976, № 1) и др.; словообразовательный: *трайлер* или *трейлер* (РР, 1971, № 5), *цунами* (РР, 1978, № 2), *стажи́роваться* или *стажирова́ться* (РР, 1978, № 3), *серпантин* или *серпантина* (РР, 1977, № 5) и др.

Замечание Л. В. Щербы о том, что, не боясь готовых чужих слов для новых понятий, не следует переобременять свой словарь лишними элементами, «если есть возможность вполне выразить новое понятие своими средствами или путем словопроизводства, или путем комбинации двух-трех слов»[25], сохраняет актуальность и теперь. Однако выводы пуристов относительно потери русским языком «своеобычных» качеств, их тревога по поводу проникновения значительного количества иноязычных заимствований в область культурно-бытовой и общественно-политической лексики представляются малообоснованными и не соответствующими истинному положению дел. Реальная опасность в другом: анализ материалов широкого обсуждения вопросов о заимствовании иностранных слов показал, что большинство участников дискуссии видело опасность «засорения» языка иностранными словами там, где она действительно существует, — в области научно-технической и специальной лексики и терминологии. «Действительное засорение языка „иностранными словечками“, — отмечает Д. Н. Шмелев, — неоправданными заимствованиями обычно не выходит за пределы или узко профессиональной речи, или ограниченных социальных жаргонов»[26].

Начавшаяся статьей Н. Т. Федоренко «Не перевести ли на русский? (Об иноязычной терминологии в литературоведении)» дискуссия о проблемах терминотворчества привлекла к себе внимание широких читательских масс. Подавляющее большинство корреспондентов с тревогой писало об огромном наплыве иностранных слов в язык науки и техники, о необходимости сознательно, на научной основе регулировать процесс терминотворчества, сообразуясь с «задачами русской словесности, бережным отношением к самобытному развитию отечественной язы-

---

[25] Ответ на анкету «Культура языка».— Журналист, 1925, № 2, с. 5.
[26] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 271—272.

ковой культуры, величайших ее богатств, созданных народом на протяжении всей истории»[27]. Недооценка словообразовательных возможностей родного языка, потеря чувства меры в отношении иностранных слов, дань моде на употребление иноязычных неологизмов даже при наличии русских синонимов, стихийность процесса терминотворчества приводят, по мнению участников дискуссии, к тому, что в отдельных научных работах трудно не только понять многие слова, но и узнать строй родной речи.

Наряду с общими вопросами о необходимости сознательной регулировки процесса вхождения в русский язык иноязычных терминов, количество которых исчисляется сейчас «не сотнями или тысячами, а сотнями тысяч» (Ф. П. Филин), обсуждались более частные вопросы, связанные с нормализацией входящей в язык иностранной терминологии. Речь шла не только о количестве заимствований, но и о качестве отдельных терминов или целых терминосфер, о правильности или неправильности образования и употребления конкретных слов. Так, в письмах читателей[28] отмечалось, что английское слово nylon (произносимое «на́йлон») вошло в научно-техническую терминологию в форме *найлон*, а в «конфекционно-бытовую речь» — в форме *нейлон*. В словарях же зафиксированы все три формы без каких-либо рекомендаций: *нейло́н — на́йлон — найло́н*. Недавно в газетах появились новые слова — *филомент* (синтетическое волокно) и *филаментное производство*, образованные от английского слова filament (нить, волосок, волокно), а не от греческого элемента philo (любящий). Следовательно, правильное написание нового заимствования должно быть не *филомент*, а *филамент*, *филаментный*, однако в словарях никаких рекомендаций на этот счет нет. Разработанный в Научно-исследовательском институте физической культуры метод прослушивания звуков, издаваемых работающими мышцами, назван *меофония*: вторая часть слова, образованная от греческого phone (звук), не вызывает возражений, тогда как первая, образованная не от несуществующего элемента meo, а от греческого

[27] *Федоренко Н. Т.* Не перевести ли на русский? (Об иноязычной терминологии в литературоведении). — Лит. газета, 1974, 30 янв.

[28] См., например: *Игнатьева Н.* Наука для немногих.— Лит. газета, 1974, 2 февр.; *Петрова А.* Не назвать ли кошку кошкой? — Лит. газета, 1974, 13 марта.

myo (мышца), диктует написание *миофония* (ср. инфаркт *миокарда*). В повседневной практике существуют два варианта названия спортивного снаряда — *эспандер* и *экспандер*, образованных от латинского глагола со значением «растягивать, расширять» (ср. *экспансия*, *экспансивный*). Примеры подобного рода неправильных образований слов или неоправданно существующих вариантов можно продолжить: *аэротанк* и *аэротенк*, *апартеид* и *апартхейд*, *трайлер* и *трейлер*, *трибализм* и *трайбализм*, *персептрон* и *перцептрон*, *электрон-вольт* и *электроновольт* и др.

И хотя по отношению к иноязычным заимствованиям терминологического характера наряду с объективными и спокойными попытками разобраться в процессах, происходящих в различных терминосферах, в массовой печати появилось немалое количество высказываний, проникнутых вкусовым, субъективно-эстетическим дилетантизмом («терминология и терминотворчество такие области языка, в которых живо проявляются и сталкиваются вкусы и интересы профессионалов, специалистов, языковедов и рядовых ревнителей чистоты и точности словоупотребления»[29]), общее направление дискуссий свидетельствовало о не вполне благополучном положении в этой области речевой действительности.

Высказывания представителей общественности о том, что словообразовательные средства русского языка, чрезвычайно богатые и разнообразные, используются в научно-технической терминологии явно недостаточно, что необходимо не только заимствовать готовые, не переведенные с английского языка термины, но и создавать свою национальную научно-техническую терминологию, вполне разделяют и специалисты-языковеды: «Беспрецедентное в истории русского языка по своей массовости вторжение англицизмов в русскую научно-техническую терминологию нельзя считать нормальным. Ненормально равнодушное и тем более одобрительное отношение к этому явлению. Предел иноязычному вторжению можно положить только тогда, когда вокруг него будет создано должное общественное мнение, когда все проникнутся ответственностью за судьбу великого русского языка»[30].

---

[29] *Скворцов Л. И.* Терминология и культура речи. — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971, с. 218.

[30] *Филин Ф. П.* Некоторые вопросы функционирования русского языка. — ВЯ, 1975, № 3, с. 47—48.

Еще одна сторона проблемы, обсуждавшаяся в ходе дискуссий, — проникновение иноязычных и русских специальных терминов в общелитературный язык, что проявляется прежде всего в использовании научно-технических терминов в расширенно-метафорическом смысле в публицистике, в языке художественной литературы и в разговорной речи для большей выразительности и эмоциональности.

Многоаспектная проблема функционирования научно-технических терминов в художественной и публицистической речи до сих пор остается одной из наименее изученных проблем как в плане взаимодействия терминологической и общелитературной лексики, так и в стилистическом плане. По замечанию Н. Г. Благовой, почти не подвергался анализу семасиологический аспект этой проблемы, ни в одном исследовании не описана с достаточной полнотой специальная лексика в художественной и публицистической речи 60—70-х годов [31], хотя язык публицистики и художественной литературы играет важную роль в процессе перехода терминов из специального подъязыка науки в общелитературный язык. Разнообразные примеры употребления терминологической лексики в художественных и публицистических текстах приводили многие участники дискуссий: если употребление специальных терминов в общелитературном языке диктуется художественными задачами, то «как же в наше время техники, — замечает поэт Евг. Винокуров, — можно уйти от научного термина, подчас остро необходимого для выразительности?» [32]

Появление новой терминологической лексики, обозначающей новые реалии, новые понятия, во многих случаях не только не загромождает, но и обогащает язык. Это отмечалось в ходе дискуссий на примерах недавно появившихся новых удачных терминов, групп терминов и целых терминосфер, например: *космонавт*, *планетология*, *селенология*, *космодром*, *ракетодром*, *космонавтика* и другая новая лексика, связанная с изучением космического пространства.

---

[31] *Благова Н. Г.* Научно-технические термины в современной художественной и публицистической речи. Автореф. канд. дис. Л., 1976.

[32] *Винокуров Евг.* Со словом шутки плохи. — Лит. газета, 1972, 16 февр.

Новые слова терминологического и нетерминологического характера достаточно регулярно и своевременно фиксируются, систематически изучаются, хотя до сих пор «никто не знает даже приблизительно, сколько терминов имеется в настоящее время в русском языке»[33]. Большой интерес в этом отношении представляет словарь-справочник «Новые слова и значения (по материалам прессы и литературы 60-х годов)» под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971), который является изданием, дополняющим современные толковые словари новыми словами, значениями слов и выражениями, извлеченными составителями из различных письменных источников 1964—1968 гг. Всего в словарь включено около 3500 слов, в значительной мере отражающих изменения в словарном составе языка, происшедшие за два последних десятилетия. Составители словаря отмечают, что вопреки распространенному мнению о том, что среди неологизмов 60—70-х годов большую часть составляют заимствования, доля новых слов иноязычного происхождения в словаре-справочнике равна 7,5%. Однако цифра эта в известной мере условна, так как в этот разряд включены лишь собственно заимствованные слова (например, *кемпинг*, *карт*, *круиз*, *лосьон* и т. д.), тогда как произведенные от них слова по действующим в языке моделям не отнесены к разряду заимствованных (ср.: *кемпинговый*, *бетатронщик*, *биатлонист*, *бионический*, *бройлерник* и т. д.).

Изучение и своевременная фиксация иноязычных слов, постоянно пополняющих литературный язык, необходимы для успешной борьбы с ненужными заимствованиями, которая остается одной из важнейших составных частей культурно-регулятивной деятельности в области языка. Нельзя раз и навсегда решить «вопрос о разумных границах иноязычной терминологии в ее нынешних и завтрашних контурах»[34], но можно и нужно выработать научные принципы подхода к этой проблеме, упорядочить существующие терминосферы, регламентировать процесс терминотворчества, устранить разнобой в написании и произношении отдельных заимствованных слов, бороться против бездумного увлечения терминологическими модами. Решить эти проблемы лингвисты могут лишь в содружестве с учеными всех специальностей, рекомендации которых могут быть особенно перспективны и полезны.

---

[33] Русский язык в современном мире, с. 119.
[34] *Федоренко Н. Т.* Указ. соч.

О ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА

(Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60—70-х годов)

Е. Г. Борисова-Лукашанец

Проблема описания социальных разновидностей речи не является новой для советского языкознания. Только за последнее 20-летие появилось большое число интересных работ, посвященных профессиональному просторечию, арго, жаргонам различных профессиональных групп [1]. Однако постоянное обновление лексического состава жаргона — его неотъемлемая специфическая черта — вызывает необходимость в проведении новых исследований в этой области. Так, распространившееся в конце 60-х—нач. 70-х годов среди определенной части нашей молодежи жаргонное использование англоязычных заимствований не привлекло еще внимания советских лингвистов. О нем и пойдет речь в данной статье.

Интенсификация международных связей, бурное развитие науки и техники, а в связи с этим и рост объема научной литературы, выпускаемой на разных языках, стремление деятелей науки, техники и культуры разных стран к постоянному обмену опытом, расширение и улучшение изучения иностранных языков в вузе и школе, возрастание интереса к образу жизни чужих народов — все эти внеязыковые факторы являются причиной резкого увели-

---

[1] См., например: *Бондалетов В. Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев, вып. 1. Условные языки как особый тип социальных диалектов. Рязань, 1974; *Он же.* Условные языки русских ремесленников и торговцев (Словопроизводство). Рязань, 1980; *Дубровина К. Н.* Студенческий жаргон. — НДВШ, Филолог. науки, 1980, № 1, с. 78—81; *Копыленко М. М.* О семантической природе молодежного жаргона. — В кн.: Социально-лингвистические исследования. М., 1976, с. 79—86; *Лошманова Л. Т.* Жаргонизированная лексика в бытовой речи молодежи 50—60-х годов. Автореф. канд. дис. Л., 1975; *Салимова Р. Х.* Современное профессиональное просторечие. Автореф. канд. дис. М., 1974; *Скворцов Л. И.* Об оценках языка молодежи. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 5. М., 1964; *Он же.* Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов. Автореф. канд. дис. М., 1966; *Он же.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

чения числа иноязычных заимствований в различных областях использования языка. Этот процесс является нормальным и неизбежным [2] в развитии языка. Однако в русском языке наряду с этим в последнее время наблюдается и использование в терминологии, в языке научно-фантастической литературы, в публицистике ненужных, семантически излишних заимствований из английского языка, дублирующих исконно русские слова. Такое засорение русского языка не могло не обеспокоить тех, кому небезразличны проблемы культуры родной речи. Против бесполезного заимствования слов из чужого языка не раз выступали как ученые-лингвисты и литературоведы [3], так и писатели, переводчики [4].

Процесс «англизации» затронул не только различные слои литературного языка, но и сферу устного общения, в частности жаргонизированную речь молодежи [5]. Так, от некоторых молодых людей можно подчас услышать, например, такую фразу: «У меня сегодня флэт свободный» (*флэт* 'квартира') или: «Ну, мы смитингуемся завтра?» (*смитинговаться* 'встретиться'); девушку они называют *герла́*, ботинки — *шузы́*, проспект Калинина именуют не иначе как *авеню́* или *бродве́й*, а улицу Горького — *стрит* [6]. По предварительным данным, насчитывается около 200 таких слов и выражений, образованных на базе свыше 100 английских лексем. Очевидно, что использование англоязычной лексики в данном случае производится в таком объеме, что становится одной из существенных характеристик этого молодежного жаргона [7]. Подобное явление наблюдается в истории развития молодежных

---

[2] *Филин Ф. П.* Некоторые вопросы функционирования и развития русского языка. — ВЯ, 1975, № 3, с. 43.

[3] *Федоренко Н.* Не перевести ли на русский? (Об иноязычной терминологии в литературоведении). — Лит. газета, 1974, 30 янв.; *Филин Ф. П.* Когда и как переводить на русский. — Там же, 17 апр.; *Он же. Сок* или *джус*, *обслуживание* или *сервис*? — В кн.: Теория языка. Англистика. Кельтология. М., 1976.

[4] *Галь Н.* Продолжение следует. . . — Наука и жизнь, 1975, № 2; *Югов А. К.* Думы о русском слове. М., 1972; *Яковлев К. Тяготение* или *отягощение*? — Молодая гвардия, 1968, № 9.

[5] *Филин Ф. П.* Некоторые вопросы функционирования и развития русского языка, с. 46.

[6] Исследование проводилось в основном среди московской молодежи.

[7] Термин «жаргон» мы употребляем здесь для обозначения лексико-семантической подсистемы русского языка, характеризующейся особой стилистической сниженностью и экспрессивной окраской, а также определенным кругом носителей.

жаргонов впервые, хотя тенденция к использованию отдельных иноязычных заимствований в речи молодежи не нова и уже отмечалась в нашей литературе [8]. Обращение молодежи к иноязычной лексике нам кажется связанным с общим для современного этапа развития русского языка чрезмерным увлечением иностранными словами. Ниже будет сделана попытка выяснения причин и условий процесса заимствования англоязычной лексики в жаргон молодежи.

Однако предварительно необходимо уточнить вопрос о том, насколько правомерно называть исследуемые жаргонизмы заимствованиями. Процесс заимствования в данном случае приобретает специфическую форму использования в устной речи иноязычного языкового материала для обозначения понятий, уже имеющих словесное наименование в русском языке. Направление процесса заимствования в этом случае будет следующим: от русского слова (назовем его рабочим термином «русский эквивалент») к его английскому переводу и далее к русифицированной форме английской лексемы: *девушка* → *girl* → *герла́*, *ботинки* → *shoes* → *шузы́*, *пить* → *drink* → *дринка́ть* и т. п. Специфика процесса заимствования в жаргоне проявляется именно в наличии первого этапа — от русского слова к английскому переводу, в дальнейшем же заимствуемое в жаргон английское слово приспосабливается к системе русского языка так же, как это происходит и с общелитературными заимствованиями. Таким образом, учитывая особенности этого процесса, мы считаем возможным употреблять термин «заимствование» применительно к таким словам, как *герла*, *шузы* и т. п., хотя такое употребление термина может показаться и несколько непривычным.

Входя в чужой язык, иноязычные слова прежде всего приобретают новый звуковой облик, приспосабливаясь к фонетической системе заимствующего языка. Так происходит и в случае заимствования в жаргон. По-видимому, основной тенденцией в плане фонетической трансформации исследуемых жаргонизмов надо считать преимущественную ориентацию носителей жаргона не на письменную, графическую форму заимствуемого слова, а на его

---

[8] См., например: *Костомаров В. Г.* Откуда слово «стиляга»? — Вопросы культуры речи, вып. 2. М., 1959; *Скворцов Л. И.* Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии. — В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.

звуковой облик. По предварительным подсчетам, лишь корни менее 10% жаргонизмов отражают графическую форму соответствующих английских слов, например: *авеню́* 'проспект Калинина' — avenue ['ævinju:], *джапа́н* 'туристы из Японии' — Japan [dʒə'pæn], *смок* 'сигареты' — smoke [smouk] и т. д.; остальные же жаргонизмы образованы от звуковой формы: *бёрздэй* 'день рожденья' — *birthday* ['bə:θdei], *блэк* 'негр' — *black* [blæk], *лэйбл* 'этикетка' — *label* ['leibl], *мэн* 'мужчина' — *man* [mæn], *сэшн* 'вечеринка' — *session* [seʃn] и т. п. По нашему мнению, описанная ситуация отражает специфическую форму процесса заимствования в жаргоне. Во-первых, английские слова заимствовались почти исключительно для нужд устного общения. Во-вторых, немаловажным фактором являлось желание носителей жаргона придать жаргонизмам звуковой облик, как можно более близкий к звучащей английской речи. Это делалось также и для того, чтобы не допустить возможной омонимичности жаргонизмов со словами русского языка, являющимися более ранними заимствованиями из английского или других европейских языков, ср.: *дабл* 'туалет' — *дубль*, *прайзо́вый* 'дорогостоящий' — *призово́й*, *ре́корд* 'грампластинка' — *рекО́рд*, *сэшн* 'вечеринка' — *се́ссия*. Это стремление носителей к «англизации» своей речи особенно ярко проявилось в создании нескольких «гиперкорректных» форм: *батл* 'бутылка' (ср. bottle [bɔtl]), *брэйнд* (*нью*) 'новый' (ср. brand [brænd]), *сэйшн* 'вечеринка' (ср. session [seʃn]).

Влияние жаргонизированной речи на процесс заимствования проявилось также в намеренной вульгаризации произношения: *дра́гстер* 'аптека' ← drugstore, *дринч* 'выпивка' ← drink, *пренты́* 'родители' ← parents, *се́нька* 'спасибо' ← thank you, *сэйшбн* 'вечеринка' ← session, *фазёр* 'отец' ← father. С другой стороны, влияние англоязычных элементов на жаргон сказывается, как нам кажется, в нетипичном для русского языка произношении некоторых жаргонизмов: мы говорим здесь не только о непривычных для носителей русского языка сочетаниях звуков (*айкн* 'икона', *бёрздэй* 'день рожденья', *ворк* 'работа', *лэйбл* 'этикетка', *сэса́йэти* 'общество', *чейндж* 'обмен') или об очень незначительной редукции безударных гласных (например, в словах *дра́йвер* 'шофер такси', *ма́зер* 'мать', *по́кет* 'карман', *ре́корд* 'грампластинка', *са́йэнс* 'наука'), но и о совсем не свойственном русскому языку произношении звонких шумных согласных на конце

слова (*сайд* 'сторона', *сайз* 'размер', *смог* 'дым от курения').

Все сказанное относится к основам англоязычных жаргонизмов, поскольку при заимствовании изменения затронули не только звуковой облик слов, но и их грамматическую форму, в результате чего некоторые заимствования приобрели в исходной форме ненулевые флексии и формообразующие аффиксы, например: *герла* 'девушка' ← girl, *олды́* 'родители' ← old, *трузера́* 'брюки' ← ← trousers; *дринка́ть* 'пить' ← drink, *мэ́йкаться* 'удаваться, получаться' ← make; *бестовый* 'превосходный' ← ← best, *хаёвый* 'высокий' ← high и т. д. Поскольку в результате фонетических преобразований английских слов основы подавляющего большинства заимствований, обозначающих предметы и явления, оканчиваются на согласный, эти слова оформляются как существительные муж. рода; например, все заимствования, русскими эквивалентами которых служат неодушевленные и одушевленные существительные муж. и средн. рода, являются в жаргоне существительными муж. рода: *войс* 'голос' (voice), *сайз* 'размер' (size), *тэйбл* 'стол' (table); *вайн* 'вино' (wine), *лак* 'счастье' (luck), *фэйс* 'лицо' (face), *блэк* 'негр' (black), *драйвер* 'шофер такси' (driver), *фрэнд* 'друг' (friend). Для существительных, имеющих в качестве эквивалентов неодушевленные существительные жен. рода, существуют три возможности: 1) оформление как существительных муж. рода с нулевым окончанием в исходной форме; 2) оформление как существительных жен. рода на *-а* в исходной форме; 3) оформление как несклоняемых существительных синтаксического жен. рода:

		N. Sg.	G. Sg.	D. Sg.
bottle 'бутылка'	→	мой ботл	моего бо́тла	моему бо́тлу и т. д.
	→	моя ботла́	моей ботлы́	моей ботле́ и т. д.
	→	моя ботл	моей ботл	моей ботл и т. д.

Первый тип — самый распространенный, по нему оформляется большинство подобных существительных: *брэст* 'грудь' (breast), *зи́ппер* 'застежка «молния»' (zipper), *стрит* 'улица' (street) и многие другие; по второму типу зафиксировано только два слова: *лэ́йбла* 'этикетка' (label) и *ботла́* 'бутылка' (bottle); по третьему — также незначительное число слов: *мю́зик* 'музыка' (music), *лэкшн* 'лекция' (lection).

Для одушевленных существительных с эквивалентами жен. рода возможно оформление по второму и третьему типам: *моя ва́йфа — моя вайф* (wife 'жена').

Существительные с русскими эквивалентами pluralia tantum, как правило, оформляются в жаргоне также по модели pluralia tantum: *вотчи́* 'наручные часы' (watch), *джины́* 'джинсы' (jeans), *спектра́* 'очки' (spectacles), *трузера* 'брюки' (trousers), хотя имеется ряд исключений: *воч* 'часы', *джин* 'джинсы', *хэйр* 'волосы' (hair).

Характерной особенностью словоизменения в жаргоне является тенденция к ударению на флексии: *герла́* 'девушка' — *герлы́* (G. Sg.), *герле́* (D. Sg.); *стрит* 'улица' — *на стриту́* (L. Sg.); *флэт* 'квартира' — *на флэту́* (L. Sg.); *хип* 'хиппи' — *хипа́* (G. Sg.), *хипу́* (D. Sg.); особенно во мн. числе: *гай* 'парень' — *гаёв* (G. Pl.), *диск* 'грампластинка' — *диски́* (N. Pl.), *зи́ппер* 'застежка «молния»' — *зиппера́* (N. Pl.), *по́кет* 'карман' — *в покета́х* (L. Pl.), *сайд* 'сторона' — *по сайда́м* (D. Pl.).

Среди прилагательных в жаргоне в плане грамматического оформления выделяются две группы: первая, большая группа — прилагательные с ударным суффиксом *-ов-*: *вайто́вый* 'белый', *лэфто́вый* 'левый', *файно́вый* 'хороший', *хито́вый* 'популярный'; вторая группа — несклоняемые прилагательные: *брэйнд-нью́* 'новый', *со́вьет* 'советский', *хайла́йт* 'хороший, заслуживающий одобрения', *хэ́ппи* 'счастливый'; эти последние пять прилагательных либо встречаются лишь в устойчивых словосочетаниях (*со́вьет ка́нтри* 'СССР', *хэ́ппи бёрздэй* 'с днем рожденья'), либо употребляются только в предикативной функции (*Вот это хайлайт!*).

Англоязычные глаголы в жаргоне приобретают чаще всего суф. *-а(-ть)*: ударный — *дринка́ть* 'пить', *кама́ть* 'идти', *кисса́ться* 'целоваться', *лука́ть* 'смотреть', или безударный — *во́ркать* 'работать', *ла́йкать* 'любить', *спи́кать* 'говорить', а также некоторые другие суффиксы: *-ну(-ть)* — *искéйпнуть* 'уйти', *-ану(-ть)* — *ринганýть* 'позвонить по телефону'.

Таким образом, в отношении грамматического оформления англоязычных жаргонизмов можно отметить следующие закономерности: с одной стороны, преимущественное употребление какого-либо одного формообразующего аффикса (для существительных — нулевого окончания, для прилагательных — суф. *-ов-*, для глаголов — суф. *-а(-ть)*) и тенденция к единообразию словоизменения в пре-

делах одной части речи; с другой стороны, наличие вариативности в грамматическом оформлении: *ботл — ботлá* 'бутылка', *лэйбл — лэ́йбла* 'этикетка', *дринкáть — дри́нкать* 'пить' и т. п. — при полном тождестве значений. Нам кажется это одним из проявлений специфики жаргона как социальной разновидности речи в противоположность литературному языку: богатство словоизменительных средств с четко установленной их дифференциацией — общепризнанная особенность литературного языка, грамматическая вариативность же рассматривается в нем как нежелательное явление.

Словообразовательная активность заимствований относительно невелика. Можно отметить ряд отноминальных прилагательных с суф. *-ов-*: *герлá* 'девушка' — *герлóвый* 'женский', *кáнтри* 'деревенщина' — *кантрóвый* 'несовременный, немодный', *рум* 'комната' — *однорумбвый* 'однокомнатный', *стрит* 'улица' — *стритбвый* 'уличный', с другими суффиксами: *хэйр* 'волосы' — *хайрáтый* 'с длинными волосами'; собирательные существительные: *хип — хипня́*, *шузы́ — шузня́*, а также несколько нерегулярных образований: *блэк* 'негр' — *блэкбвка* 'негритянка', *флэт* 'квартира' — *флэтёр* 'хозяин квартиры'. По-видимому, подобное нетипичное для жаргонов отсутствие богатой системы словообразования объясняется тем, что в противовес тому, как во всех ранее существовавших жаргонах одним из основных средств образования слов являлось использование словообразовательных элементов родного языка, в данном случае таким средством стало обращение к иноязычному лексическому материалу и традиционный словообразовательный способ потерял свое исключительное значение.

Выше была сделана попытка выявления в общих чертах фонетических и грамматических особенностей процесса заимствования английских слов в русский молодежный жаргон. Обратимся теперь к внутренней, содержательной стороне англоязычных жаргонизмов. Важность анализа этого аспекта определяется следующим. В природе жаргона наиболее резко проявляется социальность, присущая в той или иной степени любому средству человеческого общения. В основе многих процессов, происходящих в области жаргонизированной речи, лежат явления экстралингвистического порядка. Причина этого, как нам кажется, в том, что жаргон есть прежде всего

совокупность специфических лексических средств, в то время как фонетика и морфология у жаргона не «своя», не оригинальная [9], лексика же — наиболее подверженный влиянию внеязыковых факторов уровень языка. Поэтому именно анализ лексико-семантической стороны жаргона, его предметно-понятийного содержания способен дать ответ на многие вопросы относительно возникновения и функционирования социальной разновидности речи.

Вся англоязычная лексика жаргона может быть разбита на несколько предметно-тематических групп. Одна из самых больших групп — «молодежная вечеринка». Слово *сэ́йшн* обозначает специфический вид молодежного вечера, происходящего, как правило, на частной квартире — на *флэ́ту́*, в отсутствие родителей и взрослых родственников. *Флэ́т* может быть *однорумбовый* 'однокомнатный' или *многорумбовый* 'многокомнатный'. Во *флэ́те* есть *дабл* или *джон* 'туалет' или *дабл-кросс* 'совмещенный санузел'. Молодой хозяин квартиры — устроитель *сэ́йшена — флетёр*. К такому вечеру обычно долго не готовятся, поэтому программу *сэ́йшена* нельзя назвать сложной: на *сэ́йшенах* пьют вино, курят, танцуют. Таким образом, эта группа как бы вбирает в себя слова двух других групп — «выпивка, курение» и «музыка». Понятия 'пить, выпивать', 'быть пьяным' имеют много однокоренных обозначений: *дринка́ть*, *дри́нчить* 'пить', *надринка́ться* 'напиться', *задри́нчить* 'запить, начать пьянствовать', *дринкбванный*, *надринкбванный*, *надри́нченный*, *дринкану́тый* 'пьяный, выпивший'. То, что пьют, обозначается *вайн* 'вино, водка', вообще 'любые алкогольные напитки', *дринк* 'выпивка, спиртное, алкогольные напитки'. Слово *батл* (*батла́*, *ббтла*) 'бутылка' применяется, как правило, только к бутылкам со спиртным. Такую же пару, как *дринка́ть — дринк*, составляют *смочи́ть* 'курить' и *смок* 'курево, сигареты, папиросы'. В жаргоне есть названия и для отдельных марок сигарет: *засмочи́л лорда́* 'закурил сигареты «Lord»'.

Тематическая группа «музыка» включает следующие слова: *мю́зик* 'музыка', *груп* 'вокально-инструментальный ансамбль', *дра́мер*, *дра́мщик* 'ударник в вокально-инструментальном ансамбле', *диск*, *ре́корд* 'грампластинка', *тэ́йпер* 'магнитофон' и некоторые другие. Почти все эти

---

[9] *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города. — В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.

слова употребляются только применительно к джазовой музыке.

Большое место в жаргоне занимают названия одежды, обуви, относящиеся к так называемому «джинсовому» стилю одежды, очень модному среди молодежи в последнее время: *ба́тник* 'молодежная рубашка особого покроя', *бла́йзер* 'легкая куртка (обычно яркой расцветки)', *джины́* 'джинсы', *трузера́* 'брюки, джинсы' и т. п. Джинсы могут получать свое название от названия иностранной фирмы, их выпускающей: *вранглёр* 'джинсы «Wrangler»', *луисы́* 'джинсы «Louis»', *супера́* 'джинсы «Super rifle»', *левиса́* 'джинсы «Levis»' и т. д. И джинсы, и модные рубашки, и куртки имеют пуговицы (*ба́ттон*) и этикетки (*лэйбл*) с надписью изготовляющей фирмы, карманы (*по́кет*), застежки «молнии» (*зи́ппер*). Очень распространено среди молодежи слово *шузы́* 'ботинки', реже 'женские туфли'. К этой же тематической группе можно отнести также слова, обозначающие личные вещи: *воч* (*вотчи́*) 'наручные часы', *кейс* 'портфель', обычно так называемый «дипломат», *спектра́* 'очки'.

Значительное место среди англицизмов занимают названия денег, денежных отношений: *голд* 'золото', *грины́* 'доллары', *мани* 'деньги', *прайз* 'цена'. Названия бумажных купюр разного достоинства образованы по одной модели: *ван* 'один рубль', *файв* 'пять рублей', *тэн* 'десять рублей', *твенти файв* 'двадцать пять рублей'.

Тематическая группа «улица» включает прежде всего названия улиц Москвы: *авеню́* или *бродве́й* 'проспект Калинина', *стрит* 'улица Горького', а также просто 'улица'. По-видимому, именно эти улицы получили свое название потому, что Калининский проспект и улица Горького — любимые места прогулок московской молодежи, на этих улицах много магазинов, кафе, ресторанов. В этой же тематической группе — названия видов городского транспорта: *автоба́с*, *бас* 'автобус', *кар* 'такси'.

Довольно большое место в жаргоне занимают названия людей с дифференциацией: 1) по полу или возрасту: *бой*, *гай* 'парень, юноша', *мэн* 'парень, мужчина', *герла́* 'девушка'; 2) по родственным отношениям: *олды́*, *пэ́рэнты* 'родители', *ма́зер* 'мать', *фа́зер* 'отец'; 3) по профессии: *дра́йвер*, *чиф* 'шофер такси', *дра́мер*, *дра́мщик* 'ударник вокально-инструментального ансамбля'; 4) по национальной и расовой принадлежности: *блэк*, *ни́гер* 'негр', *джапаны́* 'японцы', 'туристы из Японии', *джорджи́* 'грузины'.

Интересной особенностью некоторых жаргонизмов — названий людей является их ярко выраженный оценочный характер. Слово *кент*, например, по объяснениям информантов, обозначает мужчину лет 25—30, который хорошо одет, уверенно ведет себя и, не принадлежа к кругу носителей жаргона, вызывает своим положением в обществе, манерой поведения и т. п. уважение молодежи. Слово *хип* обозначает модно одетого молодого человека из «своих» и заключает в себе сильную положительную оценку; не случайно прилагательное *хипóвый*, производное от *хип*, является не столько относительным ('такой, как у *хипа*'), сколько качественным ('очень хороший'): *хипóвая герлá*, *хипóвые джинсы*, ср. наречие *хипóво*. В противоположность этим словам *кáнтри*, *кантрá* — названия для враждебно настроенных против молодежи людей, не понимающих их увлечений, а также для юношей и девушек, стремящихся быть принятыми в круг «своих», частью перенявших манеры поведения, стиль одежды, даже жаргон, но не избавившихся от каких-либо привычек, слов, взглядов, неприемлемых для настоящего «хипа».

Таким образом, основную часть лексики жаргона составляют слова, обозначающие различные предметы быта, явления, стороны жизни молодежи, связанные со свободным времяпрепровождением, с досугом, с развлечениями. Жаргонизмов, отражающих учебный процесс, производственную деятельность молодых людей, очень немного: *ворк* 'работа', *вóркать* 'работать', *лэкшн* 'лекция', *сáйэнс* 'наука'. Практически они не влияют на предметно-понятийную структуру жаргона. Предметы, явления, действия, связанные с учебно-производственными процессами, обычно обозначаются в жаргоне молодежи не заимствованиями, а словами, созданными с помощью средств родного языка [10]. Таким образом, производственное ядро, выделяемое в молодежных жаргонах [11], в описываемой нами англоязычной части жаргона отсутствует. Мы попытаемся показать в общем виде схему воздействия внеязы-

---

[10] Обычно с помощью различного рода усечений и аббревиаций: *абитýр* 'абитуриент', *акадéм*, *акадéмка* 'академический отпуск', *мэсэсэ* 'механика сплошных сред' (учебный предмет), *теорполя́* 'теория поля' (учебный предмет), *дúссер* 'диссертация', *ландáфшиц* 'учебник по физике Ландау и Лифшица'; с помощью аффиксального способа (наряду со стяжением): *антúчка* 'античная литература', *линéйка* 'линейная алгебра' и т. д.

[11] *Скворцов Л. И.* Об оценках языка молодежи.

ковых факторов на функционирование молодежного жаргона, а также их роль в возникновении и развитии процесса использования англицизмов в речи молодежи.

Основной характеристикой жаргона является его корпоративность, т. е. тот факт, что жаргон как лексико-семантическая система служит средством общения членов определенной социальной группы. Наличие какого-либо отличительного признака социального характера, с одной стороны, объединяет членов этой группы, с другой — выделяет их из всего общества в целом. Чем большее значение придают члены группы этому признаку, тем сильнее их сплоченность (внутригрупповой конформизм) и их противопоставленность другим людям (внегрупповой нонконформизм). Одним из внешних проявлений внутригруппового конформизма и внегруппового нонконформизма является жаргон как средство общения корпорации. В данном случае жаргон — средство объединения молодых людей и противопоставления их представителям других групп и других поколений.

Разумеется, нонконформизм по отношению ко всему обществу не носит у большинства молодых людей антисоциального характера, а скорее вызывается возрастными психологическими явлениями у молодых: юношеским максимализмом, субъективизмом в оценках окружающего мира и самих себя, высокой степенью эмоциональности и т. д. «Не быть, как они» и «быть, как мы» — это стремление молодежи выражается не только в оригинальном стиле одежды, прическах, манере поведения, но и в языковом поведении. То, что двадцатилетние каждой новой эпохи не хотят походить на двадцатилетних предыдущего периода, является одной из причин необыкновенно быстрой смены лексики жаргона. Однако основным фактором, обусловливающим это явление, следует, по-видимому, считать объективный процесс смены поколений, появление нового в жизни людей и постепенное исчезновение старого, вообще поступательное движение общественной жизни. С появлением нового в материальной сфере меняются и интересы, потребности людей, их взгляды, вкусы, привычки. Наиболее восприимчива ко всему новому и подвержена различным веяниям моды молодежь. Вечно меняющийся жаргон молодежи — одно из подтверждений этому. Хотя молодежный жаргон как язык молодежи возник много десятков лет назад, жаргона молодежи как

устойчивой лексической системы не существует. Каждое новое поколение употребляет новые слова, создает новые средства выражения, и тридцатилетние уже не всегда могут понять (и принять) жаргон тех, кому сейчас двадцать.

Откуда же взялись у молодых людей такие словечки, как *дринка́ть*, *шузы́*, *герла́?* Ведь в речи ни одного из предшествующих поколений молодежи не употреблялась иноязычная лексика в таком количестве и в таких функциях. Процесс возникновения жаргона с использованием англоязычной лексики нам представляется примерно следующим.

Первые англоязычные жаргонизмы появились, по-видимому, в Москве на рубеже 60—70-х годов. Поначалу, как нам кажется, жаргон с использованием англо-американизмов бытовал среди очень ограниченного круга носителей. Это был жаргон в полном смысле слова, а именно язык довольно замкнутых групп молодежи. Каковы же источники проникновения англицизмов в речь этих молодых людей?

Прежде всего, по нашему мнению, следует назвать столь популярную среди молодежи западную джазовую музыку. Надо сказать, что 60-е годы в музыкальной жизни многих стран отмечены необычайно широким распространением стиля «рок», центром и источником зарождения которого была Великобритания. Исполнительская манера «биттлов» завоевала весь мир. В разных уголках планеты появлялись ансамбли, им подражающие, а также довольно оригинальные группы, работающие в стиле «рок». Песни исполнялись преимущественно на английском языке. Советская молодежь могла познакомиться с этой новой музыкальной модой через средства массовой информации (музыка передавалась западноевропейскими радиостанциями) в первую очередь, а также благодаря привезенным из-за границы грампластинкам и магнитофонным пленкам. Исполняемые песенки часто имели несложное содержание и могли легко быть поняты изучающим английский язык. Таким образом, песни на английском языке прослушивались много раз, вместе с мелодией запоминались и содержание и слова. Существование этого источника нам подтверждает такой пример: в одной из популярных песенок в качестве припева повторялись слова: Happy birthday to you, откуда и пришло *хэппи бёрсдэй*; или из известной рок-оперы «Jesus Christ» пришло

выражение *маздáй* 'бей его' (← must die), которое, будучи в жаргоне переосмыслено как повелительное наклонение, превратилось в глагол *маздáть* 'бить, избивать'.

Другой возможный источник — иностранные товары, снабженные, как это принято за границей, броскими наклейками с названиями фирм. Заграничные вещи: одежда, сигареты, жевательная резинка — также составляют предмет увлечения описываемой части молодежи. В доказательство можно сослаться на большое число названий видов одежды в жаргоне. Отметим при этом, что мода на «фирменные» вещи (джинсы, куртки), пришедшая из-за границы, и мода на англицизмы — явления взаимосвязанные. Ведь по сути дела каждый жаргон, а в особенности жаргон молодежи, — это своего рода мода на новые слова, пришедшая на смену старой, прежней моде, и здесь также немаловажную роль играет фактор подражания; модные одежда и прическа, модные словечки — вот идеал для некоторых молодых людей, а «модный» — значит принятый в данном кругу. Таким образом, определенная идеологическая направленность части нашей молодежи, ее тенденция к увлечению буржуазным, западным образом жизни способствовала возникновению жаргона с использованием англицизмов.

Однако все сказанное выше относится к тому первоначальному периоду существования жаргона, когда он функционировал в устной речи лишь небольшого круга носителей. Эти молодые люди пытались противопоставить себя не только представителям старших поколений, но и той молодежи, которая, по их представлению, стоит по своему социальному положению или внутренним качествам ниже их самих — ниже «элиты». Но подобная замкнутость группировки в данном случае надолго не сохранилась. В отличие, например, от жаргона «стиляг» 50-х годов описываемый жаргон начал распространяться среди широких слоев молодежи. Что этому способствовало? В качестве внутренней причины можно назвать объективную необходимость новых средств выражения. При открытии нового способа образования слов появилась возможность не только использовать аффиксы, как это было раньше, но и брать корни для создания жаргонизмов почти в неограниченном количестве. Объективным фактором, облегчающим взаимопонимание для носителей жаргона, являлось массовое владение студентами, среди которых жаргон распространялся в первую очередь,

английским языком. Однако для студенческой молодежи в целом характерно не подражание Западу, а скорее стремление походить на «элиту» — на начальном этапе распространения жаргона, а впоследствии внутригрупповой конформизм, желание быть похожими на всех своих сверстников. В то же время источник новых жаргонизмов — английский язык — прекрасно осознавался носителями жаргона; молодежь как бы «играла» в английских или американских хиппи, имитируя их своим внешним обликом и манерами поведения.

Намеренная «англизация» молодежью своей речи проявляется, к примеру, в создании так называемых псевдоанглицизмов — слов, не являющихся истинными заимствованиями из английского языка, а образованных носителями жаргона по модели заимствований. Так, слово *чиф* 'шофер такси' — это русское жаргонное *шеф*, переделанное на английский лад, *груп* 'вокально-инструментальный ансамбль' — от русского разговорного *группа* (с тем же значением), *лэкшн* 'лекция' образовано по аналогии с *сэйшн*. Словосочетание *магнит бэнд* произошло от немецкого Magnetband, но было впоследствии англизировано. Более того, некоторые исконно русские жаргонизмы начали возводиться носителями жаргона к английским словам; например, *клёвый* 'хороший', по мнению многих информантов, восходит к английскому clever, *кана́ть* 'идти, уходить' — к английскому come (через *камать*), слову *ма́за* 'дело, необходимость, выгода' приписывается происхождение от слов must, mother, measure.

Увлечение молодежи новыми, англоязычными жаргонизмами росло. Процесс распространения англицизмов шел по двум направлениям: территориальному и социальному. К настоящему времени среди носителей жаргона с использованием англоязычной лексики находятся не только студенты, но и учащиеся старших классов, техникумов, рабочая молодежь, молодые служащие, и не только москвичи, но и жители других городов нашей страны.

Расширение социальной базы носителей жаргона повлекло за собой изменение его функционального статуса. Если на ранних этапах его развития можно было говорить об англоязычном жаргоне определенной части молодежи, то впоследствии этот термин становится совершенно неприменимым. Молодежный жаргон в настоящее время представляет собой сложную систему, одной из составных ча-

стей которой являются англицизмы. Обычная речь студента, например, в кругу товарищей-сверстников не выступает в виде концентрированной смеси англоязычных слов и выражений; практически почти всегда носители жаргона употребляют одно-два англоязычных заимствования среди нескольких русских слов. Гораздо чаще в их речи встречаются разговорно-просторечные и исконные жаргонные слова. На их фоне англицизм выглядит оригинальным словечком, а окружающие его русские жаргонизмы в свою очередь отчасти теряют свою экспрессивно-стилистическую окраску, «бледнеют», поэтому у «непосвященных» создается иллюзия, будто речь молодежи целиком состоит из каких-то «чужих», нерусских слов. Кроме того, как правило, в активном употреблении отдельного носителя жаргона — не больше двух десятков англицизмов, остальные же он знает, но употребляет крайне редко.

Таким образом, мы должны различать англоязычный жаргон как средство общения замкнутой группы носителей и жаргонизированную речь широких слоев молодежи с использованием англицизмов. Как представляется, жаргон замкнутой группы в большей степени зависит от идейно-политической ориентации его носителей, чем жаргонизированная речь. В первом случае — это свидетельство бездуховности жизни, низменности интересов и потребностей носителей жаргона, свидетельство определенной «деидеологизации» личности. О чем человек говорит, о том он, следовательно, и думает; развлечения, выпивка, модные вещи, деньги — вот тематическая структура жаргона, отражающая внутренний мир его носителей. Поэтому корни возникновения жаргона следует искать не в языковых навыках носителей жаргона, а в их образе жизни. С другой стороны, употребление англицизмов в речи большинства молодых людей — результат их стремления к новизне форм выражения, результат отражения в языке эмоциональности мировосприятия молодого человека, его естественного желания быть и оригинальным и одновременно похожим на своих товарищей. По-видимому, в данном случае употребление англицизмов не свидетельствует непременно о бедности духовной жизни молодежи.

Тем не менее частое употребление англицизмов в речи студента все же является доказательством определенного смещения социально-нравственных оценок у этого человека. Распределение большинства наиболее распростра-

ненных заимствований по тематическим группам ясно показывает, что употребление англоязычного жаргонизма в значительной степени зависит от темы разговора, а частое использование англицизмов — свидетельство частого обращения носителя жаргона к определенным темам разговора, что в свою очередь, как было показано выше, связано с формированием определенных интересов у молодых людей. Поиск молодежью своего идеала в чуждой советскому образу жизни сфере, увлечение зарубежной джазовой музыкой, мода на импортные вещи — все это не может не настораживать.

Связь между образом жизни, с одной стороны, и жаргоном — с другой, хорошо показана в некоторых наших художественных произведениях последних лет. В них, как правило, англоязычные жаргонизмы вкладываются в уста отрицательных персонажей, спекулянтов, фарцовщиков или являются частью характеристики подобных людей при авторском описании, например: Краем уха форейтор прогресса слышал, что во всяком городе имеется заветное место — скверик ли у комиссионного магазина, общественная уборная ли, — где продувные ребятки, именующиеся фарцовщиками, достают из рукавов своих блейзеров «джапанские» солнцезащитные очки, «стейтсовые» жвачки, «бундесовые» магнитофоны и, конечно же, многоликую джинсовую конфекцию (Дм. Трифонов, Вл. Иванов, Кум Королю. — Лит. газета, 1978, 24 мая). Прекрасная устная характеристика девушки, спекулянтки джинсами, дана в рассказе О. Михайлова «Маленькая Наташа»: Выделялся резкий, с хрипотцой и почти детский голосок: «Клёвые блуёвые трузера с двумя кокетами на боксайде»; «Гляди, какой зип ломовой!» — Блондинка несколько раз раскрыла и закрыла нарочито грубую металлическую «молнию»; На углу Кузнецкого Моста к ним подошел парень в джинсовом костюме, с негритянски худой фигурой и большим, похожим на Южную Америку, родимым пятном на левой щеке. «Мой мэн», — представила его блондинка (Огонек, 1978, № 52). Этим также подтверждается резко отрицательное отношение общества к заимствованным жаргонизмам. В глазах многих эти слова не только портят русский язык, но и являются недопустимым искажением английского языка, что небезразлично, например, для филологов, лингвистов, переводчиков. Однако из сказанного выше ясно, что борьба с подобными жаргонизмами должна вестись не столько в области лингвистиче-

ской, сколько в идейно-воспитательной. Задача культуры речи в этом плане — воспитать у молодежи любовь к родному языку, стремление беречь его чистоту, умение правильно выражать свои мысли на родном языке, не прибегая к ненужным заимствованиям. Поскольку, как уже было сказано, мы считаем появление англоязычных заимствований в жаргоне молодежи связанным с проникновением англицизмов в другие функциональные сферы русского языка, работа в этой области должна проводиться сразу в нескольких направлениях: борьба за очистку русского языка должна охватить все его стили и сферы употребления.

Необходимость избавления речи молодежи от англоязычных жаргонизмов подтверждается также тем фактом, что проникновение жаргонизмов в литературную норму, происходившее не раз в истории развития языка [12], в данном случае не имеет места. Лишь два жаргонизма — *диск* и *батник* — употребляются в общей речи, да и то факт их перехода именно из молодежной речи сомнителен; возможно, что эти слова начали употребляться примерно в одно и то же время в разных сферах функционирования русского языка, большинство же других англицизмов, по-видимому, никогда не перейдет даже в просторечие или разговорную речь.

ВАРИАНТЫ «БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ» («ЭКЗОТИЧЕСКОЙ») ЛЕКСИКИ

Н. Г. Михайловская

Современный этап развития русского языка на уровне лексики характеризуется активным проникновением слов из языков народов СССР. Г. П. Ижакевич отмечает: «Обогащая другие национальные языки народов Советского Союза лексикой и фразеологией, отражающей новые общественно-политические и экономические отношения, социалистическую идеологию и быт, являясь главным источником создания общего лексического фонда

[12] *Скворцов Л. И.* Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии.

языков народов СССР, русский язык в то же время активно воспринимает и включает в свой состав лексические элементы из других языков народов СССР»[1].

По отношению к лексике русского языка слова из национальных языков народов, населяющих Советский Союз, обычно определяются в лингвистической литературе как «безэквивалентные»[2] или «экзотические»[3]. Значительную роль в данном процессе играют художественные произведения писателей различных регионов.

Как известно, национальные литературы по характеру своего развития имеют существенные различия. Если с литературами Кавказа, Прибалтики, отчасти Средней Азии, не говоря уже о литературах украинской и белорусской, был знаком читатель дореволюционной России, то становление и развитие литератур младописьменных народов относится целиком к советской эпохе. За короткое время произведения, посвященные жизни малых народностей, стали известны широкому кругу читателей Советского Союза и за рубежом: «Имена писателей новорожденных литератур, возникших в последние десятилетия, сегодня известны за пределами нашей страны. Это чукотский художник Юрий Рытхэу, нанаец Григорий Ходжер, писатель манси Юван Шесталов, зачинатель литературы нивхов Владимир Санги, первый удэгейский писатель Джанси Кимонко. Самобытные их произведения открывают человечеству еще неизвестные миры народов Севера и Дальнего Востока»[4].

Знаменательно, что четверо из названных авторов — Ю. Рытхэу, Г. Ходжер, Ю. Шесталов, В. Санги — относятся к писателям-билингвам. Их произведения написаны на русском языке (или переведены самими авторами

---

[1] *Ижакевич Г. И.* Роль языков народов СССР в обогащении лексических средств русского языка. — В кн.: Русский язык — язык межнационального общения и единения народов СССР. Киев, 1976, с. 65—66.

[2] Там же, с. 78; см. также: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1973, с. 53.

[3] *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка, т. 1. Киев, 1952, с. 52 (отметим, что здесь Л. А. Булаховский пользуется также описательным термином «бытовая лексика, относящаяся к другим странам и народам»). *Супрун А. Е.* «Экзотическая» лексика. — НДВШ, Филолог. науки, 1958, № 2;. *Калинин А. В.* Лексика русского языка. М., 1971, с. 71; *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 44.

[4] *Воробьева Н., Хитарова С.* На новых рубежах. М., 1974, с. 5.

на русский язык). Художественное творчество северных и дальневосточных писателей на русском языке в значительной степени связано с положением русского языка как литературного для малых народностей Севера [5]. Описание национального быта, национальной психологии персонажей, национальной трудовой деятельности дается средствами русского языка с привлечением лексических единиц родной речи. Лексемы национального языка [6] вступают во взаимодействие с «словесным окружением» языка русского, создавая порой удивительные и своеобразные контекстуальные сплавы и способствуя возникновению той полифонии, в которой звучат голоса автора, рассказчика, персонажа.

В настоящей статье, материалом для которой послужили произведения Ю. Рытхэу, Ю. Шесталова, В. Санги, ставится задача проследить наиболее регулярное употребление национальной лексики, приемы ее объяснения в художественном тексте и в подстрочных ссылках, а также те средства, которыми она вводится. Для анализа привлекаются не все слова национальных языков, зафиксированные в произведениях названных авторов, а лишь те, которые являются наиболее частотными для данного писателя, а также такие, при которых обнаруживается известное разнообразие использованных русских параллелей. Исключены ономастические и топонимические наименования, так как их анализ намного увеличил бы объем статьи.

При использовании лексики национального языка писатель — вольно или невольно — выступает в роли лексикографа: двуязычный параллелизм требует такого толкования или описания, которое бы точно передавало и семантику национального слова, его эмоциональный оттенок, и объем понятия, им обозначаемого. Это особенно наглядно выступает при употреблении слов, обозначающих реалии быта и трудовой деятельности. В тексте художественного произведения отмечаются два типа позиционного соотношения национального и русского слова — постпозиция и препозиция. В том случае, когда национальная лексема предшествует русской параллели, лекси-

---

[5] См.: *Исаев М. И.* Решение национально-языковых проблем в советскую эпоху. — ВЯ, 1977, № 6, с. 8.

[6] Для удобства изложения понятие «национальный» применяется только по отношению к нерусским народностям и языкам на территории Советского Союза.

кографическая специфика имеет наиболее непосредственное проявление. Здесь устанавливается определенная модель: как правило, национальная лексема и русская параллель разделяются тире, например: Отец же возводил новые *хасы* — каркасные вешала для юколы (В. Санги, Женитьба Кевонгов); Ыкилаку издали даже показалось, что это не человечьи жилища, а *кон-даф* — жилье для собак (Там же); Хозяин избушки подцепил дымящееся мясо *чефром* — длинной заостренной щепкой, похожей на вертел (Он же, Ложный гон); А дедушка делает *гимги* — снасти рыболовные из прутьев и кореньев (Ю. Шесталов, Югорская колыбель); А я уже одеваюсь. Натягиваю на ноги *нюки-вай* — легкие замшевые сапожки с красным орнаментом, изображающим узор лягушачьей лапы (Там же).

Когда В. Санги обращается к понятиям, связанным с культурой пивхов и использует при этом лексему родного языка, русская параллель также имеет постпозицию по отношению к национальному слову, например: Броня перебрался в южные стойбища, которые славились сказителями, забрал ученика с собой, чтобы переводил тексты *тылгуров* — преданий и легенд (Женитьба Кевонгов). Аналогичный прием встречается в составе образной конструкции, ср.: Двадцать лет назад ительменка бабка Катерина Арефьева, встретив у порога своей избы плотного молодого человека, чьи сильные руки словно просили *чаут* — ременный аркан, вскрикнула — перед ней стоял возмужавший Гриша Поротов (Дарящий песни).

Национальная лексика часто употребляется при назывании животных, птиц, насекомых, что особенно свойственно языку Ю. Шесталова. По-видимому, это связано с общим активным обращением писателя к миру родной природы, с одушевлением этого мира [7], например: Эту песню услыхала *сёрхи-хорхи* — стрекоза (Югорская колыбель). Иногда Шесталов не только приводит русское наименование обозначаемого, но и дает дословный перевод мансийского слова на русский язык. Таким образом, в тексте обозначаемое как бы проходит две или три ступени: национальная лексема — ее калька на русском языке — русский эквивалент, например: Ведь на берегу

[7] На эту особенность творчества Ю. Шесталова указывает Г. Ломидзе в книге «Ленинизм и судьбы национальных литератур» (М., 1972, с. 270).

лесного озера. . . живет *порипан-эква* — прыгающая бабушка, болотистая бабушка — лягушка (Югорская колыбель); . . . он и не заметил опасности: под зеленым листом сидела зеленая *порипан-эква* — бабушка-лягушка. . . А та *порипан-эква* — прыгающая лягушка, болотистая бабушка-лягушка — до сих пор живет на берегу лесного озера (Там же). Как показывают приведенные примеры, при неизменности параллели *порипан-эква* — лягушка вариантность наблюдается на уровне русских сочетаний при калькировании: прыгающая бабушка, болотистая бабушка — бабушка-лягушка — прыгающая лягушка, болотистая бабушка-лягушка. В некоторых случаях толкование осуществляется непосредственно переводом мансийского слова на русский язык с указанием его генезиса, его значения на мансийском языке, ср.: — Отгадал ты, внучек, росомаха это. По-мансийски — *тулмах*. Это значит хитрый, злой вор (Югорская колыбель); *Ленгын*. . . По-мансийски это белка (Там же). К лексеме *ленгын* в «Югорской колыбели» приводится следующее пояснение: *Ленгын* — белка из мансийского эпоса «Янгал-маа».

В ряде контекстов слово национального языка связывается с мансийскими фольклорными образами, но в сопоставлении с русским эквивалентом наполняется новым содержанием, новым смыслом. Данный параллелизм выполняет определенную образно-идеологическую функцию, например:

Лули эту птицу зовут
по-мансийски,
По-русски гагарой ее называют.
Выше шайтанов летает в небе
Гагарин!
Хорошо, что он носит имя
священной птицы *лули*!
Хорошо!

(*Югорская колыбель*)

Использование приема двуязычного параллелизма так или иначе бывает связано с индивидуальной манерой и стилем писателя. У Ю. Рытхэу употребление национальной лексики и русского эквивалента в значительной степени зависит от распределения «национальный персонаж» — «русский персонаж», например: — *Умка!* — крикнул Каляч. Драбкин выпростал из-под себя ружье. *Медведь* шел не спеша, презрительно, как показалось Драб-

кину, оборачиваясь на приближающуюся упряжку (Белые снега).

Реже применяется постпозиционное использование национального слова по отношению к русской лексеме. Слово из национального языка является своего рода уточнением к русскому слову или словосочетанию, например: После спортивной части началось обильное угощение холодными закусками — *мосом*, строганиной (В. Санги, Путешествие в стойбище Лунво); . . . говорит напевно Солвал, отвертывая ключом замасленную гайку мотора длинной лодки — *саранхана* (Ю. Шесталов, Югорская колыбель); Когда. . . вода, разлившаяся в заливных лугах — *сорах* — пойдет на убыль, к песчаному берегу подойдут первые косяки селедки (Там же).

Следует отметить, что при втором типе параллелизма тире не применяется столь регулярно, как при первом типе. Вот как употребляется, например, тот же *саранхан* у Ю. Шесталова в «Югорской колыбели»: — А что в воде? — спросил я у отца, сидевшего на корме лодки-*саранхана*; И правда: лодка плывет. Большая лодка: *саранхан*; Однажды по Оби ехали манси на большой лодке *саранхан*. В последнем примере рассматриваемое слово употребляется как несклоняемое, хотя во всех других случаях Шесталов использует его как склоняемое. Параллельные русские сочетания к *саранхан* обнаруживают вариантность определений: большая лодка — длинная лодка (это наблюдалось и в параллелях к существительному *порипан-эква*).

Иногда писатель наряду с использованием русского слова обращается к этимологии национальной лексемы, ср.: Лица их прячут берестяные маски — *саспел*. *Сас* по-мансийски — береста, *пел* — нос. У *саспел* нос длинный-длинный (Ю. Шесталов, Югорская колыбель).

Относительно частотные слова национального языка в художественном произведении могут иметь вариантные русские параллели, вводимые различными приемами. Так, в романе Ю. Рытхэу «Конец вечной мерзлоты» одна и та же лексема чукотского языка используется в одном случае в препозиции по отношению к русскому сочетанию, а в другом случае — в постпозиции; вариантность обнаруживается и в составе русских параллелей, ср.: Он даже подарил Свенсону десяток оленьих ног со сладким костным мозгом, мешок нежнейших языков и связку *прэрэма* — оленьей колбасы, редкого тундрового лаком-

ства; Гувана проворно вскочила, метнула на маленький тундровый столик деревянное блюдо-корытце, наполненное нежными оленьими ребрышками, тающими во рту, колбасой — *прэрэм*, сваренной в крепком бульоне. В первом случае национальная лексема определяется как «оленья колбаса» с дополнительным дифференциальным оттенком «редкое тундровое лакомство»; во втором примере то же слово толкуется как «колбаса, сваренная в крепком бульоне». Приведенные толкования не исключают одно другое, но само понятие, обозначаемое словом *прэрэм*, получает более полное определение при соединении обоих толкований: «оленья колбаса, сваренная в крепком бульоне, редкое тундровое лакомство».

Другую иллюстрацию вариантного использования русских параллелей в языке Ю. Рытхэу можно отметить при употреблении чукотского *чоттагин*. В уже цитированном романе «Конец вечной мерзлоты» слово *чоттагин* имеет объяснение и в самом тексте произведения, и в подстрочной ссылке, ср.: В холодной части яранги, в *чоттагине*, обитали собаки; Армагирин высунул голову в *чоттагин* (в сноске: *чоттагин* — холодная часть яранги). Аналогичное определение в форме сноски *чоттагин* имеет и в другом романе Рытхэу — «Белые снега». Рассматриваемое существительное является одной из наиболее употребительных лексических единиц чукотского языка в произведениях Рытхэу. Оно фиксируется в романе «Айвангу», например: Вэльвунэ встретила его за порогом. В *чоттагине* было темно, и Айвангу не сразу заметил ее на фоне закопченных моржовых кож. Здесь сноска к *чоттагин* содержит иное толкование, ср.: *чоттагин* — прихожая в яранге. Сходное употребление наличествует также в романе Рытхэу «В долине Маленьких Зайчиков»: Ночь Локэ не спал. Зажегши светильник в *чоттагине*, он перебирал свое богатство, оберегаемое многие годы. При использовании *чоттагин* в последнем приведенном контексте сноска к указанному слову содержит развернутое пояснение энциклопедического характера, которое относится не только к данной лексеме, но и к слову *яранга*, ср.: Чукотская яранга состоит из двух половин: *чоттагина* — подобия сеней, холодной части, и теплого полога — шатра, сшитого из оленьих шкур, служащего, в основном, спальным помещением.

Разное позиционное положение одной и той же национальной лексемы и русской параллели отмечается в языке

В. Санги. При обращении автора к описанию национальных нивхских обрядов он неоднократно прибегает к слову *нау*. Однако лексический состав русской параллели во всех случаях остается неизменным, например: С двух деревьев, стоящих у сруба, белея, свисали свежие *нау* — священные стружки; . . . почетные гости строгали *нау* — священные стружки (Путешествие в стойбище Лупво); Нехан помог поставить у «дома» прунг — священные молодые елки, украшенные священными стружками — *нау* (Ложный гон). Слово *нау* приобретает особый смысловой акцент, когда Санги подробно описывает сам процесс их изготовления. Это детальное описание делает предмет зрительно ощутимым, сообщает ему реальную осязаемость. Интересно, что автор вводит слово *нау* лишь в конце описания: весь предыдущий контекст как бы предваряет закономерность употребления указанного существительного, ср.: Высокое подслеповатое солнце разогнало туман, а Лучка все строгал и строгал черемуху. Острым ножом снимал с дерева тонкие длинные стружки. Они свивались упругими кольцами, образуя пышный венчик. Чтобы венчик не распался, старик связывал стружки лыком. Затем высоко поднимал дерево и встряхивал. Стружки выбрасывали длинные языки, шелестели, вновь свивались кольцами и умолкали. Пока старик выстругивал священные стружки — *нау*, Нехан и Пларгун успели отлить в формочке штук двадцать тяжелых круглых пуль. Закончив строгать *нау*, старик с трудом выпрямился (Там же).

У Ю. Шесталова обозначение реалии, относящейся к национальному искусству манси, осуществляется номинацией на русском языке, включающей сравнение, и существительным родного языка: А в руках у Омельки, охотника из этой же деревни, пел *торыг*, многострунная мансийская арфа, похожая на журавля с гордо вытянутой шеей (В краю Сорни-най). При последующем употреблении автор прибегает к своеобразному переносу наименования данной реалии, при котором номинация производится и национальной лексемой и русским словом — опорным словом сравнения: Многострунный *торыг* — «журавль», не останавливая своего волшебного звона, меняет мелодию и поет о новых людях, которые добывают нефть и газ, строят газопровод и новые города (Там же). В третьем контексте «журавль» используется как единственное обозначение музыкального инструмента, ср.: «*Журавль*»

рассказывал о наших с Омелькой предках — о прадедушках и прабабушках (Там же).

Рассматриваемый параллелизм обозначения не всегда присутствует в тексте произведения. Так, в «Югорской колыбели» Шесталова неоднократно употребляется существительное *санквалтап*, которое в сноске имеет следующее пояснение: «пятиструнный музыкальный инструмент манси, похожий на лодку». Сопоставление толкований *торыг* и *санквалтап* показывает, что в их основе лежит аналогичный прием установления сходства с другим предметом по внешнему признаку. Однако непосредственно в тексте произведения писатель не прибегает к приему двуязычного параллелизма: он последовательно употребляет слово родного языка, очень часто с определением *пятиструнный*, например: Был у него и *пятиструнный санквалтап*; Менкв зашевелился, на нарах покопошился, и в руках у него оказался *пятиструнный санквалтап*. Вместе с тем данное сочетание нельзя квалифицировать как устойчивое, о чем говорят примеры использования слова *санквалтап* вне сочетания с указанным определением, ср.: Старое дерево скрипит. Из него уже не сделаешь звонкий *санквалтап*; *Санквалтап* звенел струнами, будто снег похрустывал. Косвенным свидетельством частотности рассматриваемого слова для индивидуального языка Шесталова является пример, где *санквалтап* входит в состав сравнительной конструкции: Он говорит, как трогает струны *санквалтапа*.

В языке Ю. Шесталова наблюдается вариантность толкований при слове *камус*. В «Югорской колыбели» объяснение этого существительного дается в сноске: Поскрипывают лыжи из блестящего *камуса* (в сноске: *камус* — мех лося, который подшивают к лыжам). В книге «В краю Сорни-най» толкование включено в текст: Самый дорогой материал для северных мастериц — оленьи *камусы*: шкурки с ног оленя. Наряду с этим употреблением в том же произведении *камус* используется в широком значении 'шкурка', контекстуально данное значение конкретизируется определением, ср.: Из *камусов* лосиных лап шьют обувь. В повести «Тайна Сорни-най» толкование слова *камус*, приведенное также в самом тексте, состоит из определительного словосочетания: Лыжи эти были так подбиты *камусом* — лосиной шкурой. Таким образом, пояснения к слову *камус* выражаются следующими лексическими средствами: «мех лося, который подшивают

к лыжам», «шкурки с ног оленя», «лосиная шкура». Синтез данных толкований может привести к энциклопедическому определению рассматриваемого слова: *камус* — шкурки с ног оленя (лося), которые подшивают к лыжам. Наиболее постоянно к лексеме *камус* используется определение «лосиный», например: . . . отец мой на широких лыжах из лосиного *камуса* оставлял широкий след; Пусть поскрипят лыжи из лосиного *камуса* и попоет белый-белый снег (Югорская колыбель). От рассматриваемого существительного образуется относительное прилагательное, которое можно считать вариантом к прилагательному *лосиный*, ср.: Чуть поскрипывающие мансийские лыжи уверенно шли в гору. Вот тут-то и сказалась мудрость *камусных* лыж (Тайна Сорни-най).

Отдельную группу национальной лексики тематически составляют слова, которые обозначают понятия, связанные с национальным фольклором, а также слова, соотносимые с некоторыми социальными понятиями и конкретными действиями, характерными для быта данного народа.

В произведениях Ю. Рытхэу одно и то же слово может употребляться и как необособленное приложение, и как самостоятельный член предложения, например: Тынатваль сидела у погасшего огня и тихонько напевала: «Из дальней ледяной дали приближались черные люди-*тэрыкы* в одежде из черных шкур. И шерстью обросли их лица, и вокруг ртов их запеклась черная кровь. . .» (Конец вечной мерзлоты); Наргинау ведь не виновата в том, что ее мужа унесло на льдине и она стала вдовой. Таких вдов замуж не брали — считалось, что муж может превратиться в оборотня и прийти за своей женой в страшном облике *тэрыкы* (Белые снега). В первом контексте национальная лексема используется в составе прямой речи персонажа, в которой содержится описание внешнего облика «тэрыкы». Во втором контексте то же слово употребляется в составе авторской речи; в сноске указано: *тэрыкы* — оборотень. В то же время существительное *оборотень* содержится и в самом приведенном примере с тождественной лексико-понятийной отнесенностью к *тэрыкы*. Таким образом, здесь можно установить непосредственный параллелизм слов *тэрыкы — оборотень*. В третьем случае то же слово, употребленное в прямой речи, сопровождается сноской без непосредственной параллели с русским эквивалентом, ср.: — Коравье, ты ли

это? — крикнул издали Инэпли. — Я. Никто другой. Можешь пощупать меня. Совершенно живой и даже не *тэрыкы* [в сноске: По поверьям чукчей, человек, заблудившийся в тундре или унесенный в море на льдине, может одичать и превратиться в так называемого *тэрыкы* (В долине Маленьких Зайчиков)]. Следует отметить, что *тэрыкы* в отличие от большинства чукотских слов, вводимых Рытхэу, используется автором как несклоняемое.

Употребление тематически сходного слова нивхского языка отмечено у В. Санги: Это люди? Но разве бывают такие? Да и ростом они больше нормальных. И рыжие, как листья осенней березы. Может, это и есть *палнивгун* — полулюди-полудухи, живущие, как рассказывают старцы, в недоступных человеку горах (Женитьба Кевонгов). У Санги пояснение к слову *палнивгун* дается в тексте, в котором описание неведомых людей как бы проецируется на внешний облик «палнивгун».

Если В. Санги и Ю. Рытхэу прибегают к наименованиям персонажей национальных мифов обычно в связи с мироощущением и образом конкретного действующего лица художественного произведения, то у Ю. Шесталова подобные наименования включаются в фольклорное повествование, которое имеет относительную самостоятельность. Это повествование — от лица автора — характеризуется установкой на разговорный стиль с оттенком непринужденности и неподготовленности, например: А в старину еще верили духам. Духи по-мансийски — *пупыг*. *Пупыг* бывают добрые и злые. . . Торум не вмешивается в жизнь людей. Он управляет миром с помощью своих наместников — легкокрылых *пупыг*. . . Но *пупыг* не всесилен. Каждую весну *пупыг* уходит. Куда уходит? На небо! Пока кто-нибудь из людей не изберет его своим. *Пупыг* — представитель неба на земле. *Пупыг* — посланник людей на небе (Югорская колыбель). Шесталов отталкивается от русского слова, семантического эквивалента к *пупыг* (дух — *пупыг*), но во всем дальнейшем повествовании употребляется только национальная лексема с такими определениями и уточнениями, которых требует — в соответствии с мансийским мифом — представление о данном божестве. Интересно, что у Шесталова *пупыг* является несклоняемым словом, как и *тэрыкы* у Рытхэу или *палнивгун* у Санги.

В связи с описанием национального культового обряда Ю. Шесталов неоднократно использует существительное

камлание и однокоренной глагол *камлать*. В «Югорской колыбели» глагол не имеет пояснения: Много волшебных историй слыхал Солвал о Мирсусэхуме. Почти каждый день Якса рассказывал их, не раз *камлал* при нем. В повести «Тайна Сорни-най» данный глагол сопровождается толкованием в сноске: — Пошамань, пожалуйста! Узнай, почему я стал таким. . . — Раз так просишь. . . ладно уж. *Покамлаю* (в сноске: *камлать* — шаманить, ворожить, священнодействовать). В данном случае один из трех синонимичных глаголов, входящих в определение, выступает как вариант *камлать*: *пошамань — покамлаю*. При существительном пояснение отсутствует: На большом *камлании* решили отправить двух молодых шаманов; *Камлание* у капища Сорни-най прошло удачно (Югорская колыбель). Нередки случаи, когда рассматриваемое существительное и — реже — глагол входят в состав сравнительных оборотов, причем ситуация описываемого не является тождественной ситуации использования *камлание — камлать* при изображении обрядовых действий, например в «Югорской колыбели»: Там было много народу, как на большом *камлании*; Глаза их горели, как у шаманов во время *камлания*; Люди говорили, говорили, говорили, как на великом *камлании*; Воцарилась тишина. Напряженная тишина, как перед большим *камланием*; — Побойтесь, люди, неба, опомнитесь!. . — закончил свою речь Якса, как будто *камлал*, а не рассказывал сказку.

Существительное *камлание* в своем денотативном значении зафиксировано также в языке Ю. Рытхэу. В контексте ему соответствует параллель, выраженная сочетанием. Как и во многих других случаях, употребление здесь двойной номинации определяется, с одной стороны, ви́дением автора, а с другой — ви́дением персонажа, ср.: *Камлание* шло в пологе, за опущенным меховым занавесом. Каширину и раньше приходилось видеть *шаманское действо* (Конец вечной мерзлоты); — Что случилось? — спросил Сорокин. — Маленькое *камлание*, — пояснил Тэгрын. Млеткын совершал напутственное жертвоприношение (Белые снега).

Особую смысловую и содержательную значимость в художественном произведении приобретают единицы национальной лексики, которые в тексте сопровождаются развернутыми толкованиями. Посредством такого объяснения автор знакомит читателя не только с деталями национального быта и культуры, но и с особенностями

социального устройства. У Ю. Рытхэу одной из единиц социальной лексики является существительное *эрмэчин* (*эрым*), в одном случае объясняемое в сноске, а в другом — развернутым описанием понятия в тексте, ср.: Леут. . . откровенно насмехался над облаченным в мундир с кортиком *эрмэчином* (Конец вечной мерзлоты); в сноске указано значение слова и его перевод: *эрмэчин* — глава оленного стойбища. Дословно — сильнейший. Это же существительное используется в прямой речи с последующим пояснением автора: — Позвольте преподнести вам эти скромные подарки как знак уважения к вам и вашему высокому званию — *эрыма*.

Эрым или *эрмэчин* на чукотском языке значило многое. Прежде всего — сильный, сильнейший. *Эрмэчину* не надо было одерживать верх на весенних состязаниях великого празднества Килвэй, он знал совсем другую силу. Он имел — власть! Власть над богатствами тундры, над людьми, кормящимися вокруг его тучного оленьего стада (Конец вечной мерзлоты).

Ю. Рытхэу и здесь указывает этимологическое значение рассматриваемого слова, но делает основной акцент на его социальном оттенке, обыгрывая семантику «сильный» в двух планах — физическом и общественном, используя перечисления, лексический повтор, усиленный графическим приемом (знак тире между сказуемым и дополнением). Данный тип лексического повтора на стыке предложений обусловливает особую контекстуальную значимость слова *власть*, содержание которого раскрывается в последнем предложении [8].

Не менее интересным является употребление Рытхэу отдельной лексемы, которая в тексте играет роль своеобразного смыслового центра, вокруг которого концентрируется описание отдельного события. Таково использование слова *вэкын* в романе «Белые снега»: И вдруг эту тишину разорвал крик. Сначала дальний, еле различимый. Ребятишки подняли головы. Голос перекатывался по селению и приближался к деревянной яранге — школе. Сорокин прислушался. — *Вэкын! Вэкын!* — неслось по Улаку. — *Вэкын!* — воскликнул Унпенер и кинул на стол карандаш. Словно буря прокатилась по классу: — *Вэкын!*

---

[8] О типе данной синтаксической связи см.: *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). М., 1973, с. 61—62.

Вэкын! Тэгрын на минуту застыл на месте, потом с громким криком *«вэкын!»* кинулся к двери и исчез в студеном ветре, ворвавшемся в класс. За ним побежали ребята. — Куда вы? Куда? — Следом за детьми учитель выскочил из домика и увидел, что из всех яранг к морю бегут люди. Они тащат на себе кожаные и матерчатые мешки, ведра. Драбкин встревожился: — Беда какая? — Не похоже, — ответил Сорокин. — Посмотрим, что там приключилось. Ветер и ледяные капли больно секли лицо. Море ревело и дыбилось, поднимая ледяную кашу, словно обезумевший зверь, обрушивалось оно на замерзшую гальку, на копошившихся там людей. Еще издали Сорокин увидел, что на берегу собирают мелкую рыбешку. Рыбы было столько, что кожаные мешки наполнялись быстро. Люди орудовали лопатами, руками, ведрами или же просто сгребали ее в кучу. А волны все кидали и кидали на берег живую искрящуюся массу. Всеобщее возбуждение захватило и Сорокина с Драбкиным. — Верно! Верно! — одобрил оказавшийся поблизости шаман Млеткын. — Собирай подарок моря! На берег прибыли собачьи упряжки. На нарты грузили большие кожаные мешки и увозили на лед лагуны, где каждая семья складывала свою кучу, покрывая ее сверху толстым слоем снега.

Из приведенного контекста трудно установить значение слова *вэкын*. Его семантика может быть определена и как ‘особый вид мелкой рыбы’, и как ‘рыба, выброшенная морем на берег’, и как ‘процесс собирания рыбы, выброшенной морем’; наконец, здесь возможно толкование и обобщенно-образного характера — ‘подарок моря’. Вероятно, данная лексема, по крайней мере по условиям приведенного широкого контекста, имеет право рассматриваться в диффузном значении, совмещающем более частные оттенки. Один из таких более частных оттенков проявляется в другом примере, где *вэкын*, несомненно, соотносится с понятием ‘рыба, выброшенная на берег морем’, ср.: На зиму вдоволь запасли мяса, на прощание море подарило косяк *вэкына* (Белые снега).

Неоднозначность национального слова, его разнообразные семантические возможности раскрываются не только посредством параллелей из русского языка и не только содержанием контекста. Национальное слово обогащается новым смыслом и насыщается эмоциональными оттенками, когда через него преломляется индивидуальная поэтика писателя. Конечно, не каждое слово

может быть такой своеобразной «призмой»; — оно должно отвечать устремлениям автора и поставленным им целям своим внутренним содержанием, своей семантической и экспрессивной потенцией. Подобное употребление характерно для языка Ю. Шесталова. В качестве иллюстрации рассмотрим слово *каслание*. О его значимости свидетельствует, например, тот факт, что одно из своих произведений писатель назвал «Синий ветер каслания» — вторая песнь (часть) «Югорской колыбели». Уже в данном употреблении слово *каслание* получает оттенок поэтической приподнятости [9].

Значение рассматриваемого слова раскрывается автором различными приемами. Во-первых, это прием сноски: У оленевода — длинная дорога, вечная дорога. Жизнь оленевода — вечное *каслание* [в сноске: *каслание* — кочевье (Тайна Сорни-най)]. Во-вторых, это прием параллели в тексте, лексически тождественный приведенному подстрочному толкованию, ср.: . . . *каслание* — кочевье оленеводов — дорога длинная, трудная (Югорская колыбель). В-третьих, определение значения дается не в форме авторской речи, а в форме диалога, в котором устанавливается семантика однокоренного глагола *каслать*: — Оленеводы *каслают*. — *Каслают?* Что это такое? Шаманят? — Нет, *каслают* — это значит кочуют (Там же). Таким образом, семантическая тождественность глагола и отглагольного существительного мансийского языка переносится на аналогичную семантическую тождественность слов русского языка: *каслание — кочевье*, *каслать — кочевать*. Эта тождественность усиливается тем, что отглагольное существительное, образованное по продуктивному типу на *-ние*, обозначает процесс, аналогичный действию, выраженному глаголом *каслать*.

Понятие «каслания» как кочевой жизни связывается у Ю. Шесталова с образом длинного и трудного пути. Не случайно слова *дорога* и *каслание* могут использоваться с одинаковыми определениями: вечная *дорога* — вечное *каслание*. Параллелизм данных существительных

---

[9] Сочетание *синий ветер* можно отнести к числу образов русской поэзии, основанных на цветообозначении. Так, например, оно используется в языке А. Блока, Вс. Иванова. Данное сочетание является одним из конструирующих компонентов стихотворения В. Луговского «Синяя весна», ср.: *А синий, синий ветер* /ложится/ на откосы, /Миром овладела/ синяя весна.

является наиболее постоянным в языке Шесталова, причем слово *дорога* чаще занимает постпозицию по отношению к слову *каслание*, например: И Силька тоже ушел из дому. Думал в *каслании* — в вечной дороге — будет легче (Югорская колыбель); Только в *каслании*, только в дороге открылись мне его настоящие черты: его мужество и стойкость, его доброта, его стремление к красоте (Там же). Иногда *каслание* определяется прилагательным, подчеркивающим признак дальности пути: Но вот весной, когда оленеводы стали собираться в большое *каслание* на Урал, ему предложили ехать за стадом (Тайна Сорни-най).

Частотность употребления слова *каслание* у Шесталова объясняется прежде всего тем, что оно передает специфику образа жизни и труда мансийского народа, что с ним связаны понятия многовековой истории и прошлого манси: Я уже знаю, что она родилась в *каслании*, и росла вместе с оленями, и никогда не жила в деревне, и не слышала волшебного звонка новой школы (Югорская колыбель); И тебя, быть может, подхватит скорость этого корабля, пусть ты еще *каслаешь*, пусть даже спишь в древней люльке (Там же). *Каслание* выступает в окружении слов и словосочетаний, выражающих характерные понятия родной природы в их образном, индивидуально-авторском осмыслении, ср.: В *каслании*, где на каждом шагу загадка, а новости говорит только ветер, где каждое дерево кажется живым и думающим. . . (Югорская колыбель); Это звенит морозный весенний снег: олени, наверно, подошли к чуму, под их копытами поет снег. Это новая для меня песня, песня *каслания* (В краю Сорни-най).

Однако *каслание* — это не только та призма, через которую преломляется авторское ви́дение прошлого народа манси, ви́дение природы мансийской земли. Слова *каслание — каслать* выступают и в таком лексико-синтаксическом окружении, в котором выражаются явления новой жизни, социальные и культурные преобразования. Примеры подобного употребления *каслать* и *каслание* не отмечены поэтикой контекстов, в которых указанные слова связаны с передачей образов природы; примеры, приведенные ниже, передают раздумья автора чисто «практического» характера, в них говорится о делах сегодняшних: Действительно, сколько уже мы *каслаем* с бригадой, а что полезного сделали для них? (Югорская колыбель); Но не было киномеханика: кто пойдет *каслать*

на целых восемь месяцев, кто оставит привычную шумную жизнь? (Там же).

Сопоставление данных примеров с теми, в которых *каслать* употребляется для обозначения кочевой жизни оленеводов, показывает, что *каслать* в том и в другом случае наполняется разным содержанием. Если в первом, традиционном употреблении *каслать* связывается с понятием перегона оленьего стада, то во втором употреблении с данным глаголом вступают в смысловую связь понятия новой деятельности и быта, что приводит к расширению понятийного объема слова. Показательно, что в роли определения к *каслание* выступает прилагательное *железный* в образно-метонимической функции, ср.: За год работы в геологических партиях Сергей стал привыкать к этому новому ритму *железного каслания*, который принесли в его край разведчики недр (Тайна Сорни-най). Здесь уже речь идет не об оленьем стаде, а о машинах, преобразующих облик родного края; признак дальности расстояния, присущий слову *каслание*, в частности в сочетаниях с прилагательными типа «большой», уступает другому признаку — «вещественной реалии», который определяет иной характер действия, выраженного отглагольным существительным.

В художественное произведение включаются не только отдельные лексические единицы национальных языков, но и словосочетания, имеющие эквиваленты в русском языке. Данные сочетания являются свободными как в национальном языке, так и в русском. В то же время они не относятся к группам, передающим специфику труда и быта конкретного национального коллектива. В использовании таких сочетаний и их параллелей на русском языке сказывается стремление писателя подчеркнуть адекватность понятий, которые лежат в основе слов, принадлежащих к разным языкам.

При обращении к двуязычному параллелизму Ю. Шесталов, как правило, не пользуется приемом сноски, например: — *Пася, рума!* — поприветствовал Солвала весело Ванька-дровосек. . . — Здравствуй, друг! — ответил Солвал (Югорская колыбель). В другом случае это же сочетание членится на составляющие его лексические единицы, к каждой из которых дается русская параллель, ср.: Уж очень нравится Клементу Ефремычу наше *Пася, рума!* Хороший он для людей *рума* — друг хороший! Как не скажешь ему наше мансийское *пася* — здравствуй!

(Югорская колыбель)[10]. Наряду со словом *друг* Шесталов использует и другую параллель из русского языка к *рума — товарищ*. Вариантность *друг — товарищ* по отношению к лексеме мансийского языка определяется синонимической связью данных существительных в русском языке, ср.: И зовут они все друг друга в этом «Союзе» хорошим словом — «*товарищ*», очень похожим по смыслу на наше «*рума*»! (Югорская колыбель); . . . у простых рыбаков, охотников, оленеводов есть большой *рума*, верный *товарищ* Ленин (Там же).

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы об употреблении рассмотренного круга лексики в художественных произведениях, написанных на русском языке:

1. Слова, обозначающие реалии и понятия, свойственные национальному труду, быту и культуре, принадлежат к различным тематическим группам, в основном совпадающим с теми, которые обычно устанавливаются в отношении иноязычных заимствований: обозначения предметов домашнего быта, одежды, промыслов, кушаний, животных, музыкальных инструментов, некоторых социальных понятий. К этому перечню следует добавить группу слов, называющих фольклорно-мифологические и культовые понятия.

2. Некоторым из рассмотренных единиц соответствуют тождественные по значению русские эквиваленты, выраженные одним словом (*ленгын* — белка, *рума* — друг, товарищ и др.). Следовательно, использование определения «безэквивалентная» по отношению к данному кругу лексики не может приниматься безоговорочно. Вместе с тем и определение «экзотическая» в том значении, в котором оно характеризует национальную лексему по отношению к русскому языку в целом, не является справедливым при анализе ее в языке произведений национальной литературы, даже если эти произведения написаны на русском языке. По условиям сюжетно-тематическим, по условиям художественного выражения национальная

---

[10] Употребление в данном примере *пася*, *рума* и *пася* представляет собой использование в роли существительных средн. рода других частей речи, чему способствует, как писал В. В. Виноградов, «своеобразная безличность, отвлеченная и фиктивная предметность формы среднего рода» (*Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972, с. 75).

лексика здесь является обычной, органически связанной с предметом описания. Вследствие этого рассмотренные слова в подобных текстах целесообразно определить как «национальную лексику».

3. Лексика национальных языков в грамматическом плане в отношении русского языка так, как она представлена в художественных произведениях, может быть разбита на три группы: 1) слова (имена существительные) грамматически освоенные, имеющие характеристики того или иного склонения (наиболее многочисленная группа); 2) слова (имена существительные) несклоняемые (типа *тэрыкы*); 3) слова (имена существительные и глаголы), имеющие русские словообразовательные элементы в своей морфологической структуре (типа *каслание*, *камлать*).

4. Как правило, пояснение слова национального языка осуществляется русской параллелью в тексте произведения или в сноске. В первом случае единицы национального языка и русского являются в одинаковой степени элементами художественного выражения. Во втором случае основную эстетическую функцию выполняет национальная лексема; русская параллель фактически выносится за пределы текста.

5. Параллели из русского языка к конкретной лексеме могут состоять из отдельного слова, сочетания, развернутого определения и контекста. В лексикографическом плане данные параллели соотносятся с лексико-семантическими пояснениями, этимологическими толкованиями и определениями энциклопедического характера.

6. Внутритекстовая семантико-понятийная связь слов русского и национального языков как способов обозначения одного и того же объекта может рассматриваться как вариантность номинации. Данная вариантность выходит за пределы русского литературного языка, так как здесь оказываются соотнесенными и сопоставленными лексические единицы, принадлежащие разным системам. В то же время эта вариантность находится в границах индивидуальной нормы автора как писателя-билингва.

7. В описательных приемах употребления национальной лексики и способах, посредством которых автор раскрывает содержание понятия, лежащего в основе того или иного слова, выражаются индивидуальный стиль писателя, характерные особенности его поэтики. Именно данные приемы оказываются наиболее эффективными художественно-стилистическими средствами. Вместе с тем

употребление одной и той же лексемы с разными смысловыми и экспрессивно-эмоциональными оттенками связано с некоторой трансформацией, обусловленной изменением объема понятия на современном этапе.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РАЗВИТИЕМ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ НОРМ В ОДНОМ СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ НАРЕЧИЙ

А. Б. Пеньковский

Тайно и *втайне* — эти два члена одного из самых богатых в русском языке адвербиальных синонимических рядов, если судить по данным словарей, должны рассматриваться как абсолютные синонимы. Они, как правило, даются без ограничительных стилистических помет и тем самым оцениваются как стилистически нейтральные (в отличие, например, от разг. *втихомолку*, *тихонько*, от прост. *тишком*, *втихую* и др.); для них не устанавливается никаких различий в сочетаемостных возможностях; следовательно, они характеризуются тождеством своих валентных связей и дистрибутивных признаков.

Вполне тождественными, по материалам словарей, оказываются и их значения. Последние обычно либо вообще не эксплицируются — читателю надо выводить их самостоятельно из приводимых иллюстраций, либо выявляются через перекрестные отсылки от одного синонима к другим или другому; лишь в отдельных случаях дается перефразирующее их толкование. Ср., например: *Втайне*= тайно, скрытно, тайком (Сл. Даля); скрытно, тайно (Сл. Ушакова); тайным образом, не обнаруживая себя (Сл. Ожегова); см. *тайно* (Сл. синонимов рус. яз.). Ср.: *Тайно*=1. тайком, втайне, скрытно, келейно. . . (Там же). Такова в общих чертах рисуемая словарями картина отношений между наречиями *тайно* и *втайне*.

Следует, однако, отметить, что многие члены рассматриваемого синонимического ряда вообще не приводятся словарями, а если и приводятся, то вне связи с рядом; другие не подвергаются необходимой лексикографической обработке. В их числе и наречие *тайно*, которое справедливо считается доминантой синонимического ряда

(Сл. синонимов рус. яз.$_1$; Словарь синонимов рус. яз.$_2$), используется в качестве отсылочно-толкующего слова при описании других его членов, но не выделяется большинством словарей (кроме БАС и Сл. яз. Пушкина) в отдельную словарную статью. Сходное положение и с наречиями *скрыто*, *скрытно*, *секретно*. Странным образом пропущено *втайне* в Сл. синонимов.

Иллюстративный материал, неизбежно крайне ограниченный в количественном отношении, уравнивая классические (прошлого века) и современные тексты, не показывает живые — сложившиеся и действующие — нормы современного словоупотребления интересующих нас наречий; многие из примеров, приводимых словарями, воспринимаются как противоречащие современной норме или по крайней мере как не вполне соответствующие ей. Так, из четырех цитат, иллюстрирующих в БАС значение и употребление *втайне*, лишь одна соответствует современной интуитивно осознаваемой норме: *Втайне* Фирсов желал, чтобы путешествие длилось бесконечно (Л. Леонов, Вор); три же другие задевают внимание читателя и заставляют остановиться для размышления: 1) Я полагал помочь этому человеку не иначе, как *втайне*, не выставляясь и не горячась, не ожидая похвал, ни объятий его (Достоевский, Подросток); 2) И хотя он подчас болтун и рассеянная голова, но, если обязать его словом настоящего римлянина, он сохранит все *втайне* (Гоголь, Рим); 3) Между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была в дупле старого дуба. Настя *втайне* исправляла должность почталиона (Пушкин, Барышня-крестьянка).

Кажется очевидным, что в крайних (1-м и 3-м) примерах по современной норме необходимо или хотя бы предпочтительно употребление другого наречия — *тайно*: помочь тайно; тайно исправляла должность почтальона, ср.: Я хотела бы хоть *тайно* помогать вам (Ф. Кнорре, Чужая); Татары *тайно* помогали разинцам (В. Шукшин, Я пришел дать вам волю) и т. п. Что касается второго примера, то его использование в словарной статье явно неудачно, поскольку гоголевское *втайне* — не наречие, а наречное сочетание существительного с предлогом в составе несвободного, фразеологизованного оборота *хранить* (*держать*, *оставлять*) *в тайне*, ср.: Отречение Константина *держали в тайне* (М. В. Нечкина, Декабристы); И эти действия *оставались в тайне* (Лит. газета, 1976,

8 сент.) и т. п. Ср. параллельные сочетания типа *хранить* (*держать*, *оставлять*, *оставаться*) *в секрете* — при возможности введения в те и другие факультативных подчеркивающе-усилительных определений: *хранить в полном* (*совершенном*, *глубоком*, *строгом*) *секрете*, *хранить в полной* (*совершенной*, *абсолютной*, *предельной*, *глубокой*, *строгой*) *тайне*; отсюда современное нормативное раздельное написание *в тайне* [1].

Сказанное позволяет выдвинуть предположение, что за последние 75—50 лет средства выражения, используемые литературным языком для обозначения «тайного действия» (соответственно «тайного признака»), пережили некоторые более или менее значительные изменения, не отмеченные лексикографией или, во всяком случае, не получившие достаточно четкого отражения в словарях. Для проверки этой гипотезы была предпринята сплошная выборка фактического материала из всей литературы, входившей в круг чтения автора. Таким образом, за 18 лет (1961—1979) сложилась картотека, в которой получили отражение следующие словоупотребления:

наречные выражения и нарэчия	свыше 50, с вариантами свыше 100
всего словоупотрэблений	4363
в том числе:	
тайно	1092
втайне	668
тайком	1067
скрытно	102
скрыто, *подспудно*, *неявно*	94
прочие	1340
приадвербиальные слова	544
в том числе:	
глаголы	528
имена	16

[1] Ср. предупреждающее противопоставление в Орфограф. сл.: *втайне*, нареч. (сделать втайне), но сущ. *в тайне* (сохранить в тайне). Встречающиеся в современных текстах слитные варианты типа *хранить втайне* следует квалифицировать как опечатки (ср.: Нас было шестеро. . . и замысел свой мы держали *втайне* (А. Апаньев, Версты любви).

Материал картотеки охватывает более чем двухсотлетний период истории русского литературного языка (древнерусские и современные диалектные данные в подсчеты не включены), обеспечивая достаточно надежное и статистически достоверное установление закономерности происшедших — и происходящих — здесь изменений, определение действительных, живых, фактически утвердившихся, но не кодифицированных, и утверждающихся норм употребления наречий синонимического ряда.

Осколок обширного дублетного ряда (ср. др.-рус. таи — вътаи — отаи — тапно — вътаино — таинѣ — вътаинѣ — въ таиность — въ таиности. . .), наречная пара *тайно — втайне* сохраняла отношения абсолютной синонимии еще в литературном языке XVIII — нач. XIX в. Начавшаяся дифференциация ее членов, обусловленная тенденцией к устранению дублетных пар, осуществлялась на основе семантически зависимой дистрибуции, превращая эту пару в привативную оппозицию с немаркированным первым и маркированным вторым членами. Наречие *тайно* сохраняло при этом полную свободу употребления, тогда как его бывший дублет (*втайне*) все более замыкался в кругу глаголов и прилагательных, обозначающих внутренний признак субъекта: «внутреннее», «ментальное» действие-состояние, ср.: втайне беспокоиться. бояться, верить, возмущаться, восхищаться, гордиться, горевать, давать (себе) слово, дивиться, думать, жалеть, желать, завидовать, замирать, замышлять, кипеть от негодования, ликовать, любить, мечтать, молить, мыслить, ненавидеть, обещать (себе), обожать, печалиться, радоваться, скучать, тосковать, убиваться и т. п.; ср. также: втайне быть благодарным, грустным, несчастным, счастливым и т. п.

Есть все основания считать это ограничение фактической нормой современного литературного языка, рассматривая употребление *втайне* при глаголах внешнего, механического действия как противоречащее этой норме. Вполне обычные в прошлом случаи такого рода встречаются в настоящее время либо как примета индивидуально-авторского архаического или архаизирующего словоупотребления [2], либо как своего рода поэтическая

[2] Таковы многочисленные — на историческом и современном материале — *втайне* Ю. Трифонова: Накануне приходил человек от

вольность [3], либо, наконец, как единичные lapsi linguae автора, избежавшие правки: Эти исследования ведутся *втайне* врачами, не желающими подчиняться международным правилам (Лит. газета, 1971, 17 сент.); . . .съезды КПК и сессии ВСНП созываются *втайне* (Комс. правда, 1978, 18 янв.); [Президент] вручил платформу для переговоров с Советским Союзом, *втайне* сформулированную Советом национальной безопасности и не обсуждавшуюся правительством. . . (А. Овчаренко, Размышляющая Америка).

Современная несочетаемость *втайне* с глаголами «внешнего» действия свидетельствует о том, что значение 'тайно', несмотря на безусловную выделимость корня, отступило в этом слове на второй план, заслоненное другим значением — 'внутри'; последнее, принадлежа этимологической форме *в-. . .-е*, синтагматически актуализовалось под воздействием подчиняющих глаголов и имен внутреннего действия-признака [4]. Отсюда закономерное вхождение этого наречия в обособляющийся от *тайно* синонимический ряд, возглавляемый наречием *внутренне* (ср. устаревающее *внутренно* и устар. *внутри* [5]): *в душе* (ср. также устар. *в духе* [6]), *в мыслях*, *мысленно*, *в уме*,

---

Кнопа и *втайне* расспрашивал ее про Андрея (Нетерпение); Сначала Ольга Васильевна *втайне* поговорила с матерью. . . (Другая жизнь) и др. То же — у литературоведов и историков, работающих со старыми текстами (см., например, у И. Л. Фейнберга и у Р. Г. Скрынникова).

[3] Ср.: И я тебя на самый крайний / приберегу и кликну *втайне*,/ и — наяву или во сне — / и ты потянешься ко мне. . . (В. Рецептер, «Оставь меня на крайний случай. . .»); . . . даже бульдозер японский рокочет «Дубинушку» *втайне* (Е. Евтушенко, Просека).

[4] Ср. аналогичное развитие семантики у наречий *втихомолку*, *втихомолочку* (также при свободной выделимости первого этимологического корня): 'тихо говоря > говоря про себя > внутренне', например: Жить с ним трудно, и я *втихомолку* решила расстаться (В. Каверин. Перед зеркалом); . . .снисходительное презрение, какое Курицын *втихомолку* питал к своему хозяину (Ю. Давыдов, На Скаковом поле, около бойни. . .).

[5] Ср.: Он глядел на своего товарища с каким-то снисхождением, порицая *внутри* все, что делалось (Герцен, Долг прежде всего); . . .вы вот уговариваете меня принять деньги тем, что «сестра» посылает, а *внутри-то*, про себя-то — не восчувствуете ко мне презрения, если я приму-с, а? (Достоевский, Братья Карамазовы).

[6] Ср.: Я смотрел на сие, только улыбаясь в *духе* (А. Болотов, Жизнь и приключения, XIX).

про себя (устар. *в себе* [7]) и др. Ср. здесь также развернутые обороты *в глубине* (*тайнике*, *тайниках*, *недрах*, *тайных закоулках*, *подвалах*, *пространствах* и т. п.) *души* [8] (*сердца*, *сознания*, *существа*) и др. Вот некоторые показательные сопоставления.

Втайне — внутренне (*внутренно*): Нежданов *внутренно* подивился не столько самохвальству г-на Кислякова, сколько честному добродушию Маркелова. . . (Тургенев, Новь, XVII) — Он злился на всех и *втайне* удивлялся: как они не видят и не понимают. . . (Шукшин, Беспалый).

Втайне — в душе: Роман *в душе* был благодарен отцу (К. Седых, Даурия, II, 10) — Она *втайне* была благодарна Борису (Г. Семенов, Голубой дым); Денисов говорил пренебрежительно о всем этом деле, но *в душе* (скрывая это от других) боялся суда и мучился этим делом (Л. Толстой, Война и мир) — *Втайне* боюсь, что, выехав раньше времени, я потеряю право на отличие. . . (А. Яшин, Из дневников военных лет).

Втайне — в мыслях: . . .*в мыслях* она не раз уже давала себе слово забыть о нем (Р. Ребан, Танцы на мосту) — Он тосковал и *втайне* давал себе слово во что бы то ни стало быть там. . . (Салтыков-Щедрин, Благонамеренные речи).

Втайне — мысленно: Проклиная *мысленно* эту ночь и ненастье, он ощупью отыскал лужу. . . (В. Богомолов, В августе сорок четвертого) — . . .он не раз уже *втайне* проклинал себя, что согласился ввязаться в это дело (В. Добровольский, За неделю до отпуска).

Втайне — про себя: Он заводит знакомство с Магнусом и, *про себя* издеваясь над ним, смиренно выслушивает его наставления (Комс. правда, 1978, 12 янв.) — . . .подтрунивали над бедным автором, *втайне* издевались над ним. . . (Ю. Трифонов, Долгое прощание); *Про себя*, т. е. в самом нутре души, я считал, что иначе и поступить

---

[7] Ср. в качестве редчайшего архаизма у С. Залыгина: Если же кому и завидовал, так *в себе*, почти что молча, как бы издалека. . . (Комиссия). Ср. также пропущенное словарями *сам* (*сама*) *с собой* ‘внутренне, втайне’: Мария Дмитриевна *сама с собой* не церемонилась; вслух она говорила изящнее (Тургенев, Дворянское гнездо, VII); Пьер решил сам *с собою* не бывать больше у Ростовых (Л. Толстой, Война и мир, 3, I, XX).

[8] Отсюда — с редукцией — *в глубине* ‘внутренне, втайне’: Надеюсь на тебя, читатель, Хоть и тревожусь *в глубине*. . . (М. Квливидзе, Читателю. Пер. с груз. Е. Елисеева).

нельзя (Достоевский, Подросток) — Он *втайне* считал её недалекой, узкой, неизящной (Чехов, Дама с собачкой).

Как свидетельствуют приведенные примеры, *втайне* в современном литературном языке функционирует в качестве универсального показателя внутреннего действия-признака, принадлежащего ментальной сфере субъекта и замкнутого в ней. Будучи маркой ментальности по отношению к *тайно*, *втайне* оказывается немаркированным по отношению к другим членам своего ряда, употребление которых, хотя и не жестко, прикреплено к определенным в стилистическом плане контекстам и к определенным семантическим группам ментальных глаголов. Так, несущее легкий налет разговорности *про себя* и книжные *мысленно* и *в мыслях* явно тяготеют к глаголам мысли и внутренней речи [9], тогда как разговорное *в душе* и не изжившее еще былой книжности *внутренне* употребляются преимущественно с глаголами чувства.

Отражая объективное единство и слитность мысли, сло́ва-речи и чувства, соответствующие группы глаголов взаимодействуют друг с другом, а границы между ними внутри единой семантической сферы ментальности оказываются неопределенными, диффузно размытыми; тем не менее в своих крайних точках они различаются достаточно определенно и четко. Ср., например, очевидную и не вызывающую сомнений неотмеченность сочетаний типа **мысленно//в мыслях* — бояться, волноваться, скучать, тосковать, тревожиться и т. п. или **в душе* — думать, предполагать, рассчитывать и т. п. *Втайне* свободно от этих ограничений.

Сказанное позволяет понять характер противопоставления *втайне* и *тайно* при ментальных глаголах. Если *втайне* обозначает тайное, являющееся тайным, поскольку оно внутреннее, естественно замкнутое в ментальной сфере субъекта и не выходящее вовне, то *тайно* — это намеренно утаиваемое, скрываемое, не выпускаемое вовне. *Тайно*, таким образом, имплицирует каузативное значение ‘так, чтобы об этом не знали’, подчеркивая то, что наречия ряда *втайне*, *внутренне* оставляют в тени. Так, если исходить из фактически нормативного для современного русского языка *думать втайне* (ср.: Значит, в буду-

[9] Ср. также специализированное *в уме*, употребляющееся почти исключительно при глаголах ментального действия, связанного со счетом и расчетами.

щем меня ждет счастье, — так *втайне думал* я — В. Шефнер, Сестра печали; Он *думал втайне*, что и сам мог бы жениться на этой девушке Любе. . . — А. Платонов, Река Потудань), то в следующем единственном отмеченном нами случае: Недаром местный парень Борис, которым любуется Шурочка и о котором *тайно думает*, что вот, наверное, только с ним и можно быть спокойной. . . (Наш современник, 1976, № 7, с. 175) — употребление *тайно* приходится квалифицировать как неоправданное отклонение от нормы.

На этом фоне особенно ярко выделяется также единичный пример подчеркивающего — и потому совершенно оправданного — использования *тайно* при глаголе *думать*: Ты живи просто и честно, как я живу, а *тайно* ничего *не думай*! . . (А. Платонов, Юшка). Необходимость такого подчеркивания возникает, однако, нечасто, и потому *тайно*, как показывают факты его современного употребления, сочетается лишь с немногими глаголами внутреннего действия: это глаголы *ликовать*, *любить*, *любоваться*, *ненавидеть*, *презирать*, *радоваться*, *ревновать*, *торжествовать* и под., поскольку они обозначают действия, которые, будучи внутренними, могут иметь более или менее яркие внешние проявления (во взгляде, мимике, жестах, телодвижениях и т. п.), требующие утаивания, ср.: Она сидела, поджав коленки к подбородку, в соседнем купе среди картежников, *тайно* доверяясь мне взглядом, как бы выделяя меня среди прочих (В. Лихоносов, Тоска-кручина); . . .зорко и цепко обежал его всего инженер, *тайно* любуясь его молодой силой (А. Проханов, Полина) [10]; . . .Она опустила глаза и, *тайно* торжествуя, сказала. . . (М. Колосов, Время надежд) и т. д. В остальных случаях (если пренебречь проявлениями индивидуально-авторского пристрастия к *тайно* [11]) обнаруживается явная тенденция к выведению этого наречия из круга сочетаний с глаголами внутреннего действия.

Тенденция эта в настоящее время настолько сильна, что подчеркивание в указанном выше смысле — как из-

---

[10] Ср. случай, где *тайно любоваться* оправдано конкретно-физическим значением глагола, имеющего инструментальный определитель как прямой показатель внешнего действия: Обомлев, он *тайно*, через зеркало, любовался Эльвирой (С. Крутилин, Мастерская в глухом переулке).

[11] Таковы многочисленные *тайно*, например, у Г. Семенова: *тайно надеялся* (Где-то что-то там такое), *тайно недовольные* (Там же).

нутри плана содержания идущий семантический импульс — оказывается недостаточным обоснованием для употребления *тайно* при ментальных глаголах. Как показывают наши материалы, *тайно* в таких случаях ищет себе опоры также и в плане выражения, используя в этом качестве другие наречные определители на *-о*, в объединении с которыми ему обеспечивается контекстуальная поддержка и синтагматическое оправдание, ср., например: Борис *втайне* обожал князя (Куприн, Мясо) — *Тайно, преданно и безраздельно* обожал он Дунечку (Б. Евгеньев, Московская мозаика); Идея была вовсе не так наивна. Более того, она *втайне* нравилась Василию Петровичу (Катаев, Хуторок в степи, XXXVI) — Сонечка нравилась *тайно, глубоко* (Трифонов, Нетерпение). Ср. также: *втайне любить* (52) [12] — любил ее *тайно* и *страстно* (Н. Верещагин, Роднички), *тайно* и *мучительно* любящего Лушку (Нева, 1975, № 1, с. 194), *тайно* и *глубоко* любил ее (В. Николаев, Разлука); *втайне желать* (23) — *тайно* и *страстно* желал ее (П. Проскурин, Судьба), *тайно* и *глубоко* желал (Н. Почивалин, Среди долины ровныя); *втайне надеяться* (19) — *тайно* и *безрассудно* надеясь (И. Глебов, Глубокие корни); *втайне мечтать* (18) — *тайно* и *бесплодно* мечтала о нем (Ю. Убогий, Дом у оврага); *втайне завидовать* (14) — *тайно* и *злобно* завидовали ему (Е. Карташов, На перевале) [13]; *втайне гордиться* (12) — *тайно* и *самоуверенно* гордится (Е. Сурков, Морской патруль) и др.[14]

Обширному массиву фактов, выявляющих указанный тип отношений между *тайно* и *втайне*, противостоит регулярное употребление *тайно* в сочетании с *влюблен(а)* в кого-либо; ср., например: Я в каждого *тайно* влюблен (Мандельштам, «Из омута злого и вязкого. . .»); . . .поэма, посвященная девушке, с которой он знаком не был, но был *тайно* в нее влюблен (В. Гиляровский, Ляпинцы); Он был *тайно* влюблен в Киру (В. Лидин, На даче); . . .он *тайно* влюблен в Иру Соколову (Ю. Нагибин — Учит. газета, 1978, 11 апр.) и др.

---

[12] Здесь и далее цифра в скобках обозначает количество примеров в картотеке автора.

[13] Ср. то же в антонимическом противопоставлении: . . .*явно* клеветать, а *тайно* завидовать. . . (Островский, Доходное место).

[14] Для понимания указанных здесь отношений очень важно последовательное употребление *втайне* в рядоположных соединениях типа *втайне мучительно ревновать, втайне бессильно завидовать, втайне нежно любить* и т. п.

Можно думать, что последовательный выбор *тайно* вместо *втайне* для этой конструкции — независимо от того, насколько существен здесь фактор подчеркивания — вызывается тенденцией к устранению интуитивно оцениваемого как нежелательное повторения приставочно-предложного *в* [15].

Подчеркивающее внешние аспекты внутреннего действия употребление *тайно* с ментальными глаголами, ограниченное особыми условиями и требующее поддержки со стороны ряда специальных факторов, только укрепляет нормализующееся противопоставление наречий *тайно* и *втайне*, которые все более последовательно расходятся, закрепляясь каждое за своей особой глагольной группой. Ярким проявлением этого оказывается диагностическая способность наречий *тайно* и *втайне* разграничивать конкретно-физические и ментальные значения одного и того же глагола, ср.: Совсем недавно Анатолий Данилович привозил ему погремушки и ползунки. Теперь возит фирменные джинсы, *тайно* примеряя их на себя. . . (Э. Шим, История о монетке) — . . .*втайне* примерял на себя профессию ландшафтного архитектора (В. Лазарев, Всем миром); Опасаясь преследований, они *тайно* сжигали свои рукописи (И. Григулевич, Костры инквизиции) — *Втайне* наемники ежедневно и ежечасно сжигали то, чему на виду поклонялись (М. Касвинов, Двадцать три ступени вниз).

Ср. также: 1) *вздыхать* 'испускать вздохи' — *тайно вздыхать* и 2) *вздыхать* 'быть влюбленным, питать нежные чувства' — *втайне вздыхать* (о ком, по ком); 1) *ждать* 'рассчитывать на появление кого-либо, совершение чего-либо' — *втайне ждать* и 2) *ждать* 'находиться в физическом состоянии ожидания кого-либо, чего-либо' — *тайно ждать*; 1) *замышлять* 'задумывать сделать что-либо' — *втайне замышлять* и 2) *замышлять* 'обсуждать какой-либо замысел в узком кругу посвященных' — *тайно замышлять*; 1) *искать* 'стараться найти, обнаружить кого-либо, что-либо' — *тайно искать* и 2) *искать* 'добиваться чего-либо, стремиться к чему-либо, хотеть

---

[15] Ср. аналогичное преобразование в случае *в первый раз* > *первый раз* (см.: *Пеньковский А. Б.* Очерки по семантике русских наречий. Наречие *впервые*. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 6. Новосибирск, 1977, с. 43—44).

чего-либо' — *втайне искать*; 1) *решить* 'принять мысленное решение' — *втайне решить* и 2) *решить* 'договориться о решении, принять решение совместно с кем-либо' — *тайно решить* и т. п. Широта и последовательность такого разграничения [16] свидетельствуют о том, что привативная оппозиция *тайно — втайне* в современном литературном языке преобразуется — уже по существу преобразовалась — в оппозицию эквиполентного типа.

Это изменение неизбежно сказывается на всем лексико-семантическом поле показателей «тайности», вносит в него новый важный принцип внутренней организации, увеличивает степень его упорядоченности и создает новые действенные стимулы дальнейшего движения в этом направлении:

1. Дементализация *тайно*, т. е. установление запрета на сочетание этого наречия с глаголами ментальной группы, завершает формирование ментальной семантики наречия *втайне* и тем самым упрочивает положение последнего в качестве новой доминанты синонимического ряда *внутренне*.

В связи с этим возникает тенденция к освобождению *втайне* от управления отложительным членом с предлогом *от* (*втайне от кого-либо*) как яркого признака, по которому противопоставлены ряды *тайно* и *внутренне*, ср.: тайно от. . .; тайком от. . .; скрыто от. . .; скрытно от. . .; тихонько/потихоньку от. . .; втихомолку от. . .; по секрету от. . . и т. д., но не *внутренне от. . .; *мысленно от. . .; *в душе от. . .; *про себя от. . . и т. д. Семантика отложительного члена вступает здесь в противоречие с новой (ментальной) семантикой управляющего *втайне*, и сочетания типа «*втайне от*+род. п.», вполне обычные еще в недавнем прошлом, выходят из употребления. Спонтанный отбор устраняет их как непригодные: в конструкциях с ментальными глаголами — из-за отложительного члена, в конструкциях с глаголами внешнего действия — из-за *втайне*. Вот почему в современном материале первые вообще уже отсутствуют, а вторые представлены единичными примерами, например: В этом,

---

[16] А это разграничение, что важно иметь в виду, лишено опоры в семантике производящего прилагательного *тайный*, ср.: *тайно встречаться — втайне завидовать*, но *тайная встреча*, *тайная зависть*; ср. также: *тайно решить* (1) — *втайне решить* (2), но *тайное решение* (1, 2).

наверное, была повинна мать-сибирячка, *втайне* от поселка жившая с неким Спыхальским. . . (В. Липатов, Повесть без названия); *Втайне* от него она позвонила Маре (Ю. Трифонов, Другая жизнь); Там он *втайне* от архимандрита призвал к себе келаря (Р. Скрынников, Иван Грозный).

Во всех таких случаях противоречие между *втайне*, отложительным членом и глаголом создает семантическую напряженность. Отсюда — поскольку совместной силы отложительного члена и глагола внешнего действия оказывается недостаточно, чтобы нейтрализовать ментальность *втайне*, — отражающиеся в орфографических колебаниях попытки вернуть ментальному члену былое значение «утаивания», интерпретируя его как наречное сочетание с незамещенной позицией согласованного определения: *втайне* > *в . . . тайне*. Ср.: . . .ночами, *втайне* от соседских глаз зарывали в землю самое дорогое. . . (Г. Бакланов, Июль 41-го); . . .надо было поверить в самую возможность, что Виктор сделал что-то *втайне* от него (Он же, Друзья) — Они приняли это решение сами, *в тайне* от учителя (Он же, Имена на обелиске). Ср. еще: Я все же добилась *в тайне* от Миши встречи с одним из его врачей. . . (Нева, 1975, № 6, с. 123).

2. Формирование новой семантики *тайно* 'о физическом действии лица: так, чтобы об этом не знали', завершая ментализацию *втайне*, создает новое семантическое основание их объединения — лично-субъектное — и тем самым закладывает основу еще одной семантической оппозиции: «лично-субъектное—предметное», воплощение которой составляет сущность ряда процессов, активно перестраивающих лексико-семантическое поле «тайности» в литературном языке последних десятилетий.

Главное здесь заключается в том, что поле «тайности» расчленяется на лично-субъектную и предметную сферы, и в соответствии с этим осуществляется отбор и отработка специализированных средств выражения «тайности» действий-процессов неличного, предметного мира. Сокращая тем самым сферу своего былого употребления, *тайно* уступает место наречиям *скрыто* и *подспудно* (ср. также пропущенное словарями *неявно*), которые в полной мере удовлетворяют новым семантическим требованиям, так как в их значении отсутствует оттенок намеренности — утаивания; ср.: На земле пока все спокойно, но в неведомых ее глубинах *скрыто* зреют силы новых грядущих ка-

таклизмов (В. Назаренко, На далекой станции); Подземные реки *скрыто* несут свои воды в океан. . . (Наука и жизнь, 1965, № 10); . . .во всем чувствовалось *скрыто* копившееся напряжение (Е. Носов, Усвятские шлемоносцы); Роман Булгарина заставил обнаружиться процессы, шедшие *подспудно* в литературном и социальном сознании общества (В. Э. Вацуро, Пушкин и проблемы бытописания); Искусство в течение веков *подспудно*, но упорно и настойчиво оттачивало свое высокое призвание (Вопросы литературы, 1978, № 12); Быть может, тут *подспудно* влиял на меня пробуждающийся интерес к другому полу. . . (В. Шефнер, Имя для птицы) и т. д. Ср. также: . . .натуралистическое движение протекало на русской почве. . . *неявно*, *скрыто*, не оформившись в качестве «школы» или направления (Вопросы литературы, 1979, № 7).

Во всех подобных случаях употребление *тайно* отнюдь не является еще запретным. Оно встречается, хотя и единично, у многих современных авторов. Однако почти всегда такое *тайно* вызывает смутное ощущение неловкости, неточности, несовершенства, ср.: . . .Грунтовые воды *тайно* разносят щелочи, мазут (И. Шкляревский, Тень птицы); А может быть что-то *тайно* связывает образ любимой князем русалки с образом Элизы. . . (Т. Цявловская, Храни меня, мой талисман. . .) и др. Размышления над такого рода фактами, очевидно, должны привести к осознанию того, что выбор *тайно* — вместо более предпочтительного *скрыто* — не совсем удачен: обычное и правильное для неличной сферы в недавнем прошлом, сегодня оно занимает здесь чужое место и потому требует либо замены, либо способной оправдать его реинтерпретации. Но это та же ситуация, какая сложилась ранее для *тайно* в сочетаниях с ментальными глаголами. Там, как мы видели, *тайно* вытеснялось «внутренним» *втайне* или же сохранялось, осмысляемое как показатель намеренного утаивания внешних проявлений внутриличностного ментального действия. Здесь — на следующем этапе развития — *тайно* замещается «предметным» *скрыто*, *подспудно*, *неявно*, а его сохранение может быть обосновано осмыслением в плане вторичной метафоризации. Становясь для предметной, неличной сферы «чужим», *тайно* может реабилитировать себя в ней как метафорическое «свое».

Именно на метафорической основе держится и может быть понято обычное употребление *тайно* в предложениях,

сообщающих о процессах внутреннего мира человека, с подлежащими — номинализациями предметов психического мира и предикатами, которые, моделируя внутренний мир человека по образцу внешнего, материального мира, используют физическую лексику переносно, во вторичных (метафорических) смыслах [17], ср.: Моя душа не смеет и не может Излиться в жалобе своей, хотя ее томленье *тайно* гложет. . . (Н. Щербина, Подражание); . . .что-то горькое, не то скука, не то злость, — *тайно* забралось в самую глубь его существа (Тургенев, Новь, 1, VII); Что-то *тайно* шевельнулось в его сердце. . . (Он же, Дым); . . .отвести на чем-нибудь свою варварскую душу, в которой в обычное время *тайно* дремала старинная, родовая кровожадность. . . (Куприн, Поединок); Осуществленные желания как бы гасят сами себя в нашей памяти, а неосуществленные продолжают жить и *тайно* обогащают нас (В. Шефнер, Имя для птицы) и т. п.

Как показывают эти примеры, метафоризация *тайно* имеет несомненно контекстуальный характер и, обусловленная метафорическим сдвигом управляющего глагольного слова, связана с такими, находящимися на границе лексики и грамматики, компонентами значения этого наречия и всего глагольно-наречного комплекса в целом, как «активное», «лично-одушевленное» в противопоставлении «пассивному», «предметно-неодушевленному». Отсюда уже в семантике самого *тайно* — значение «намеренно» утаиваемого в противопоставлении «естественно» скрытому. Осознание этого не только достигается путем специального анализа, но доступно и непосредственному языковому чувству. Ср., например, такой случай, где метафорическое употребление *тайно* на «чужом» месте сознательно обозначено метафорическими кавычками: Одни силы общественного развития бурлят у самой поверхности, видны всем, самоочевидны, другие «*тайно*» подрывают берега в глуби (А. Лебедев, Чаадаев. М., 1964, с. 105).

Если *тайно*, таким образом, используется в чужой ему предметной сфере как дополнительное средство очеловечения или — шире — одушевления процессов предметного мира, то обслуживающие предметную сферу *скрыто*

---

[17] Ср.: *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). М., «Наука», 1976, с. 95.

и *подспудно*, функционируя в чуждой им личной сфере, позволяют дать объективное описание ментальных состояний человека как естественных, природных, внутренних процессов, не имеющих внешнего выражения, но открытых проницательному наблюдателю, ср.: . . . миллионы людей в тылу и на фронтах *скрыто* и явно уже чувствовали на себе . . . сущность империализма (А. Платонов, Навстречу людям); Ильинична, *скрыто* недолюбливавшая старшую сноху. . . привязалась к Наталье с первых же дней (Шолохов, Тихий Дон, II, 3); *Скрыто* волнуясь, он не сразу смог начать свою речь. . . (В. Коренев, Новые заботы); *Подспудно* пугаясь этого, она пыталась заглушить свой страх голосом (Л. Фролов, Полежаевские ягоды); . . .Ткачевы. . . *подспудно* ожидали, что к ним придут и будут ходить по комнатам в темном. . . (В. Маканин, Полоса обменов) и т. д. Ср. также в сочетании с прилагательным: . . .графиня, как и многие варшавские дамы. . . была чрезвычайно стройна, *скрыто* нежна (В. Гусев, Легенда о синем гусаре).

Во всех этих случаях (кроме первого — с поддерживающим *явно*) *скрыто* и *подспудно* могут быть заменены наречиями ментального ряда *втайне*, на месте которых они здесь выступают и с которыми они объединяются общностью всех основных компонентов семантической структуры ('внутренне', 'пассивно', 'не выявляясь вовне'). Именно поэтому они фактически не используются при глаголах внешнего, физического действия, ср.: *тайно* (не *скрыто, не *подспудно) *встречаться*, *грузить* (судно), *демонтировать* (завод), *жить*, *закладывать* (фундамент здания), *истязать*, *казнить*, *лечить*, *обзаводиться* (оружием), *переписывать*, *покупать*, *реставрировать*, *сопровождать*, *торговать*, *участвовать* (в операции), *хоронить*, *читать* и т. п. Эта закономерность действует и в соотносительных словосочетаниях атрибутивного типа: *тайно* (не *скрыто, *подспудно) *встречаться* — *тайные* (не *скрытые, *подспудные) *встречи*.

При семантической двойственности отглагольного или соотносительного с глаголом имени определение *скрытый* диагностирует ментальное, а не физическое его значение: *скрытые поиски. . . решения*, *выхода из положения* и т. п., а не *нужного человека, *подходящей квартиры и т. п. Напротив, невозможность понимать отглагольное имя в ментальном смысле требует либо замены *скрытый* на

тайный (*тайные поиски квартиры*), либо реинтерпретации прилагательного как причастия с экспликацией позиций, соответствующих его глагольным валентностям (*скрытые им от меня поиски квартиры*). Ср. в этой связи оборот «*скрыто от*+род. п.», который — поскольку наречие *скрыто* непосредственно с причастием не соотносится — также оказывается некорректным; ср. единственный в нашем материале пример: . . .та, поняв ее взгляд, *скрыто* от мамы покачала головой (М. Горбунов, Долгая нива).

Что касается противопоставления *скрыто*, *подспудно* — *втайне* по признаку «предметное — личное», то оно здесь, как может показаться на первый взгляд, ничем и никак себя не обнаруживает. *Скрыто* и *подспудно* в приведенных выше примерах не воспринимаются как метафоры из иной семантической сферы, и можно было бы думать, что «предметность» вообще не входит в структуру их значения, а лишь, как тень, отбрасывается на них управляющими глаголами внутренних процессов предметного мира. В таком случае соотношение *скрыто*, *подспудно* — *втайне* следовало бы интерпретировать как привативную оппозицию с немаркированными (о любом внутреннем процессе) *скрыто*, *подспудно* и маркированным *втайне* (только о процессах во внутренней, ментальной сфере лица). Такое понимание, однако, упрощает действительные отношения между этими тремя наречиями, и упрощает их именно потому, что пренебрегает «предметностью» *скрыто* и *подспудно* как только контекстуальным, позиционно обусловленным признаком. По крайней мере в части случаев, иллюстрирующих употребление *скрыто* и *подспудно* в предложениях с субъектом — именем лица (см. выше), они обозначают не только 'внутренне', 'не выявляя вовне', но и 'не осознавая этого', 'не отдавая себе в этом отчета', ср.: *скрыто чувствовать*, *скрыто волноваться*, *скрыто ревновать*, *подспудно ожидать*, которые следует читать как *втайне чувствовать*, *волноваться*, *ревновать*, *ожидать. . . не осознавая этого*, *не отдавая себе в этом отчета*. Ср. также пример развернутого выражения указанного значения: Сам того не сознавая, он *внутренне* готовил себя к этому последнему испытанию (В. Андреев, В последние дни лета).

Это значение «неосознаваемости» внутреннего действия-состояния его субъектом-носителем — семантическая реальность, возникающая в результате метафоризации

«предметности» наречий *скрыто* и *подспудно* при их переносе в личную сферу и определяющая специфические ограничения, которые накладываются на употребление их в предложениях лично-субъектного типа. Поскольку не всякое внутреннее, ментальное действие-состояние лица может мыслиться в норме как неосознаваемое, наречия *скрыто* и *подспудно*, свободно сочетаясь с глаголами чувства и разного рода душевных и эмоциональных движений, не употребляются при глаголах мысли и внутренней речи. Ср. в связи с этим показательное отсутствие в материале сочетаний **скрыто* (**подспудно*) *думать*, *мечтать*, *предполагать*, *размышлять*, *говорить себе*, *давать себе слово*, *обещать себе*, *поклясться* и т. п., которым соответствуют нормативные сочетания с *втайне* и другими наречиями его ряда.

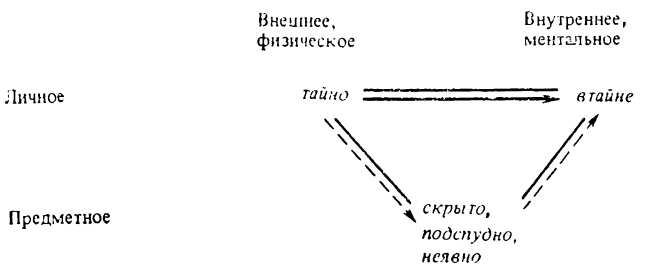
Другое ограничение оказывается более сложным. Поскольку *скрыто* и *подспудно* используются как показатели внутреннего действия, скрытого от сознания его субъекта-носителя, но открытого внешнему наблюдателю — субъекту речи, эти два субъекта в норме должны быть разведены, а если и совмещаются, то лишь при передаче ретроспективного самоанализа (ср., например: Теперь я понимаю, что уже тогда *скрыто* завидовала брату). Понятно поэтому, что вне такой специальной ситуации *скрыто* и *подспудно* выступают лишь в предложениях с не-Я-субъектом.

Таким образом, можно утверждать, что (как и в случае с *тайно — втайне*) в соотношениях *скрыто, подспудно — тайно* и *скрыто, подспудно — втайне* действует тенденция к двусторонней специализации, преобразующая их в оппозиции эквиполентного типа. Для пары *тайно — втайне*, прошедшей в литературном языке длительный путь развития, эта тенденция, как мы видели, по существу уже воплощена в фактически сложившихся нормах словоупотребления, отработанных до уровня, на котором возможна их кодификация. Для двух других пар та же тенденция только намечена: более четко — в первой паре (*скрыто, подспудно — тайно*), менее четко — во второй (*скрыто, подспудно — втайне*), но уже и это показательно и важно, так как говорит о ее актуальности и жизненной силе. Следует поэтому особенно подчеркнуть, что тенденция к специализации наречий *скрыто, подспудно, неявно* в качестве показателей «тайности» неличного, предметного

мира пробивает себе дорогу, несмотря на то что они не получили еще в литературном языке сколько-нибудь широкого распространения.

Привязанные в основном к научным и публицистическим вариантам книжно-письменного языка, последние крайне ограничены по количественному употреблению. Показательно, что, по данным нашей картотеки, суммарная частота *скрыто*, *подспудно*, *неявно* в 7 раз меньше, чем у их личностного коррелята *втайне*. Ср. отражение этого факта в Частотном сл. рус. яз., где *втайне* имеет показатель 3 (ср.: *внутренне* — 4, *тайно* — 13), а *скрыто* и *подспудно*, имея частоту ниже пороговой, вообще отсутствуют. Что касается *неявно*, то оно не имеет пока никаких словарных фиксаций. Это заставляет предполагать, что все три наречия (*скрыто*, *подспудно* и *неявно*) являются поздними производными соответствующих прилагательных и лишь сравнительно недавно вошли в литературный язык. Знаменательно в этом плане их отсутствие в языке Пушкина, как и в более позднюю эпоху (в Сл. Даля), а также тот факт, что БАС иллюстрирует употребление *скрыто* и *подспудно* только примерами нового времени (*скрыто* — из Шолохова и Гладкова, *подспудно* — из Чуковского и Фадеева).

Показательны также факты, свидетельствующие о том, что на протяжении длительного времени, вплоть до 20-х годов XX в., производящее *скрытый* еще не вполне дифференцировалось от близкого *скрытный*. По данным Сл. яз. Пушкина: *Скрытный*. 2. То же, что скрытый во 2 знач. То, что некогда слыло скрытным учением гиерофантов. . .; *Скрытый*. 3. То же, что скрытный в 1 знач. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокой, постоянный. То же в Сл. Даля (скрытные богатства недр земли; скрытные помыслы; скрытная злоба) и в БАС (с примерами из Добро-

любова и Мамина-Сибиряка). В настоящее время дифференциация этих паронимически близких образований завершена, и на этой основе, а также в связи с рассмотренной выше тенденцией к специализации дифференцированы и их наречные производные.

Сказанное можно представить в виде схемы, где прямыми линиями обозначены установленные в ходе анализа противопоставления, сплошной стрелкой — направление контекстно обусловленных нейтрализаций, а пунктирными стрелками — направления метафорических переносов (см. схему на стр. 156).

Вершины и стороны изображенного на схеме треугольника служат центрами, вокруг которых определенным образом группируются и организуются (на семантических, стилистических и иных основаниях) другие члены лексико-семантического поля «тайности». Но их описание и анализ должны стать предметом специального исследования.

II. НОРМА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И ВАРИАНТНОСТЬ

Б. С. Шварцкопф

1. Задача изучения морфологических норм фразеологических единиц (ФЕ) в современном русском литературном языке обусловлена, с одной стороны, целями теоретического исследования (проблемы взаимосвязи и взаимодействия языковой системы и системы норм, структуры и механизма нормы вообще и во фразеологии в частности), а с другой — практическими потребностями преподавания русского языка как иностранного (необходимость овладения закономерностями фразеоизменения как базы построения связного текста, содержащего в своем составе ФЕ). В связи с этим нами была предложена теоретическая схема описания морфологической нормы ФЕ — словосочетаний подчинительного типа [1].

В основу описания морфологической нормы ФЕ положен прием сопоставления морфологической парадигматики ФЕ с морфологической парадигматикой соответствующих (соотносительных с ФЕ) «свободных» словосочетаний. Исходя из понимания нормы языка как ограничения (системы ограничений) реализации возможностей языковой системы, морфологическая норма ФЕ интерпретируется как единство двух уровней: 1) нормы 1-го порядка — ограничивающей реализацию системных возможностей и объединяющей ФЕ с соотносительными с ними «свободными» словосочетаниями и их нормами и 2) нормы 2-го порядка — собственно фразеологической, накладывающей на норму первого порядка дополнительные узуальные ограничения. А само описание морфологической нормы ФЕ в общем виде должно представлять собой как бы лестницу,

[1] См.: *Шварцкопф Б. С.* Морфологическая парадигматика фразеологической единицы и норма. — В кн.: Грамматика и норма. М., 1977.

ступеньки которой отражают определенные степени ограничения; за каждой ступенькой лестницы может стоять от одной ФЕ до ряда (группы) ФЕ, объединяемых — при однотипности синтаксической структуры — общностью степени (степеней) ограничения парадигматики; лестница в целом ориентирована в направлении от норм 1-го порядка к нормам 2-го порядка — с последовательным возрастанием степеней ограничения. Такая схема описания дает возможность обобщенного (в том числе и матричного) представления морфологической нормы ФЕ с учетом ее преимущественно группового характера.

Однако в изложенной схеме описания морфологической нормы ФЕ мы не касались вопроса о вариантности. Цель данной статьи — показать соотношение морфологической парадигматики ФЕ и морфологической вариантности ФЕ, взаимодействие их внутренних механизмов, а тем самым внести некоторые уточнения в характеристику морфологической нормы ФЕ.

2. Предложенный способ описания морфологической нормы ФЕ позволяет также охарактеризовать место морфологической вариантности ФЕ в парадигматической схеме. В таком описании парадигма выступает как «набор клеток, каждая из которых имеет в качестве названия некоторое грамматическое значение и содержит одну словоформу (нормальный случай) или несколько словоформ (являющихся вариантами друг друга) или не содержит (так называемая пустая клетка)» [2]. Морфологическая парадигматика ФЕ или «нормально» совпадает с парадигматической схемой соответствующего «свободного» словосочетания (одинаковое количество грамматических форм), или же, чаще, отражая сущность нормы ФЕ как двойного ограничения, «нормально» — для сферы фразеологии — является «дефектной» (меньшее количество грамматических форм); иначе говоря, морфологическая парадигматика ФЕ выступает как достаточно жесткий каркас, служащий материальным средством ограничения грамматических форм ФЕ.

В противовес этому морфологическая вариантность ФЕ (наличие более чем одной словоформы в клетке) выступает как средство расширения парадигматической схемы (создание избыточности за счет расширения границ использования возможностей, предлагаемых языковой системой), как

[2] *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 30.

своего рода «наращение» на определенный элемент парадигмы. Эта функция расширения границ использования системных возможностей сохраняется и в том случае, когда вариантность выступает как свойство ФЕ, не обладающих морфологической парадигматикой, например неизменяемых ФЕ *волею судеб* (*судьбы*), *роста* (*ростом*) *в косую сажень* и т. п.

Таким образом, можно рассматривать вариантность ФЕ в плане, противоположном сущностной тенденции нормы ФЕ (двойного ограничения). Однако вариантность и норма ФЕ при этой их противонаправленности взаимосвязаны и опосредованы языковой системой.

Обусловленность нормы языковой системой (их корреляция) в свою очередь обусловливает тот факт, что вариантность оказывается присущей как системе, так и норме. Последняя, «опираясь на устойчивые, константные элементы языковой системы, не в меньшей степени характеризуется и допустимыми в ее пределах колебаниями и вариантами» [3]. Притом вариантность нормативных реализаций строго фиксирована; в сфере фразеологии «консервирующее» действие нормы возрастает до пределов возможного, и это действие фразеологической нормы распространяется также на вариантность ФЕ (разрешенность одних вариантов при неразрешенности других).

Однако охраняемый нормой ФЕ «микромир» постоянно подвергается давлению со стороны развивающейся языковой системы [4]. Именно с давлением языковой системы на ФЕ в первую очередь может быть связано возникновение и развитие вариантов ФЕ в процессе ее функционирования: происходит вре́менное оживление цепочки связи «элемент ФЕ — соответствующий элемент языковой системы» с последующим замыканием возникшей цепочки на самой ФЕ и фразеологизацией, фиксированием ее нормой ФЕ как вариантной пары или вариантного ряда [5]. Ср., например, типичные в этом плане случаи развития

---

[3] *Семенюк Н. Н.* Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М., 1967, с. 10.

[4] Подробнее см.: *Шварцкопф Б. С.* Единица фразеологического состава языка и норма. — В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 160 и след.

[5] См.: *Шварцкопф Б. С.* Давление языковой системы и немотивированность отношений внутри фразеологической единицы как источники ее вариантности. — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии (Тезисы докл. лингв. конф.), вып. 2, ч. 2. Новосибирск, 1969.

вариантности как способа преодоления устаревших, не мотивированных современной системой морфологических норм ФЕ (*на босу ногу*, *+на босую ногу* и т. п.) [6].

Развитие вариантности ФЕ в процессе ее функционирования надо отличать от ситуации, рассматриваемой М. Ф. Палевской на материале русского языка XVIII в., где вариантность ФЕ выступала как показатель втянутости нескольких (ряда) словосочетаний в процесс фразеологизации: «В период становления фразеологической системы языка. . . не происходило замен одной падежной формы другими или одного слова другим в том или ином словосочетании, а употреблялись в языке параллельные словосочетания, объединенные определенной потребностью общения — номинацией и оценкой одного и того же явления объективной действительности, различающиеся средствами выражения грамматических значений, словарным составом. . .» Отсюда автор делает вывод: «Вариантность не следует понимать как свойство ФЕ, приобретаемое ею в процессе функционирования в языке» [7].

Однако материалы М. Ф. Палевской показывают, что в то же время уже идет процесс развития вариантности в связи с функционированием ФЕ. Так, отмечаются ФЕ *на попятный двор* и отдельные употребления квантитативного варианта *на попятный* [8]; последние явились промежуточным этапом развития морфологической вариантности (*идти*) *на попятный/ /попятную*.

Фиксируемые морфологической нормой ФЕ закономерности реализации системных возможностей осуществляются посредством единого — для парадигматики и для случаев вариантности — внутреннего механизма.

Морфологическая парадигматика ФЕ представляет собой совокупность возможных морфологических изменений компонентов ФЕ (при этом «изменение лежит не в плане введения в речь каждой из них (частей ФЕ. — *Б. Ш.*)

---

[6] Здесь и далее приводятся примеры, заимствованные из Фразеолог. сл. рус. яз. — в заголовочной форме или в той форме, которая дана в статье словаря узкими прописными буквами и показывает особенности употребления ФЕ (последний случай обозначен нами поднятым знаком «плюс» перед ФЕ).

[7] *Палевская М. Ф.* Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. Кишинев, 1972, с. 14, 11. Так же думает и В. П. Жуков (*Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. М., «Просвещение», 1978, с. 103, примеч. 1).

[8] *Палевская М. Ф.* Указ. соч., с. 159—160.

в отдельности, а в плане введения всей единицы в целом» [9]. Следовательно, в каждом данном случае имеет место противопоставление компонентов ФЕ в рассматриваемом плане: формы словоизменения присущи одному из компонентов (грамматически стержневому, или парадигматически подвижному) и не присущи другому (другим), парадигматически неподвижному (неподвижным). Такое противопоставление и обусловливает место морфологической вариантности в процессе функционирования ФЕ: морфологическая вариантность ФЕ выступает как принципиальное свойство парадигматически неподвижного компонента ФЕ (и не свойственна компоненту, реализующему синтаксическую связь ФЕ с текстом предложения) [10].

Указанное положение, впрочем, вовсе не означает, что во всех случаях парадигматически неподвижный компонент получает дополнительное морфологическое выражение грамматического значения. Наоборот, если вхождение ФЕ в тот или иной синтаксически конструктивный тип с определенной морфологической парадигматикой (и определенной степенью ограничения) является обязательным, то наличие морфологической вариантности ФЕ обязательным отнюдь не является; возможность эта осуществляется лишь в немногих случаях, в немногих ФЕ и является (в противовес регулярному характеру морфологической парадигматики ФЕ) единичной, иначе — индивидуальным свойством отдельных ФЕ.

Единство внутреннего механизма морфологической парадигматики и морфологической вариантности ФЕ обеспечивается использованием общего набора грамматических (словоизменительных) категорий и грамматических способов их выражения, по которым идет противопоставление словоформ парадигматически подвижного компонента и чередование двух (редко трех) словоформ парадигматически неподвижного компонента ФЕ. При этом можно увидеть и различия в использовании грамматических категорий в качестве основы парадигматики и вариантности ФЕ. Поскольку парадигма представляет собой «совокупность всех грамматических значений, представленных у некоторой лексемы или дополнительно приписанных

---

[9] *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956, с. 208.

[10] Последнее обстоятельство оставляет за парадигматически подвижным компонентом возможность лексической вариантности, что широко представлено в русской фразеологии.

ей» [11], то внутреннее устройство парадигматики ФЕ — при любой степени ограничения — базируется на сочетании различных грамматических категорий как основе противопоставления «фразеоформ»: падежа и числа для парадигматики именных ФЕ; наклонения, времени, вида, лица и числа для парадигматики глагольных ФЕ [12]. В отличие от парадигматики вариантность в ФЕ в качестве варьируемого момента, как правило, использует одну какую-либо грамматическую категорию (например, числа — *что есть силы* (*сил*), падежа — *палец* (*пальцем*, *пальца*) *о палец не ударить*) или один какой-либо грамматический способ ее выражения [например, *спиться с кругу* (*круга*)].

Смешанные грамматические варианты представлены в русской фразеологии сравнительно немногими случаями, например: *запустить глаза* [*глазенапы* (*глазенапа*)] — с варьированием парадигматически неподвижного существительного в планах «вин. п.—род. п.» и «ед. ч.—мн. ч.»; *между делом* (*дел*) — с варьированием в планах «твор. п.—род. п.» и «ед. ч.—мн. ч.». Можно отметить также случаи иного типа смешанного варьирования в ФЕ: *бросать* [*кидать*, *пускать*] *камешки* (*камень*) *в огород* — в планах «ед. ч.—мн. ч.» и словообразовательного оформления компонента-существительного; *трепать юбки* [*хвосты* (*хвост*)] — в планах «ед. ч.—мн. ч.» и лексической вариантности [13].

Основным условием вариантности ФЕ является тождество значения вариантов; оборотная сторона этого условия — независимость выбора того или иного варианта от семантики и грамматического контекста. Исследователи отмечают: «В отличие от грамматических форм фразеологического оборота, его варианты позиционно не исключают друг друга» [14]; «Морфологические варианты ФЕ не зависят от контекста, не обусловлены внешними структурными связями; грамматические формы обусловлены и служат

---

[11] *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 30.

[12] См.: *Чепасова А. М.* Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах (Статья 1). — В кн.: Вопросы фразеологии современного русского языка. Челябинск, 1975; *Она же.* Специфика функционирования грамматических категорий во фразеологизмах (Статья 2). — В кн.: Фразеологическая система языка. Челябинск, 1976.

[13] О «смешанных» типах вариантности см.: *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., «Высшая школа», 1980, с. 30—31.

[14] *Чыонг Д. С.* Системность фразеологии. — РЯНШ, 1975, № 1, с. 54.

для выражения отношений и связей ФЕ со словами в предложении» [15]; «От фразеологизмов (однозначных или многозначных), охваченных явлением вариантности, требуется полная взаимозаменимость в любых контекстах» [16].

Это противопоставление элементов морфологической парадигматики и морфологической вариантности ФЕ по признаку наличия/отсутствия связи вариантов с контекстом может служить основой для разграничения форм морфологической парадигматики и морфологических вариантов ФЕ. Так, Фразеолог. сл. рус. яз. приводит ФЕ, в составе которых дается компонент-глагол в формах ед. и мн. числа (один из них — в качестве формального варианта — в круглых скобках). Некоторым из подобных ФЕ свойственна морфологическая вариантность: *что* [*как*] *ни говори* (*ни говорите*), +*как пить даст* (*дадут*) — в них наличествует безразличие выбора ед. или мн. числа к характеристике адресата, ср. пример из Фразеолог. сл. рус. яз.: Вы поэт, так же, как и я; а что ни говори, поэты славные ребята! (Пушкин).

Отличны от приведенных такие, например, ФЕ: ‹*и*› *не говори* (*не говорите*)!; *будь добр* (*будьте добры*) — употребление ФЕ с компонентом-глаголом ед. или мн. числа зависит от контекста, от характера адресата. Следовательно, здесь мы имеем дело не с морфологической вариантностью, а с остаточным действием парадигматики ФЕ: компонент-глагол, будучи закреплен нормой ФЕ в форме повелительного наклонения, сохранил возможность употребления в формах ед. и мн. числа (а для второй ФЕ и в формах муж. и жен. рода в ед. числе). По той же причине не может быть отнесено к морфологической вариантности соотношение разновидностей компонента-местоимения в ФЕ *и иже с ним* (*с ними*).

Остаточное парадигматическое действие категорий рода и числа наблюдается в ФЕ с компонентом — кратким причастием: *как* [*будто*, *словно*, *точно*] *свинцом налита* (*налиты*); +*на лице написан* (*написана*, *написаны*); +*написан* (*написана*, *написаны*) *на роду*.

3. Далее приводится перечень морфологических вариантов, представленных во Фразеолог. сл. рус. яз. Наряду со случаями отмеченной формальной вариантности

---

[15] *Палевская М. Ф.* Указ. соч., с. 23.
[16] *Жуков В. П.* Указ. соч., с. 103.

(круглые скобки в заголовочной части) нами используется прием сопоставления заголовка статьи с формой указания на особенности употребления ФЕ (обозначается в словаре узкими прописными буквами, в нашем тексте — поднятым знаком «плюс»).

В перечне опущены те единицы, которые по характеру употребления, как нам кажется, представляют собой не ФЕ, а слова-наречия, например: *в головы* (*голову*), *по мелочи* (*мелочам*), *на радостях* (*радости*). Мы старались последовательно учитывать критерий независимости употребления вариантов от семантики и контекста. Сокращению перечня способствовало отведение тех случаев, в которых нарушено условие синтаксически конструктивной однотипности ФЕ. Так, здесь не приводятся: *валяться* [*кататься*] *со смеху* (*от смеха*); *играть словами* (*в слова*), *+игра словами* (*в слова*). В первом примере представлены конструкции с разными предлогами — *со* и *от* (хотя и управляющими одним падежом), во втором — различные конструкции («глагол-|-сущ. в твор. п.» и «глагол-|-предлог *в*-|-сущ. в вин. п.»). Их, скорее, можно признать синтаксическими вариантами ФЕ. Не приводятся и смешанные варианты, включающие в себя морфологические варьируемые моменты (см. о них выше).

ФЕ сгруппированы в соответствии с тем, что́ является варьируемым моментом и создает наличие морфологического варианта. В качестве варьируемого момента учитывались: грамматические категории (падеж, число, род), структурно-грамматические категории (полное/краткое прилагательное, степени сравнения, глагольные формы), грамматические способы выражения грамматических значений (падежные окончания, суффиксы сравнительной степени наречий, суффиксы деепричастия).

Такое распределение материала выявило девять типов морфологической вариантности ФЕ (по варьируемым моментам). Внутри каждого типа вариантности примеры расположены в такой последовательности, чтобы были представлены: ФЕ, соотносительные со структурой словосочетания — ФЕ с глагольной парадигматикой, ФЕ с именной парадигматикой, неизменяемые ФЕ; ФЕ, соотносительные со структурой предложения. Десятый тип морфологической вариантности выделен условно — по наличию варьируемых архаичных грамматических форм.

I. ФЕ с варьируемым моментом — категорией падежа:

1) именительный—творительный: как об [в] стенку (стену) горох (горохом);

2) винительный—творительный: видеть на три [на два] аршина под землей (землю); вскидывать глазами (глаза); раскидывать глаза (глазами); пить мертвую чашу (мертвой чашей) [17]; чесать языки (языками); носом (нос) к носу; плечом (плечо) к плечу; вверх тормашками (тормашки); за глаза, +за глазами; разрази [порази] тебя [его, ее, вас, их] гром (громом);

3) родительный—творительный: плыть [уплывать, уходить] между (меж) пальцами (пальцев); сидеть между двух стульев (двумя стульями); роста (ростом) в косую сажень; воды (водой) не замутит;

4) винительный—родительный: дать сдачи (сдачу); дать крюку (крюк); искать вчерашний день (вчерашнего дня); накрутить хвост (хвоста); +нюхать порох (пороху); слоны (слонов) слонять; пальца (палец) в рот не клади; иголку (иголки) негде [некуда] воткнуть; +негде [некуда] голову (головы) приклонить; дай бог память (памяти);

5) винительный—творительный—родительный: палец (пальцем, пальца) о палец не ударить;

6) винительный—предложный: зажимать в кулак (кулаке); стать [встать] на стражу (страже); пара на отлете (отлет); язык на плече (на плечо);

7) родительный—дательный: господин [хозяин] своего слова (своему слову); ума (уму) помраченье.

II. ФЕ с варьируемым моментом — падежными окончаниями компонента-существительного:

1) *-ы//-а* (им. п. мн. ч.): годы (года) вышли;

2) *-а//-у* (род. п. ед. ч.): сбоку припека (припеку); спиться с кругу (круга);

3) *-Ø//-ей* (род. п. мн. ч.): игра не стоит свеч (свечей);

4) *-а//-и* (вин. п. мн. ч.): преклонять колена (колени);

5) *-е//-у* (предл. п. ед. ч.): ни в одном глазу (глазе); хоть бы в одном глазу (глазе).

Сюда же, по-видимому, можно отнести ФЕ *с прохладцей* (*прохладцем*): она воспринимается современным языковым сознанием как случай варьирования падежных окончаний одного слова (компонента-существительного), а не двух

[17] В подобного рода ФЕ варьируется собственно компонент-существительное, которому и уподобляется зависимый (определяющий) компонент.

различных существительных разного рода, факт существования которых (*прохладца* и *прохладец* — Сл. Ушакова, т. 3, стб. 1038) стал достоянием истории.

III. ФЕ с варьируемым моментом — категорией числа: брать <свои> слова (слово) обратно [назад]; ловить на слове (словах); воротить горы (гору); выжимать соки (сок); греть руки (руку); приложить руку (руки) к чему; закидывать [забрасывать] удочку (удочки); играть в молчанку (молчанки); колоть глаза (глаз); набирать силу (силы); наклеивать ярлыки (ярлык); наступать на ногу (ноги); ломиться в открытую дверь (двери); метать громы и молнии (громы-молнии), +метать гром и молнию; навострить [насторожить] уши, +навострить ухо; открывать дверь (двери); стучаться в дверь (двери); открывать Америку (Америки); подносить [преподносить] пилюлю (пилюли); разменивать на мелочи (мелочь); +разрубать [рассекать] гордиев узел (узлы); раскидываться мыслью (мыслями); ставить точки (точку) над *и* [18]; стирать грани (грань); точить [вострить, острить] зубы (зуб); не откладывать дела (дел) в долгий ящик (сюда же, по-видимому, можно отнести ФЕ *сбрасывать* [*скидывать*] *со счетов* (*счета*), ибо современным языковым сознанием различие между обозначениями «приспособления для исчисления» и «денежного документа» не ощущается [19]); шутка шуткой (шутки шутками); пустой звук (звуки); целый короб (коробы); скачкя (скачки) с препятствиями; первые шаги (шаг); тяжел на ногу (ноги); ветер свистит в карманах (кармане); какой ветер занес (какие ветры занесли); +каким ветром (какими ветрами) занесло; живот (животик) подводит, +животы (животики) подводит; +насколько [сколько, куда] хватало глаз (глаза); ухо (уши) режет [дерет]; рука не поднимается (не подымается), +руки не поднимаются (не подымаются); испокон (спокон) века (веков); волею судеб (судьбы); хоть глаз (глаза) выколи [коли]; под замком (замками); по губе (губам), +не по губе (губам); карта бита, +карты биты; в ладу (ладах); не в ладу (ладах); под мышкой (мышками); под мышку (мышки); слов (слова) нет; с первого слова (слов); изо всех сил (силы); что есть силы (сил) [мочи]; +с первых шагов (шага); к черту (чертям) на кулички [рога]; одного [того же] поля ягода

---

[18] Вариант этой ФЕ с компонентом *на* устарел и в современном русском языке не употребляется (см.: *Шварцкопф Б. С.* Поставим все точки над «Е». — РЯНШ, 1971, № 3).

[19] См.: *Шварцкопф Б. С.* Фразеологизм *сбросить со счетов* и его варианты. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 8. М., 1967.

(ягоды); каких (какого) свет [мир] не производил; что [как] ни говори (ни говорите); +как пить даст (дадут); +дуракам (дураку) закон не писан.

IV. ФЕ с варьируемым моментом — категорией рода (мы не включаем сюда ФЕ с варьированием компонента-существительного — оно осуществляется как словообразовательное варьирование, ср.: *искатель* (*искательница*) *приключений* и т. п.):

1) варьируется компонент-прилагательное: казанская (казанский) сирота; +прикидываться казанской (казанским) сиротой. Сюда же следует отнести отсутствующую во Фразеолог. сл. рус. яз. ФЕ *идти на попятный* ‹*двор*› (*на попятную*) (см. выше);

2) варьируется компонент-глагол: +пошла (пошло) писать — особая форма употребления ФЕ *пошла писать губерния*; кондрашка хватил [стукнул], +кондрашка хватила [ударила].

V. ФЕ с варьируемым моментом — формами полных и кратких имен прилагательных и причастий: без малого (мала); на босу ногу, +на босую ногу; не лишнее (нелишне); +длинный (длинен) язычок; слыханное (слыхано) ли дело.

VI. ФЕ с варьируемым моментом — формами степеней сравнения имен прилагательных и наречий:

1) варьирование «положительная — сравнительная степень (наречия)»: вздохнуть свободно (свободнее); высоко (выше) летать;

2) варьирование «положительная — превосходная степень (прилагательного)»: чистой (чистейшей) воды [20]; звезда первой величины, +звезда первейшей величины; +человек [люди] высокого (высшего) полета.

VII. ФЕ с варьируемым моментом — суффиксами сравнительной степени наречий (*-ше//-ее*): ни больше ни меньше (ни более ни менее); не идти дальше (далее); +идти дальше (далее).

VIII. ФЕ с варьируемым моментом — различными глагольными формами. В соответствии со сказанным выше не включены в этот ряд ФЕ, для которых в статье словаря предусмотрено употребление компонента-глагола в формах двух времен, показанное как формальная вариантность (круглыми скобками), ср.: +жизнь висит (висела)

---

[20] По А. И. Молоткову, это — структурно-морфологический вариант с варьированием словообразовательных моделей (*Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, с. 72).

на волоске; +искры из глаз сыплются (сыпались); такие примеры мы квалифицировали как ФЕ с остаточным действием парадигматики. Условию морфологической вариантности (безразличие к семантике, контексту) удовлетворяют те ФЕ, в которых временна́я глагольная форма варьируется с глагольной формой другого наклонения или с инфинитивом; как особый случай здесь можно отметить варьирование компонента-инфинитива с наречием на *-о*:

1) варьирование «временна́я форма изъявительного наклонения — форма повелительного или сослагательного наклонения»:

а) будущее — повелительное: +вожжа под хвост попадет (попади);

б) будущее — сослагательное: комар носа не подточит, +комар носа не подточил бы;

2) варьирование «форма будущего времени — инфинитив»: водой не разольешь (не разлить);

3) варьирование «инфинитив — наречие на *-о*»: от земли не видать (не видно); чуть от [с] земли видать (видно).

IX. ФЕ с варьируемым моментом — суффиксами деепричастий (см. сноску 20): высунув (высунувши, высуня) язык; +не покладывая (не покладаючи) рук; положа (положив, положивши) руку на сердце; +слушать раскрыв [разинув (разиня)] рот; не смигнув (смигнувши).

X. Наконец, как отдельная группа могут быть выделены ФЕ, объединяемые наличием вариантности архаичных морфологических форм или включением таких форм в свойственную этим ФЕ морфологическую вариантность. Сюда относятся ФЕ с варьированием форм:

а) существительных — в нетях (нетех);

б) полных прилагательных — многая (многие) лета; +блаженныя (блаженные) памяти; пускаться во все тяжкие [нелегкие] (во вся тяжка́я); во все тяжкие (во вся тяжка́я);

в) кратких прилагательных — ни синь (синя) пороха;

г) глаголов — ничтоже сумняся (сумняшеся) [21].

4. Из приведенного перечня морфологических вариантов ФЕ видно, что в качестве варьируемых компонентов выступают: имя существительное, имя прилагательное,

[21] По А. И. Молоткову, это — структурно-морфологический вариант с варьированием словообразующих суффиксов (*Молотков А. И.* Указ. соч., с. 73).

наречие, глагол и его причастные и деепричастные формы; при этом решительно преобладает варьирование компонента-существительного, главным образом по категориям падежа и числа [22].

Можно заметить также, что среди типов морфологической вариантности (по варьируемым моментам) в основном (6 из 9) представлены типы с варьированием грамматических и структурно-грамматических категорий (категории падежа, числа, рода; полные/краткие прилагательные и причастия, степени сравнения прилагательных и наречий, глагольные формы — времени, наклонения, инфинитива). И только в трех типах морфологической вариантности оказываются варьирующим моментом грамматические способы выражения грамматических значений (падежные окончания; суффиксы сравнительной степени наречий; суффиксы деепричастий). Характерно, что в двух из этих случаев варьируются грамматические способы выражения тех грамматических и структурно-грамматических категорий, которые в свою очередь сами выступают в качестве варьируемых моментов (ср. типы I и II, VI и VII).

Кроме того, типы морфологической вариантности могут быть разбиты на две группы, противопоставленные друг другу по тому, как соотносятся результаты варьирования (по каждому из варьируемых моментов) с нормативной реализацией возможностей языковой системы (в плане соответствующих грамматической, структурно-грамматической категории или грамматического способа). Так, в морфологических вариантах ФЕ, в которых в качестве варьируемого момента выступает категория падежа, соотношение двух (или трех) падежей обусловлено синтаксическими свойствами управляющего слова. В литературе отмечалось, что «во фразеологизмах, образованных на основе связи управления и примыкания, зависимые компоненты застыли в той или иной форме, диктуемой синтаксической валентностью опорного компонента. . .» [23] Это тем более относится к варьированию компонента-существительного по категории падежа: очевидно, что при глаголе (предлоге, существительном и т. д.) возможна поста-

[22] Ср. иную точку зрения: «В основном именным ФЕ свойственна формальная вариантность по линии грамматических категорий рода, числа, падежа» (*Палевская М. Ф.* Указ. соч., с. 232).

[23] *Чыонг Д. С.* Собственная структура фразеологизма. — РЯНШ, 1976, № 4, с. 72.

новка управляемого слова не в одном падеже, а в двух (или трех).

Тем самым в варьировании компонента-существительного по категории падежа осуществляется заложенная в языковой системе (и закрепленная общеязыковой нормой) двойная (тройная) возможность синтаксической связи данного слова с другим (другими). Эта системная обусловленность приводимых в перечне морфологических вариантов ФЕ может быть легко аргументирована с помощью словарей современного русского языка, например: *под* — предлог с вин. и твор. п.; *вскинуть* (в переносном значении) — *что* и *чем*; *меж* — предлог с род. и твор. п. (книжн.); *между* — с твор. п. и с род. п. (устар.); *накрутить* — *что* и *чего*; *ударить* — *чем*, *что* и (при отрицании) *чего* и т. д.

Системно обусловленными (и нормативными в общеязыковом плане) оказываются также морфологические варианты, в которых варьирование идет по падежным окончаниям, по формам полных/кратких прилагательных и причастий, по степеням сравнения, по суффиксам сравнительной степени наречий, суффиксам деепричастий (типы II, V, VI, VII, IX). Диапазон результатов варьирования по этим признакам в ФЕ и варьирования в соответствующих «свободных» словосочетаниях является общим.

Напротив, при варьировании компонента-существительного в плане категории числа выявляется различие в реализации системных возможностей в «свободных» словосочетаниях и в ФЕ. Если в «свободных» словосочетаниях употребление ед. и мн. числа позиционно противопоставлено и обусловлено семантикой и контекстом, то в ФЕ с варьируемой категорией числа для ряда (перечисленных) ФЕ оказывается возможным безразличное употребление компонента-существительного в ед. и мн. числе; противопоставление «ед. ч.—мн. ч.» в этих случаях является не обусловленным семантически (контекстно) и, следовательно, как несущественное снятым, происходит нейтрализация «ед.» и «мн.». В этом проявилось действие вариантности ФЕ — в направлении расширения границ использования системных возможностей. Такая свобода в употреблении ед. и мн. числа компонента-существительного освящена нормой ФЕ и находится в соответствии с принципами организации ФЕ, со спецификой внутренних отношений между компонентами ФЕ.

Аналогично обстоит дело в очень немногочисленном ряду ФЕ с варьированием компонента-существительного в плане категории рода, где употребление прилагательного или глагола оказывается безразличным к значению рода (или пола). Правда, этот ряд с точки зрения соотношения морфологических вариантов с системой неоднороден: если для *идти на попятный* (*попятную*), *пошла* (*пошло*) *писать*, *кондрашка хватил* (*хватила*) имеет место забвение рода существительного (а подчас и самого существительного, как в первой ФЕ, или его смысла, как в третьей ФЕ), то в ФЕ *казанская* (*казанский*) *сирота* безразличие к выбору рода базируется прежде всего на том, что *сирота* — слово общего рода (возможность при нем определения в муж. и жен. роде).

Очевидно, что сюда же можно отнести также ФЕ с морфологическими вариантами, содержащими архаичные грамматические формы, не мотивированные грамматической системой современного языка.

Таким образом, рассмотренные нами соотношения результатов варьирования в ФЕ и в «свободном» употреблении позволяют выделить две четко противопоставленные группы типов морфологической вариантности ФЕ: 1) с диапазоном варьирования, совпадающим с варьированием языковых единиц в «свободном» употреблении (типы I, II, V, VI, VII, IX), и 2) с диапазоном варьирования, превышающим варьирование языковых единиц в «свободном» употреблении (типы III, IV, X).

Следовательно, структура нормы в сфере морфологической вариантности ФЕ оказывается изоморфной структуре нормы в сфере морфологической парадигматики ФЕ: в обоих случаях обнаруживаются два уровня нормы, на первом из которых границы использования системных возможностей «свободного» употребления и ФЕ совпадают, а на втором, собственно фразеологическом, — не совпадают (имест место специфическая для фразеологии «дополнительность» действия нормы). На этом уровне характер действия нормы ФЕ в сферах морфологической парадигматики (в плане обеспечения выражения грамматических значений) и морфологической вариантности (в плане создания избыточности в выражении грамматических значений) принципиально различен, разнонаправлен: н а к л а д ы в а н и е д о п о л н и т е л ь н ы х о г р а н и ч е н и й — с н я т и е о г р а н и ч е н и й на системные возможности.

Действуя разнонаправленно, морфологическая норма ФЕ регулирует в целом парадигматическую структуру ФЕ [24]. Тем самым становится ясным, что описание морфологической нормы ФЕ должно включать в себя описание как морфологической парадигматики, так и морфологической вариантности ФЕ.

Сказанное позволяет думать, что характеристика языковой нормы — как ограничения (системы ограничений) на возможности системы языка — в такой специфической сфере, как фразеология, недостаточна, т. е. не учитывает специфики последней. Мы стремились показать, что морфологическая норма ФЕ, осуществляя регулирование морфологического аспекта ФЕ, реализуется и как дополнительное накладывание ограничений на использование системных возможностей (в морфологической парадигматике ФЕ), и как снятие ограничений на использование системных возможностей (в морфологической вариантности ФЕ).

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ЖИВАЯ НОРМА СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА

А. А. Брагина

Сочетания слов, как известно, могут быть закрепленными традицией, т. е. устойчивыми, фразеологизированными. Их значение нельзя определить, истолковывая каждое слово в отдельности. Не смог понять старый чиновник Иван Афанасьевич смысла французской записки, посланной его дочери Настеньке: . . . в письме, очевидно, было более слов, чем дела. Тут говорилось о небе, о звездах, *о государствах неба* (puissance du ciel), о цветах души, о каком-то идеале. . . о совершенной бессмыслице. Иван Афанасьевич пожимал плечами, протирал глаза, потом, отыскивая какое-то небывалое слово, нагнул голову на лексикон и мало-помалу начал засыпать (В. А. Соллогуб, Старушка).

Странное сочетание *о государствах неба* автор, выделяя комизм ситуации, сопровождает французским эквивален-

[24] См.: *Чыонг Д. С.* Системность фразеологии, с. 58.

том puissance du ciel, столь буквально и простодушно переведенным Иваном Афанасьевичем. Между тем французское слово puissance — это и государство, и держава, и могущество. . . Французскому сочетанию puissance du ciel соответствовали привычные для XIX в. эквиваленты *могущество небес*, *сила небес*, *воля небес*. Вспомним строки из письма Татьяны к Онегину (а Настенька была современницей Татьяны):

Другой! Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в высшем суждено совете. . .
То воля неба: я твоя. . .

(*Пушкин, Евгений Онегин*)

Словосочетаемость эпохи существует на страницах литературы как дыхание времени, как примета умонастроения и эмоционального выражения. Готовый образ, тип фразы, словосочетания служат фундаментом для «построений, потребных говорящему или пишущему, но сами они в закостенелом виде „даны“ традицией»[1]. Это наблюдение Э. Сепира отмечено В. В. Виноградовым как «тонкое замечание»[2].

В. В. Виноградов неразложимым словосочетаниям дает еще более яркое имя — сравнение: «археологические пережитки предшествующих стадий языкового развития»[3]. Однако языковые «окаменелости» и «археологические пережитки» проявляют способность варьироваться, изменяя и смысл, и лексический состав, и структуру. Виноградов выделяет вопрос о разных формах взаимодействия и взаимообусловленности лексических и грамматических явлений в структуре разных фразеологических групп, вопрос, поставленный еще А. А. Шахматовым, но не разрешенный им[4].

А. А. Шахматов отметил также очень интересное языковое явление: «. . .сочетание определяемого слова с определением во многих случаях стремится составить одно речение». Но тут же ученый добавляет: «. . . большею

---

[1] *Сепир Э.* Язык. М.—Л., 1934, с. 30.
[2] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В кн.: Академик А. А. Шахматов. М.—Л., 1947, с. 342.
[3] Там же, с. 339.
[4] Там же, с. 340.

частью оба члена сочетания, благодаря, конечно, их ассоциации с соответствующими словами вне данных сочетаний, сохраняют свою самостоятельность» [5]. Эту мысль развивает В. В. Виноградов, обращая особое внимание на две противоборствующие тенденции в жизни фразеологизмов: «В языке происходит постоянное столкновение аналитических тенденций, направленных на расчлененное понимание словосочетания, и тенденций синтетических, ускоряющих переход фразеологического сочетания в фразеологическое единство» [6]. И далее констатирует обычный в речевом процессе факт: «Живая языковая практика тяготеет к непосредственному охвату целостного значения словесной группы и ее традиционной формы» [7].

В повести Ю. Нагибина «Чужая» в одном из эпизодов речь идет о собаке — охотничьем псе Ромке и его новой хозяйке: «Вера Дмитриевна была к *псу* не просто неприметлива. . . — Мы забыли миску, — рассеянно сказала Вера Дмитриевна.— Да есть у него тут миска! — вскричал Кунгурцев, подчеркнув, что Ромка *свой человек в доме*». Вера Дмитриевна впервые гостит у Кунгурцевых, а пес Ромка здесь бывал часто, и он привык к дому Кунгурцевых, и к нему привыкли. Сочетание *свой человек в доме* как нельзя лучше передает общий смысл 'свой, наш, здесь его знают, любят'. Но слово *человек* в составе фразеологизма все же по отношению к псу вырывается из семантического единства, и создается своеобразный комический эффект.

Как бы ни были семантически спаяны слова во фразеологизме, их соединение обычно мотивировано, если не в синхронии, то в диахронии. Но если последние раскрывают свою мотивированность лишь благодаря лингвострановедческому и даже сравнительно-историческому анализу [8], то первые доступны семантическому анализу в пределах языковой системы в данный синхронный период. Именно эти м о т и в и р о в а н н ы е устойчивые

---

[5] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. М.—Л., 1941, с. 308.

[6] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 363.

[7] Там же (со ссылкой на статью: A. Сеше: *Sechehaye Alb.* Locutions et composées. — Journal de psychologie [s. a.], XVIII, p. 654 et suiv. Оттиск).

[8] См., например: *Виноградов В. В.* Из истории русской лексики и фразеологии (Из истории выражения «перемывать косточки»).— Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1954, № 6.

словосочетания представляют особый интерес для исследователя языка (лексиколога и лексикографа).

Как известно, «большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. . . Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений»[9]. Многие из более поздних исследователей фразеологии, хотя и подчеркивают воспроизводимость фразеологизмов как «готовых (а не речеконструируемых) оборотов»[10], настаивают на том, что в воспроизводимости фразеологизмов и в воспроизводимости свободных словосочетаний «наблюдаются и сходные моменты»[11].

Наиболее ощутимыми, ясными из всех семантических связей представляются связи синонимические и антонимические, ср.: *легкий* — это *невесомый*, *легковесный*, *воздушный*, *эфирный*; противоположен по значению ряд *тяжелый*, *тяжеловесный*, *нелегкий*, *грузный*. . . Синонимические и антонимические связи проясняют основные значения, выявляют их различия и сближения, помогают очертить круг возможных употреблений, выявить объем общего значения слова — основу различных модификаций, семантических движений.

Определение *тяжелый* многозначно, и почти во всех своих значениях оно противостоит определению *легкий*. И возникшие в речевой практике и закрепленные нормой устойчивые сочетания *тяжелая ткань*, *тяжелая атлетика*, *тяжелая индустрия*, *тяжелые металлы*, *тяжелый день*, *тяжелые мысли* противостоят сочетаниям *легкая ткань*, *легкая атлетика*, *легкая промышленность*, *легкие металлы*, *легкий день*, *легкие мысли*. Именно семантическая связь слов создает беспредельные возможности фразеологических вариаций, на основе нормативных устойчивых оборотов — окказиональные, ситуативные «подстановки».

Вот как «модифицирует» постоянное словосочетание *тяжелый воздух* К. Паустовский: «Еще издали, подбегая к избе, она увидела деда Кузьму. Он вышел из избы, сидел на завалинке. . . — Ну вот, — сказал дед, — ты, вертушка, выскочила из избы, позабыла дверь затворить, и

---

[9] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 360.

[10] См., например: *Ройзензон Л. И.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973, с. 109.

[11] Там же, с. 112.

продуло всю избу *легким воздухом*. И сразу болезнь меня отпустила. . .» (Стальное колечко). Четкая аналогия *легкий воздух — тяжелый воздух* на базе общеязыковой антонимической пары *легкий — тяжелый* и синонимического ряда *тяжелый, спертый* ставит индивидуальное, окказиональное словосочетание *легкий воздух* в оппозицию общеязыковому фразеологизму *тяжелый воздух*. Происходит своеобразное развитие в антонимическом противопоставлении *тяжелый — легкий* новых семантических связей. Значение определения *тяжелый* здесь это 'спертый (воздух)'. Антоним *легкий* получает в этой оппозиции синоним *свежий*, расширяет свое значение:

«Узловое» слово пересекающихся синонимических рядов и антонимических противопоставлений *тяжелый* «заражает» своей многозначностью. Переносные осмысления и противопоставления накладываются на основные (*спертый — тяжелый — легкий — свежий*). Раскрывается и многозначность и семантический фон каждого из значений: *тяжелый* на фоне *легкий* и *тяжелый* на фоне *спертый*. Такой фон слова *тяжелый* позволяет расширить фон и антонима *легкий*: *легкий — тяжелый, легкий — спертый* (воздух). Открываются возможности новых осмыслений на фоне старых, системных, принятых и оберегаемых нормой [12].

Не менее интересно противопоставление *широко — узко* во фразеологических трансформациях, индивидуальных, но коммуникативно открытых. Посмотрим, как создает М. Шолохов окказиональный «фразеологизм» *жить узко*: «Изредка, в большие праздники любил Сергей Платонович пустить пыль в глаза: созывал гостей и угощал дорогими винами, свежей осетровой икрой, ради этого случая выписанной из Батайска, лучшими закусками. В остальное время *жил узко*» (Тихий Дон). Так возникает антонимичное окказиональное словосочетание *жить узко* благодаря постоянному системному противопоставлению *широко* —

[12] См.: *Будагов Р. А.* Закон многозначности слова. — В кн.: Будагов Р. А. Человек и его язык. 2-е изд. М., 1976, с. 236 и след.

узко, хранимому в «языковой памяти». Синонимизация фразеологизма *жить широко*, семантически монолитного (*жить без расчета*, *жить на широкую ногу*), и противопоставление его (*жить расчетливо*, *жить скаредно*) проходят как бы на фоне расчлененного сочетания и семантических связей этих частей в языковой системе: *широко — узко* [13].

Возьмем теперь еще одно устойчивое словосочетание и обратим внимание на модификацию, как семантическую, так и грамматическую. Известно выражение *аппетит приходит во время еды*. Но в устах гоголевского Хлестакова оно обретает «обратный смысл»: «Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит — нет, черт возьми, не проходит» (Гоголь, Ревизор). Комизм ситуации и словесного образа *не пройдет ли аппетит* строится на противопоставлении *аппетит приходит . . . — не пройдет ли аппетит*. Как видим, противопоставление выражений обусловлено противопоставлением динамики видо-временных категорий, наклонений, положительной и отрицательной форм глаголов (*приходит — не пройдет ли*).

Грамматические формы могут на первый взгляд оставаться идентичными, совпадающими, а смысл сочетания резко отличным: «. . . вспоминая все, что было в Мехико, мы должны, проявляя не временное, а постоянное олимпийское беспокойство, вести советский спорт на новые высоты» (А. Софронов, В. Викторов, Мексиканская симфония. — Огонек, 1968, № 45, с. 32). Сочетание *олимпийское беспокойство*, казалось бы, противостоит выражению *олимпийское спокойствие* ‘невозмутимое спокойствие богов на Олимпе’. Но это только внешнее созвучие, так как новая модификация отходит от смысла общеизвестного выражения: *олимпийское беспокойство* — это беспокойство, ответственность перед олимпиадой, спортивными играми. Совпадение определений *олимпийское* от *Олимп* и *олимпийское*, соотносимое с *олимпиада*, представляет ряд омонимов. Определяемые *спокойствие — беспокойство* можно рассматривать как ряд однокоренных антонимов. Общность звуковой оболочки позволяет строить выразительный антонимичный образ, игру слов.

---

[13] Ср. также семантические движения в рядах космических терминов *мягкая посадка — жесткая посадка* и др. (*Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., 1973, с. 62—65, 72).

Грамматическая форма, как и лексическая «наполняемость» фразеологизма, подвижна. Ее трансформации могут быть явными (*приходит — не пройдет ли*) и внутренними (*олимпийское*), парадигматического и семантического характера. Следуя эксперименту А. Ф. Кони, попробуйте, однако, «переставить слова в народном выражении „кровь с молоком" и сказать „молоко с кровью"»[14]. Фразеологизм разрушен, обессмыслен, как бессмысленно было бы *комоло* вместо *молоко*. В таких случаях фразеологический монолит приравнивается к слову и его семантические связи в языковой системе реализуются в синонимическом ряду лексем: *кровь с молоком — румяный — краснощекий — розовощекий — разрумянившийся — румянец во всю щеку; кровь с молоком — упитанный — здоровый*[15].

Грамматическая форма фразеологизмов, синтаксические связи во фразеологических сочетаниях, хотя и соответствуют живым нормам современного словосочетания, воспроизводятся по традиции: «. . . грамматическое расчленение фразеологизма ведет к познанию этимологической природы этих сочетаний»[16]. Это справедливое и глубокое по смыслу утверждение В. В. Виноградова не противоречит демонстрируемому процессу семантической — лексической и грамматической — модификации фразеологизмов. Напротив, это утверждение позволяет истолковать еще одно интересное явление в жизни фразеологизмов: семантическую полноценность усеченных фразеологизмов.

Явление усечения, «экономии» языковой формы фразеологизма связано с семантической конденсацией (смысл целого сочетания в его части): «Говорят в народе, что с годами узнаешь, *почем фунт лиха*.

Лихо мы избыли, зато знаем, *почем фунт хлеба*, *почем* строка, написанная так, чтобы она осталась, *почем* кусок угля, *почем* боль обожженных в работе рук. . .»[17] Словесный образ *почем фунт лиха* конденсируется в отдельных частях и отдельных словах фразеологизма: *почем фунт*

---

[14] См. об этом: *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1960, с. 19.

[15] См. об этом подробнее: *Брагина А. А.* Синонимический ряд: словосочетание — слово. — В кн.: Новые слова и словари новых слов. Л., 1978.

[16] *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, с. 364.

[17] *Шкловский В.* Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1959, с. 575.

(хлеба) — *почем* (строка, кусок угля, боль). В научной литературе такие усечения называют фразеологическими осколками, а отдельное слово из фразеологизма в свободном парадигматическом изменении — н а м е к о м, определенной стилистической фигурой [18].

Однако представляется очень важным отметить семантические процессы в результате усечения фразеологизма и роль традиционной грамматической формы. Главное заключено в том, что и отдельное слово и усеченная часть фразеологизма являются конденсаторами всего семантического объема, заключенного в полном фразеологизме. В словосочетании *почем фунт лиха* слова *фунт* и *лихо* уже устарели. Они воспринимаются в традиционном единстве, хотя подчиняются живой норме современного словосочетания и грамматически членятся. За словом *почем* (почем строка, почем боль) стоит значение 'почем фунт лиха'. И только такая семантическая полнота при формальном усечении позволяет создавать новые образные выражения, сохранять коммуникативность и экспрессию[19]. Семантическую полноту обусловливает ощущение полной традиционной грамматической формы. Именно традиционная спаянность, цепкость грамматической формы, само ощущение «осколка» (часть целого!) позволяют новые трансформации, варианты, паращения смысла, «намеки».

В устойчивом фразеологическом сочетании, конечно, преобладает семантическая монолитность, но важна и структура сочетаний. Значение формы обнаруживается и в сопоставительном плане, в переводе фразеологизмов с языка на язык. Грамматическая форма раскрывает здесь своеобразную коннотативность, присущую только одному из языков, временну́ю ограниченность, стилевую маркированность. Английскому словосочетанию red at the insult буквально соответствует 'красный от оскорбления'. Но эта дословная и структурная калька возможна как неповторимый образ. В нормативном употреблении в русском языке предложенный оборот не существует (возможно: *красный от стыда*, *изумления*, *смущения*, *злобы*, *натуги*, *напряжения*, *жары*, *мороза*; *красный как рак*, *кумач*, *пеон — от стыда*, *изумления*. . .). Здесь следовало бы

---

[18] См. об этом: *Ройзензон Л. И.* Указ. соч., с. 116—117.

[19] См. об этом подробнее: *Будагов Р. А.* Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — В кн.: *Будагов Р. А.* Человек и его язык. М., 1974; 2-е изд. М., 1976.

свободное описание: 'Был оскорблен и от возмущения, напряжения, стыда, от изумления покраснел, стал красным. . .' Или еще один пример: broad of shoulders 'широкоплечий'. В русском языке есть и структурно однотипный оборот: *широк в плечах* или *косая сажень в плечах*. Но здесь нет стилевого соответствия. Каждый из синонимов имеет свою стилевую, временну́ю окраску, выраженную лексически и грамматически (*широкоплечий — широк в плечах — косая сажень в плечах*).

Язык развивается на всех своих уровнях. Развивается, как мы стремились показать, и фразеологизированная лексика, фразеологизированные словосочетания — «окаменелости», «археологические пережитки». Это парадоксальное на первый взгляд положение оказывается обоснованным самой языковой системой, подвижностью языковой нормы, ее динамичностью [20].

1. В функционировании фразеологических единиц оказываются существенными семантические отношения в самой языковой системе данного языка. Тенденции — синтетическая и аналитическая — в словесном выражении обусловливают и традиционную «монолитность» и подвижность словесного образа.

2. Окказиональные, ситуативные требования вызывают трансформацию традиционно сложившихся словосочетаний. Коммуникативность и выразительность модификаций опираются на живую норму, на системную связь словесных значений (*тяжелый — легкий — свежий воздух*).

3. Грамматическое членение опирается на семантические и ассоциативные связи или противопоставления (*пес — свой человек в доме*). Живая семантика слова втягивает фразеологизм в различные лексико-семантические отношения: полисемичные (*государства неба — воля неба*), синонимические и антонимические (*тяжелый — спертый ↔ свежий — легкий воздух*), омонимические (*олимпийское* беспокойство — *олимпийское* спокойствие).

4. Грамматическая неразложимость, традиционная спаянность позволяют фразеологизму сохранять значение целого в части. Традиционная «цепкость» грамматической

---

[20] *Будагов Р. А.* Устойчивость языковой нормы и развитие языка.— В кн.: Третий Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы. Варшава, 1976; см. также: *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980, с. 13, 19.

формы обеспечивает семантическую целостность, конденсацию значения полного фразеологизма в усеченной части.

5. Модификации фразеологических, устойчивых словосочетаний демонстрируют единство существования языка: «язык — система», «язык — норма» и «язык — развитие».

К ТИПОЛОГИИ ФОРМАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЫ

В. А. Ицкович, Б. С. Шварцкопф

1

Вопрос об отклонениях от нормы в области фразеологии современного русского языка неоднократно затрагивался в работах советских исследователей обычно в качестве сопутствующего исследованию других проблем фразеологии [1]. В статье делается попытка рассмотреть этот вопрос отдельно и дать теоретическое обоснование для описания типологии отклонений от нормы при функционировании фразеологического состава современного русского языка (применительно к фразеологическим единицам — словосочетаниям). В качестве рабочего определения единицы фразеологического состава языка принимается следующее: это устойчивое сочетание двух (или более) полнозначных слов, обладающее в плане содержания фиксированным общим значением, не тождественным сумме значений всех составляющих, а в плане выражения — фиксированными компонентным составом и грамматической структурой (включая в последнюю и акцентную характеристику фразеологической единицы — ФЕ) [2].

В основу типологии отклонений от нормы ФЕ могут быть положены следующие теоретические соображения.

---

[1] См., например, общие описания фразеологии современного русского языка: *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970; *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.

[2] См.: *Шварцкопф Б. С.* Единица фразеологического состава языка и норма. — В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 154.

1. Отклонения от нормы ФЕ должны рассматриваться в связи с теоретическим пониманием сущности нормы применительно к ФЕ.

А. Особенности фиксированного характера ФЕ позволяют видеть специфику нормы ФЕ в двойном ограничении реализации системных возможностей единиц, входящих в качестве компонентов в состав ФЕ («ограничение ограничений»), а в структуре нормы ФЕ — два уровня ограничений (совпадающий с соответственными «свободными» языковыми единицами и дополнительный, собственно фразеологический) [3]. Это имеет следствием понимание сущности отклонения от нормы ФЕ как снятия ограничения (ограничений), диктуемого (диктуемых) нормой ФЕ.

Б. Структура нормы ФЕ отражает сложный характер организации ФЕ как поля взаимодействия различных уровней языковой иерархии; норма ФЕ регламентирует употребление всех разноуровневых элементов организации ФЕ. Следовательно, «ограничение ограничений» выступает как нормообразующий принцип ФЕ на всех соотносительных с нею уровнях (аспектах организации ФЕ).

2. Очевидно, что норма, фиксируя все параметры традиционного употребления, выступает как точка отсчета при рассмотрении отклонений от нормы ФЕ. Фиксация параметров «дозволенного» очерчивает как бы внутреннюю границу нормы ФЕ; тем самым «проявляется» демаркационная полоса, за пределами которой конкретное употребление ФЕ должно рассматриваться как нарушение нормы. Эту демаркационную полосу [4] можно интерпретировать теоретически — как диапазон варьирования границ нормы [5], а практически — как конкретные пути отхода от параметров нормативного употребления ФЕ [6].

---

[3] Там же, с. 158—160; *Шварцкопф Б. С.* Морфологическая парадигматика фразеологической единицы и норма. — В кн.: Грамматика и норма. М., 1977.

[4] Именно демаркационную полосу, а не линию; ср. понятие «серая зона» в работе: *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы. 1—3. — В кн.: Синтаксис и норма. М., 1974, с. 105—106.

[5] См.: *Семенюк Н. Н.* Некоторые вопросы изучения вариантности. — ВЯ, 1965, № 1; *Кожухарь Д. А.* Значение лабильности контуров языковой нормы. — В кн.: Résumés des communications. X. Congrès international des linguistes. Bucareşt, 1967.

[6] См.: *Шварцкопф Б. С.* О «внешней границе» нормы фразеологизма. — Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. 277. Вопросы фразеологии. VII. Самарканд, 1976.

Таким образом, отклонение от нормы ФЕ выступает как сумма всех возможных реальных путей снятия традиционных для данной ФЕ ограничений. Мы рассматриваем отклонения от нормы ФЕ как процесс, который может быть описан через механизм конкретных путей отхода от нормы данной ФЕ в данном тексте.

Этот механизм в общем виде можно охарактеризовать как преобразование (в смысле У. Росса Эшби [7]): оно охватывает все множество конкретных путей снятия традиционных ограничений для каждой данной ФЕ. Конкретное «преобразование» является той единицей анализа, в которой может быть дано описание сферы отклонений от нормы ФЕ в тексте, если мы хотим получить ответ на вопросы: какие параметры конкретной ФЕ и каким способом перестраиваются в процессе отклонения данной ФЕ от (параметров) нормативного употребления?

В статье рассматриваются формальные преобразования ФЕ [8]. Такая постановка вопроса предполагает наличие неких формально выраженных показателей, которые позволяют судить о процессе отклонения от нормы ФЕ путем сопоставления нормативной ФЕ («образца») и представленной в тексте ее ненормативной реализации (результата формального преобразования ФЕ). Рабочее определение такого преобразования: это формально выраженное (имеющее формально выраженный показатель) изменение одного из параметров ФЕ в тексте. (Отметим, что отклонение от нормы ФЕ в тексте обычно бывает связано с преобразованием какого-либо о д н о г о аспекта ее организации, подобно механизму вариантности ФЕ, в котором, как правило, имеет место снятие специфически фразеологического ограничения на один параметр ФЕ [9].)

Сам факт, что мы имеем дело с формальным преобразованием ФЕ в тексте, обнаруживает взаимосвязь между понятиями «формальное преобразование ФЕ» и «аспект (уровень) организации ФЕ». Дело в том, что механизм формального преобразования (параметра) данной ФЕ не свойствен процессу отклонения от нормы ФЕ на семанти-

---

[7] См.: *Росс Эшби У.* Введение в кибернетику. М., 1959, с. 25—26.

[8] Ср. разграничение индивидуально-авторских отклонений от нормы «в семантике фразеологизма» и «в форме фразеологизма» (*Молотков А. И.* Указ. соч., с. 192, 196).

[9] В связи с последним см. в этом же сборнике: *Шварцкопф Б. С.* Морфологическая норма фразеологической единицы и вариантность.

ческом и стилистическом уровнях организации ФЕ, на которых отклонение от нормы ФЕ реализуется как несочетаемость данной ФЕ с соответствующими характеристиками текста (контекста). Ср., например: Кто видел этот спектакль, тот не может не согласиться со мной, а кто не согласен, *тому*, как говорится, *земля пухом* (Ю. Герман, О Мейерхольде); Артисту, предположим, нужно сказать: «Настоящая любовь не каждому суждена. А те, кто мирится с суррогатами, — что ж, *да будет им земля пухом*. . .» Как говорится, «не Флобер», но нормальная фраза (Ю. Герман, Дело, которому мы служим. . . — Сов. культура, 1964, 18 июня) — при несоответствии содержания текста отнесенности поговорки к покойнику; История шахмат создавалась по строчке, по буковке шахматистами десятков поколений, к ней *приложили руки* корифеи, чье творчество определило пути и принципы мудрейшей из игр. . . (Моск. правда, 1969, 13 мая) — при несоответствии содержания текста подчеркнуто отрицательному отношению, выражаемому в значении ФЕ *приложить руку* (*руки*) «быть причастным к чему-либо, обычно предосудительному, принять участие в чем-либо предосудительном».

Сказанное свидетельствует об отсутствии формальных преобразований ФЕ в тех случаях, когда отклонение от нормы ФЕ связано с категорией текста и основано на несовместимости членов оппозиции «(кон)текст — ФЕ». Напротив, механизм формального преобразования (параметра) данной ФЕ в тексте свойствен процессу отклонения от нормы ФЕ, реализуемому на следующих уровнях организации ФЕ: лексический (компонентный); синтаксический, морфологический, словообразовательный; акцентный. Такого рода отклонение от нормы ФЕ есть не что иное, как формальное преобразование (параметра) данной ФЕ в тексте; в его основе лежит оппозиция «ФЕ (данная ФЕ, взятая в ее норме как «образец») — $ФЕ_{п}$ (та же ФЕ в преобразованном виде — в ее ненормативной реализации в данном тексте)».

Прежде чем перейти к описанию типов формального преобразования, присущих механизму отклонения от нормы ФЕ на различных уровнях организации ФЕ, необходимо оговорить следующие существенные обстоятельства:

1. Принято различать два типа отклонений от нормы (как ФЕ, так и других языковых единиц): 1) непредна-

мерение — не программируемое говорящим (пишущим), возникающее спонтанно в процессе речи как следствие невладения/неполного владения нормой литературного языка и потому не осознаваемое говорящим (пишущим), и 2) преднамеренное — программируемое говорящим (пишущим), создаваемое им в процессе речи осознанно для достижения стилистического эффекта, так называемое обыгрывание ФЕ в художественных целях (ср. замечание Л. В. Щербы об «особой прелести обоснованных отступлений от нормы»). Рассматривая типы отклонений от нормы ФЕ, мы опираемся на материал непреднамеренных, неосознанных отклонений от нормы. Однако — поскольку мы описываем отклонения от нормы ФЕ как процесс, сводимый к формальным преобразованиям ФЕ, — следует подчеркнуть, что механизм формальных преобразований является общим для обоих типов отклонений от нормы [10] (и, следовательно, строя типологию непреднамеренных отклонений от нормы, мы тем самым в принципе строим и формальную типологию преднамеренных отклонений от нормы ФЕ).

2. Рассматривая непреднамеренные отклонения от нормы ФЕ, следует иметь в виду, что они могут быть двоякого рода [11]. В одних случаях это отступления от нормы литературного языка в иные — нелитературные, некодифицируемые — сферы употребления современного русского языка (просторечную, жаргонную, диалектную), обладающие своими нормами, отличными от литературных норм; такая модификация ФЕ санкционируется нормами другой функциональной сферы. Тем самым подобные отступления носят функциональный (характерологический) характер (противопоставление традиционных и нетради-

[10] Ряд формальных преобразований — при осознанном отклонении от норм ФЕ в поэтической речи — описан в работе: *Бакина М. А.* Общеязыковая фразеология как выразительное средство современной поэзии. — В кн.: Некрасова Е. А., Бакина М. А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М., «Наука», 1982. В этой работе рассматриваются: модификация морфологической формы компонента, инверсия, эллипсис, замена компонента его общеязыковым или контекстуальным синонимом (а также антонимом), так называемое контекстуальное расширение границ ФЕ, синтаксическое расширение окружения ФЕ.

[11] См.: *Шварцкопф Б. С.* Единица фразеологического состава языка и норма, с. 172. Ср. разграничение функциональных и нефункциональных (неоправданных) отклонений от фразеологической нормы в работе: *Mlacek J.* O norme vo frazeológii. — In: Z teórie spisovného jazyka. Bratislava, 1979, s. 131.

ционных реализаций возможностей системы). В других случаях мы имеем дело с нарушением языковой нормы, с собственно языковой ошибкой: модификация ФЕ нарушает закономерности функционирования, запрограммированные структурными свойствами ФЕ как класса языковых единиц. Тем самым нарушение нормы ФЕ затрагивает внутрисистемные связи и закономерности фразеологического состава языка [12].

В описании типов отклонений от нормы — формальных преобразований ФЕ в настоящей работе рассматриваются отклонения второго рода.

3. Можно разграничить два типа путей отхода от нормы ФЕ: 1) внутриединичный — когда механизм такого отхода затрагивает только одну, данную ФЕ, и 2) межъединичный — когда механизм такого отхода затрагивает две ФЕ одновременно (наиболее типичная разновидность второго — процесс контаминации [13]).

4. При описании механизма отклонения от нормы следует учитывать также квантитативный аспект формальных преобразований ФЕ. Исследование количественного варьирования компонентного состава ФЕ показало его отличие от других типов варьирования ФЕ и несводимость его к этим другим типам [14]. При различных по механизму отклонениях от нормы изменение количественно-компонентной характеристики рассматриваемых ФЕ выступает как побочный продукт формальных преобразований ФЕ (ср. хотя бы соотношение предложных и беспредложных конструкций). Это позволяет при анализе формальных преобразований вводить подчиненную основному способу преобразования графу «количественно-адекватный — количественно-неадекватный», не влияющую на характеристику основного механизма отклонения от нормы ФЕ.

---

[12] Ср. выделяемые Ю. А. Бельчиковым три типа норм и отклонений от них в работе: *Бельчиков Ю. А.* О нормах литературной речи. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 6. М., 1965.

[13] См.: *Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С.* О контаминации и смежных с нею явлениях. — В кн.: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Сб. статей. М., 1971.

[14] См.: *Телия В. Н.* О вариантах протяженности идиом. — В кн.: Система и уровни языка. М., 1969.

Исходя из сказанного, далее дается описание типов формальных преобразований различных аспектов (уровней) организации ФЕ, — преобразований, составляющих механизм отклонения от нормы ФЕ.

Формальные преобразования лексического (компонентного) уровня организации ФЕ могут быть представлены в виде табл. 1.

Таблица 1

Тип формального преобразования			Механизм формального преобразования
I.	Внутриединичный	А. Количественно-адекватный	Замена лексического компонента ФЕ другой лексемой в тексте
		Б. Количественно-неадекватный	Лексический эллипсис (опущение компонента лексического состава ФЕ в тексте)
II.	Межъединичный		Контаминация в различных комбинациях лексических компонентов двух ФЕ в составе их модификации, представленной в тексте

IA. В качестве основного механизма внутриединичного типа формального преобразования лексического уровня организации ФЕ выступает замена фиксированного нормой ФЕ лексического компонента другой лексемой в тексте. Механизм формального преобразования в рассматриваемом случае основывается по существу на внутрисистемных отношениях в лексике; компонент ФЕ может заменяться: а) его языковым синонимом, б) контекстным синонимом, в) членом одного тематического ряда, г) антонимом, ср.:

а) *играть главную скрипку* — вм. *первую*; Верткий, быстрый, техничный, он был *ведущей скрипкой* в нападении (Сов. спорт, 1969, 11 марта) — вм. *первой* [15];

[15] Подробнее о формальных преобразованиях ФЕ *играть первую скрипку* и *первая скрипка* см.: *Шварцкопф Б. С.* О «внешней границе» нормы фразеологизма; примеры взяты оттуда же.

б) . . .он был *не последней скрипкой* в этой шайке (Н. Леонов, Приступаю к задержанию, гл. 7);

в) *ставить точки над е* (*ё*) — вм. *над і*; *третья//седьмая//десятая спица в колеснице* — вм. *пятая спица в колеснице* [16];

г) Косарь почувствовал, что. . . знает далеко не все, что в экипаже он — *последняя скрипка*. . . (Нева, 1971, № 9, с. 8).

Особый случай рассматриваемого механизма формального преобразования составляет возможность замены грамматически стержневого компонента на лексему, синонимичную всей ФЕ, например: Для его *осуществления в жизнь* приходится прилагать немало усилий. . . (Знамя труда, 1968, 18 янв.) — ср. значения *претворить в жизнь* и *осуществить*.

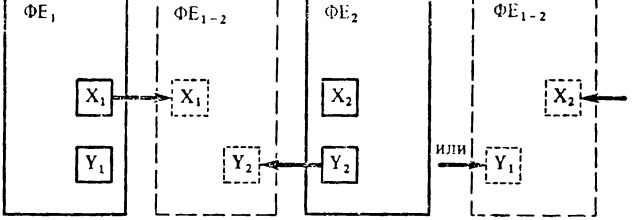
IБ. Степень спаянности элементов ФЕ (поглощение части целым) такова, что выражению общего значения преобразованной таким способом ФЕ не препятствует не только варьирование или замена одного из компонентов, но даже и выпадение одного из компонентов лексического состава ФЕ в тексте (о синтаксическом эллипсисе ФЕ в тексте см. тип Д в табл. 2). Такое эллиптическое употребление ФЕ выступает также как механизм внутриединичного формального преобразования лексического уровня организации ФЕ, ср.: [Таиров] — Давайте *раскинем* — почему «Патетическая соната» нравится нам. . . (М. Жаров, Жизнь и роль) — вместо *раскинуть умом, мозгами*.

Следует обратить внимание на то, что не включается в число формальных преобразований лексического уровня, ведущих к отклонению от нормы ФЕ, такое, механизм которого характеризуется не усечением, а, напротив, расширением компонентного состава ФЕ. В рассматриваемом аспекте такое преобразование имеет место, но без отклонения от нормы ФЕ: в результате данного преобразования сформировался ряд лексических вариантов ФЕ, несущих — по отношению к основному компонентному составу — функцию усиления (подчеркивания) смыслового содержания ФЕ. См. наиболее типичный в этом плане случай — усиление содержания ФЕ с помощью использования компонентов-числительных: *гнуть в дугу* [*в три дуги*]; *драть* [*сдирать*] *шкуру*, *+драть две* [*три*] *шкуры*,

[16] См.: РЯНШ, 1971, № 3; 1970, № 1.

+драть семь шкур; *спустить шкуру*, *+спустить три шкуры* [*семь шкур*] и т. п.[17] (другой случай подчеркивания смысла ФЕ — так называемое контекстуальное расширение границ ФЕ — рассматривается в графе IB в табл. 2).

II. Как основной механизм межъединичного типа формального преобразования лексического уровня организации ФЕ выступает контаминация — процесс взаимной мены элементов у двух, как минимум двухкомпонентных, ФЕ, результат которой представлен в виде речевой модификации в тексте, объединяющей в себе черты (компоненты) одной и другой взаимодействующих ФЕ. При этом обычно вступают во взаимодействие такие ФЕ, для которых характерны: а) близость или сходство смыслового содержания; б) обладание общими или сходными лексическими компонентами; в) обладание общей или сходной синтаксической структурой[18]. Сущность контаминации как двустороннего формального преобразования ФЕ в плане лексического уровня их организации может быть представлена в виде схемы (пунктирной линией обозначается речевое образование — модификация двух ФЕ в тексте).

Применительно к контаминации трудно говорить о количественном аспекте формального преобразования, однако следует отметить, что наряду с а) «классическим» результатом контаминации (заимствуя по одному компоненту из каждой взаимодействующей единицы ab и αβ, модификация в тексте сохраняет двухэлементное

[17] Поднятый «плюс» перед ФЕ здесь обозначает отмечаемые в статьях Фразеолог. сл. рус. яз. узкими прописными буквами особенности употребления ФЕ.

[18] См.: *Ицкович В. А.*, *Шварцкопф Б. С.* О контаминации и смежных с нею явлениях, с. 91.

Таблица 2

Тип формального преобразования	Механизм формального преобразования		Характер результата процесса в тексте
	Основной	Возможный побочный	
I. Внутриединичный	А. Замена синтаксической конструкции данной ФЕ на другую	Количественный (соотношение «предложная — беспредложная конструкция»)	Модификация данной ФЕ в тексте
	Б. Замена синтаксической конструкции в рамках синтаксического окружения данной ФЕ другой синтаксической конструкцией		Модификация окружения данной ФЕ в тексте
	В. Так называемое контекстуальное расширение границ ФЕ — реализация синтаксических валентностей компонентов ФЕ	Мнимоколичественный (вставляемые в текст лексемы не входят в компонентный состав ФЕ)	Модификация данной ФЕ в тексте
	Г. Изменение порядка следования компонентов ФЕ в тексте (инверсия)	—	
	Д. Синтаксический эллипсис ФЕ	Количественный (уменьшение количества компонентов в модификации ФЕ в тексте)	
II. Межъединичный	Контаминация синтаксических конструкций двух взаимодействующих ФЕ	—	Модификация в тексте — комбинация элементов синтаксических конструкций двух ФЕ

строение — aβ или αb) возможны и количественно иные результаты: б) трехэлементная модификация в тексте, в которой представлены оба компонента одной из взаимодействующих единиц и один компонент — другой («на-

ложение»), и в) речевая модификация в тексте, в которой представлены все компоненты обеих взаимодействующих единиц («сложение») — чаще всего это результат взаимодействия двух ФЕ, обладающих одним общим компонентом [19], ср.: а) . . .шумы при произношении плавных и носовых *играют* такое существенное *значение*, что эти звуки не теряют своей природы и при отсутствии голоса. . . (Шахматов, Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, с. 105) — из *играть роль* и *иметь значение*; б) *чаша терпения лопнула* (За трудовую доблесть, 1967, 21 марта) — из *чаша переполнилась* и *терпение лопнуло*; в) Еще недавно оба эти мастера далеко *не играли «роли первых скрипок»* даже в студенческой сборной страны. . . (Правда, 1965, 9 апр.) — из *играть роль* и *играть первую скрипку*.

Формальные преобразования синтаксического уровня организации ФЕ могут быть представлены в виде табл. 2.

IA. В качестве основного механизма внутриединичного типа формального преобразования синтаксического уровня организации ФЕ выступает замена нормативной синтаксической конструкции данной ФЕ на другую синтаксическую конструкцию. Механизм этот основывается на идиоматичности всех параметров ФЕ, в данном случае — синтаксических. При этом замены в сфере синтаксической организации ФЕ не случайны. Можно выделить по крайней мере два принципиально различных основания формального преобразования: а) формальное преобразование синтаксического уровня организации ФЕ может базироваться на системных возможностях вариантности управления (лексема, выступающая в качестве грамматически стержневого элемента ФЕ, может оформлять зависимый от нее компонент не единственным способом — и вместо фиксированного нормой ФЕ способа управления в тексте выступает другой, вариантный, снимая нормативное ограничение ФЕ в этом плане); б) формальное преобразование синтаксического уровня организации ФЕ может базироваться на явлении синтаксической синонимии, на параллелизме синтаксических конструкций (одни и те же или сходные семантико-синтаксические отношения могут выражаться не одной, а двумя и более конструкциями — и параллельная конструкция

[19] Там же, с. 95.

в тексте выступает в структуре данной ФЕ, снимая нормативное ограничение в этом плане), ср.: а) Несметные полчища завоевателей под водительством хана Батыя *с огнем и мечом* прошли по русским землям (Человек и закон, 1980, № 9, с. 26) — вм. беспредложной конструкции *огнем и мечом*; б) На виду у всех, *белым днем* он спокойно выгребал из хозяйств деньги (Правда, 1979, 10 июля) — словосочетание в форме творительного времени вм. нормативного для данной ФЕ «предлог+род. п.» *средь бела дня*.

Основная сфера синтаксиса, в которой протекают формальные преобразования ФЕ, — это управление. Именно оно создает наилучшие условия для преобразования синтаксической структуры ФЕ и для отхода от нормы ФЕ: с одной стороны, управление близких по значению лексем может быть различным, что создает почву для воздействия по аналогии; с другой стороны, наличие разных валентностей у одной лексемы создает предпосылки для их смешения. Кроме того, способы управления создают возможность побочного количественного формального преобразования ФЕ — на базе соотношения «предложная—беспредложная конструкция»; иначе говоря, это фактор разноколичественной сложности взаимосвязанных и взаимодействующих синтаксических конструкций. (Очевидно, что здесь имеет место не выявление непосредственных свойств преобразуемой ФЕ, а проявление свойств используемых в структуре ФЕ синтаксических конструкций.) В данном плане возможность указанного соотношения характерна для обеих разновидностей формального преобразования — и для вариантности управления при грамматически стержневом компоненте, и для параллельных синтаксических конструкций (см. приведенные выше примеры).

В конструкциях, не мотивированных с точки зрения современного языка, возможно преобразование, приводящее к полному изменению синтаксической конструкции — при сохранении лексико-компонентного состава и порядка следования компонентов, например: Это могли быть белые казаки, и в таком случае Шуркиному *делу «табак»* (Ю. Смолич, Рассвет над морем, кн. 2, гл. 9, 3, автор из. пер. с укр. Л. Нестеренко) — при нормативном *дело табак* [*труба*] «чье-либо положение, состояние, чьи-либо дела и т. п. очень плохи; кому-либо или чему-либо приходится плохо, скверно».

IБ. Преобразования описанного типа касались синтаксической структуры с а м о й ФЕ. Следующий тип формального преобразования синтаксического уровня организации ФЕ связан с выходом за пределы нормативных синтаксических потенций компонентов ФЕ, с модификацией синтаксического о к р у ж е н и я данной ФЕ [20], со снятием ограничений на валентности компонентов ФЕ, например: Погрел он руки от нее (Ф. Абрамов, Пелагея) — вм. *погреть руки на чем*; Затем стали перебирать обитателей тоннеля, слегка злословить и наклеивать им ярлыки (В. Дмитревский, Б. Четвериков, Мы мирные люди) — вм. *наклеивать ярлыки на кого, что* (оба примера взяты из книги А. И. Молоткова «Основы фразеологии русского языка», с. 201—202).

IВ. Своеобразный случай в механизме формальных преобразований синтаксического уровня организации ФЕ представляет собой явление, отмечаемое исследователями под различными наименованиями, чаще всего как синтаксическое распространение или расширение границ ФЕ. Здесь имеется в виду механизм использования относительной проницаемости ФЕ (неоднократно отмечаемой исследователями), т. е. таких двух свойств ФЕ, как: 1) возможность реализации в тексте синтаксической валентности лексем, являющихся компонентами ФЕ, и 2) возможность для определенных разрядов ФЕ дистантного расположения их компонентов в тексте.

При этом можно выделить две разновидности использования такого механизма с точки зрения его функции: а) так называемая конкретизация (адаптация к определенному контексту) ФЕ путем реализации в тексте возможностей синтаксической сочетаемости лексем, являющихся компонентами ФЕ; б) ремотивационное усиление (подчеркивание) общего смысла ФЕ путем постановки в тексте определения к одному из ее компонентов, ср.: а) Ах, *в* какую великолепную педагогическую *калошу села* я тогда при всем своем немалом опыте. . . (Смена, 1979, № 7, с. 27); б) (*по*)*ставить* п о с л е д н ю ю или о к о н ч а-

---

[20] В статье окружение ФЕ понимается как «совокупность элементов (лексико-грамматических), обладающих способностью выступать при данном фразеологизме» (*Тагиев М. Т.* Глагольная фразеология русского языка (Опыт исследования фразеологических единиц по окружению). Баку, 1966, с. 23—24).

тельную *точку на* чем-либо [21]; *войти* в свою или нормальную *колею* и под.

Что касается адаптации ФЕ к определенному контексту, то в художественной литературе и публицистике модификация ФЕ обычно является преднамеренной [22], следовательно, вопрос о нормативности—ненормативности подобных (обыгрываемых) единиц снимается.

В модификациях же, ориентированных на усиление, подчеркивание общего значения ФЕ, могут встречаться отклонения от нормы, связанные со структурно-семантической и смысловой несоединимостью распространителя ФЕ с нею самой. См. следующие примеры: Он *был под* основательным *хмельком* (Г. Брянцев, По тонкому льду) — ненормативность здесь определяется противоречием между общим значением ФЕ 'немного пьян, выпивши' и значением прилагательного *основательный* 'большой по размеру, весу и т. п.'; . . .удовольствие это *обходится в* большую *копеечку* (Работник транспорта, 1961, 20 дек.) — здесь прилагательное *большой* является плеонастическим распространителем ФЕ *влететь* [*вскочить*, *обойтись*, *стать*, *влезть*] *в копеечку* (*копейку*) 'потребовать очень больших затрат; стоить очень дорого'.

Реализация синтаксических потенций компонентов ФЕ может входить в столкновение с ее семантикой. Оценка нормативности такой модификации связана со степенью смысловой совместимости—несовместимости ФЕ и ее контекстного распространителя; иначе говоря, в подобных случаях нормативная характеристика «правильно—неправильно» органически дополняется оценочной характеристикой «уместно—неуместно в данном контексте».

При этом следует иметь в виду, что вопреки распространенным в литературе утверждениям [23] рассматривае-

---

[21] См.: РЯНШ, 1971, № 3, с. 87.

[22] См.: *Бакина М. А.* Указ. соч.

[23] Ср.: «. . .нарушение замкнутых, на первый взгляд, границ фразеологизма и введение в их состав добавочных компонентов, которые являются поясняющими словами не ко всему сочетанию в целом, а к отдельным его элементам» (*Сливко Е. В.* О процессах фразеологической деривации. — В кн.: Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка. Алма-Ата, 1963, с. 46). Тогда же, однако, было высказано и иное мнение: «. . .При распространении фразеологического словосочетания какими-либо словами. . . фразеологическое словосочетание превращается как бы в свободное, в котором каждое слово выступает со своим, присущим ему вне данного словосочетания, лексическим значе-

мое формальное преобразование по существу не затрагивает компонентного состава самой ФЕ: вставляемые в текст члены словосочетания, зависимые от синтаксических свойств выступающей в качестве компонента ФЕ лексемы, не входят в компонентный состав ФЕ; они (на основе реализации синтаксических возможностей лексем — компонентов ФЕ) расширяют зону окружения ФЕ — совокупности лексико-грамматических элементов, обладающих способностью выступать при данной ФЕ. Тем самым оказывается невозможным — в качестве побочного — действие количественного механизма преобразования: с точки зрения компонентного состава ФЕ результат ее формального преобразования показывает мнимое увеличение числа компонентов; на самом деле происходит увеличение состава окружения ФЕ, а следовательно, формальное преобразование синтаксического уровня организации ФЕ.

IГ. Одна из разновидностей механизма формального преобразования синтаксического уровня организации ФЕ — инверсия, т. е. изменение привычного порядка следования компонентов ФЕ в тексте. Этот порядок следования достаточно стабилен во фразеологических сращениях (особенно неглагольных) и значительно свободнее в других разрядах ФЕ, с меньшей спаянностью компонентов [24], ср.: *кривить душой* и *душой кривить*, *сматывать удочки* и *удочки сматывать* — при явной неприемлемости **неделя без году*, **на куличках у черта*, **наплакал кот*, **шит* (*не*) *лыком* и т. п. В собранном нами материале такие ненормативные конструкции не представлены. См. единичный пример явно непреднамеренного преобразования в поэтической речи (с сопутствующим изменением архаичной формы прилагательного): Шагают тревожно и чутко,/Больными глазами кося,/Верблюды — пожалуй не чудо,/Прошли — и *недолгая вся* (А. Халдеев, Искренность. Баку, 1964, с. 36).

нием» (*Кочетков А. К.* Трансформация фразеологических единиц. — Учен. зап. Ульяновского гос. пед. ин-та, 1963, т. 17, вып. 7, с. 85). С последней точкой зрения солидаризируется и В. П. Жуков: «Такое „внедрение“ слова разрушает фразеологизм как со стороны формы, так и со стороны содержания, фразеологизм перестает быть самим собой» (*Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, с. 77).

[24] Ср. там же, с. 78.

1Д. Наряду с лексическим эллипсисом (графа 1Б в табл. 1) в механизме отклонения от нормы ФЕ представлено формальное преобразование, являющееся синтаксическим эллипсисом, т. е. таким видом эллипсиса, при котором устранение какого-либо компонента приводит к перераспределению синтаксических связей, к появлению ложных связей. Ср. случай лексического эллипсиса: — Не нравлюсь? . . — Сидел бы ты тогда здесь! — у Толика *отлегло* (В. Ларин, Вдоль Млечного Пути; вм. *отлегло от сердца* или *на душе*) и случаи синтаксического эллипсиса: . . .наш комбриг года два назад совершил в Севастополе что-то *из ряда вон* (Л. Платов, Когти тигра, ч. 2, гл. I) — вм. *из ряда вон выходящее*. Ср. также широко распространенное употребление *более-менее* (вм. *более или менее*) и *взад-вперед* (вм. *взад и вперед*).

Особый случай эллипсиса — тип отклонения от нормы на синтаксическом уровне, механизм формального преобразования которого может быть описан как модификация синтаксически не членимой ФЕ: . . .отвечали на самые *что ни есть* нелепые вопросы. . . (Лит. газета, 1979, 27 июня, с. 14) — вм. *что ни на есть* употребляется хотя бы частично синтаксически мотивированное (аналогией к сочетаниям «*что ни*+глагол») ненормативное *что ни есть*.

В устной разговорной речи пределом допустимости эллипсиса ФЕ является возможность для собеседника соотнести усеченную форму ФЕ с полной.

II. Принципиальная схема межъединичного формального преобразования ФЕ — контаминации — приведена выше, там, где речь идет о преобразовании лексического уровня организации ФЕ. На синтаксическом уровне результатом двустороннего процесса также является речевое образование — модификация, представляющая одновременно синтаксические черты обеих взаимодействующих ФЕ, ср.: . . .деньги платить будет хоть *по гроб доски* (К. Федин, Костер) — из *по гроб жизни* и *до гробовой доски*; . . .ни один роман, ни одна повесть не смеют *появиться в свет* без какой-нибудь хоть крошечной, хоть невызревшей социальной тенденции (М. Е. Салтыков-Щедрин, Немного лет назад) — из *выходить в свет* и *появляться на свет* (примеры взяты из книги А. И. Молоткова «Основы фразеологии русского языка», с. 204—205).

Если сущность лексической контаминации заключается в том, что происходит взаимная мена компонентов двух

ФЕ, построенных по одинаковым синтаксическим моделям, то сущность синтаксической контаминации заключается в том, что происходит взаимная мена компонентов двух ФЕ, построенных по разным синтаксическим моделям. Следовательно, при контаминации описываемого здесь типа имеет место отклонение от норм как в плане лексической организации ФЕ, так и в синтаксическом плане (отступление от существующих в языке синтаксических моделей). Тем самым это явление можно характеризовать как лексико-синтаксическое.

Формальные преобразования морфологического уровня организации ФЕ связаны со снятием узуальных ограничений на морфологическую парадигматику ФЕ; механизм такого формального преобразования можно определить как замену какого-либо узаконенного нормой ФЕ морфологического показателя компонента ФЕ на другой морфологический показатель (находящийся вне нормы ФЕ). В основе этого преобразования (как и в основе формальных преобразований на словообразовательном и акцентном уровнях организации ФЕ) лежит оппозиция «ФЕ (данная ФЕ как образец)—$ФЕ_п$ (преобразованная данная ФЕ в данном тексте)» (см. раздел 1).

Различные морфологические показатели (в образце и в преобразованной ФЕ в тексте) могут быть:

1) принадлежащими одной парадигме (например, при замене показателя одного падежа на показатель другого падежа — при стабильности категорий рода и числа; при замене показателя ед. числа на показатель мн. числа или обратной замене — при стабильности категорий падежа и рода), ср.: — Ну, как я мог забыть? — искренне огорчался Звонков и опять *разводил руки* (Лит. Вологда. Альманах, 1958, с. 70) — вм. *разводить руками*; *Попался под руки* механику Любимов, и тот, ухватив его за пуговицу куртки, долго держал около себя, отводя душу в сетованиях. . . (О. Кириллов, Все на земле, ч. 2, гл. 2, 4) — вм. *попадать* [*попадаться*] *под руку*;

2) принадлежащими разным парадигмам (например, при замене показателя одного рода на показатель другого рода — при стабильности категорий падежа и числа), ср.: Если бы старый джентльмен был здесь, его б *кондрашка хватила* при виде такого святотатства, — заметил Генри (Дж. Лондон, Сердца трех, гл. 14, пер. Т. А. Кудрявцевой); Захара Осиповича едва не *хватила кондрашка*. . .

(Наш современник, 1968, № 7, с. 17) — вм. *кондрашка хватил*.

Характеризуя формальные преобразования компонентов ФЕ — имен существительных, следует обратить внимание на следующие два обстоятельства:

А. Такие формальные преобразования ФЕ, как замена показателей падежа, обычно есть результат внутренней взаимосвязанности падежей в системе парадигматики русского языка (как исторически, так и в современном языке). Так, чаще всего замены показателей падежа имеют место в рядах «именительный—родительный—винительный» или «дательный—творительный—предложный».

Б. Такие формальные преобразования ФЕ, как замена показателей рода, есть результат силы узуса, нивелирующего системные отношения в ФЕ; результаты замены в этих случаях выходят за рамки системных закономерностей [25].

Описанный механизм формального преобразования ФЕ (замена нормативного морфологического показателя компонента другим, ненормативным) представляет собой типичный случай отклонения от нормы ФЕ на морфологическом уровне и имеет следствием незаконное расширение реальной морфологической парадигматики ФЕ. Принципиально иной характер носит особый тип отклонения от нормы ФЕ на морфологическом уровне, который можно назвать «мнимой морфологической парадигматикой» ФЕ. Механизм такого формального преобразования может быть охарактеризован как противоречащее норме приписывание в процессе речи показателя (показателей) морфологической парадигматики таким ФЕ, которым свойственно отсутствие изменяемости компонентов (т. е. нулевая парадигматика в современном фразеологическом составе языка), ср.: Обе части письма к Милене Кошич, так ею и не прочитанного, я прилагаю *к «тайному* тайных» моего письма (А. и С. Абрамовы, Фирма «Прощай, оружие!»); Это позволяет нам как бы самим войти *в тайную* тайных лаборатории творчества писателя. . . (Вопросы литературы, 1970, № 10, с. 148); Именно этот поворот от Воронежа на юг и был *«тайным* тайных» плана «Блау» (А. Чаковский, Блокада, кн. 5, ч. III, гл. V).

---

[25] См. в этом же сборнике: *Шварцкопф Б. С.* Морфологическая норма фразеологической единицы и вариантность.

В отличие от формальных преобразований лексического и синтаксического уровней организации ФЕ при замене морфологического показателя механизм побочного количественного преобразования не действует.

Формальные преобразования словообразовательного уровня организации ФЕ могут быть определены как механизм замены какого-либо узаконенного нормой ФЕ показателя словообразовательного оформления одного из компонентов ФЕ на другой словообразовательный показатель (находящийся вне нормы ФЕ), ср.: Жить и работать почти два месяца бок о бок с Ильиным и не найти подхода к его тайне — это ли не доказательство вашей тупости, господа! Он *водит* вас *вокруг пальца*, а вы только хлопаете глазами! (В. Пальман, Красное и зеленое, ч. 2, гл. 10) — вм. ФЕ *обводить вокруг пальца*; Вскоре школьный начхоз хитроглазый Зимин привез из банка положенное нам денежное довольствие и «под занавеску» сполна рассчитался с нами (М. Заборский, Голубые «разговоры». Рассказы аэронавигатора. М., 1979) — вм. *под занавес*; . . .он был *«книжным червяком»* (К. Блэйр, Страна Пентагон. М., 1975, пер. с англ.) — вм. *книжный червь*.

Формальные преобразования акцентного уровня организации ФЕ связаны со снятием узуальных ограничений на акцентное оформление компонентов ФЕ; механизм такого формального преобразования можно характеризовать как смещение ударения со слога, узаконенного нормой ФЕ, на другой слог (или с компонента, нормативно несущего на себе ударение, на другой компонент, как, например, перемещение ударения с предлога на имя в предложно-именных словосочетаниях). По существу этот механизм может быть уподоблен инверсии — с той разницей, что в инверсии на синтаксическом уровне организации ФЕ происходит перестановка (мена позиций) компонентов ФЕ, а на акцентном уровне организации ФЕ происходит мена позиций ударенности—неударенности как дифференциальных признаков лексемы.

При характеристике отклонений от нормы ФЕ в акцентной сфере следует иметь в виду, что ряду ФЕ свойственно так называемое специфическое фразеологическое ударение [26]. Это понятие относят главным образом к случаям

[26] *Эмирова А. М.* Об отражении некоторых аспектов эволюции языка во фразеологических единицах. — В кн.: Материалы Всесоюзной

несовпадения места ударения в компоненте ФЕ и в соответствующей словоформе в «свободном» употреблении, ср.: *хоть шаро́м покати* (при твор. пад. *ша́ром*), *гол как сокО́л* и др.[27] ФЕ со специфическими (заданными списком) ударениями и подвергаются формальным преобразованиям, когда — под давлением системы — их компоненты уподобляются в акцентном плане «свободным» эквивалентам. (Мы не рассматриваем здесь в качестве формальных преобразований ФЕ результаты действующей в современном русском языке общей тенденции — переноса в предложно-именных сочетаниях ударения с предлога на имя, типа единично отмеченной еще в Сл. Ушакова вариантности *брать за́ сердце* и *за се́рдце* [28].)

Напомним, что (в отличие от других аспектов организации ФЕ, где «передатчиком» нормы является прежде всего печатная речь) здесь письменная фиксация ФЕ — при отсутствии поставленного в тексте знака ударения — не является препятствием губительному (для специфического фразеологического ударения) давлению языковой системы. Поэтому можно рассматривать как свидетельство реальных нарушений акцентной нормы и как попытку, направленную на утверждение этой нормы, постановку знака ударения во Фразеолог. сл. рус. яз. — в заголовочной части нескольких ФЕ (например, *голова идет кру́гом, гу́ба не дура, гол как сокО́л, попадать как кур во́ щи*). Следует учесть, что названный словарь, как правило, не указывает ударений в ФЕ и случаи, подобные приведенным, являются в нем исключением. Надо отметить, что постановка знака ударения в ФЕ *голова идет кру́гом* является весьма распространенной в печати. Ср. аналогичный случай даже в тексте художественной переводной литературы: . . .сюда никто не придет и не даст тебе по шее *ни за́ что ни про́ что* (М. Твен, Приключения Тома Сойера, гл. XIII, пер. с англ. К. Чуковского).

Вообще вопрос о динамике ударения в устном употреблении ФЕ, о соотношении акцентной вариантности ФЕ

конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка», ч. 2. Самарканд, 1966, с. 253.

[27] Подробнее см.: *Ройзензон Л. И.* Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973, с. 209 и след.

[28] Подробно об этом см.: *Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII—XX вв. (Формы словоизменения). М., 1979, с. 135—166.

и нарушения акцентной нормы ФЕ нуждается в специальных исследованиях.

Примечание. В статье не рассматриваются формальные преобразования орфоэпического (орфографически-орфоэпического) аспекта организации ФЕ: немногие случаи замены узаконенных нормой элементов орфоэпического (и орфографического) оформления какого-либо из компонентов ФЕ на другой элемент данного плана отражают закономерности орфоэпии (и орфографии) языка и по существу не затрагивают специфики ФЕ.

3

Итак, в общем виде механизм формальных преобразований, имеющих следствием отклонение от нормы ФЕ, может быть представлен в виде табл. 3.

Таблица показывает зависимость механизма отклонения от нормы ФЕ от уровня организации ФЕ, на котором происходит формальное преобразование: чем сложнее уровень организации, тем богаче присущий ему набор типов преобразований. По этому признаку выделяются уровни синтаксический и лексико-компонентный: первому присущ максимальный набор типов преобразований (пять), а второму — три типа формальных преобразований. Для этих двух уровней организации ФЕ характерна общность механизмов замены, эллипсиса (эта общность отвечает представлению о различении двух разновидностей эллипсиса — лексического и синтаксического) и контаминации. При этом один тип формальных преобразований отмечен

Таблица 3

Уровень организации ФЕ	Механизм формальных преобразований				
	Внутриединичный				Межъединичный
	замена элемента	эллипсис	т. н. контекстуальное расширение границ ФЕ	инверсия	контаминация
Синтаксический	+	+	+	+	+
Лексико-компонентный	+	+			+
Морфологический	+				
Словообразовательный	+				
Акцентный				+	

только на синтаксическом уровне организации ФЕ — это контекстуальное расширение границ ФЕ.

Можно думать, что разнообразие типов формальных преобразований на синтаксическом и лексическом уровнях связано с более сложной архитектоникой единиц высших языковых уровней, с большим числом параметров этих единиц.

Таблица 3 позволяет выделить основные, наиболее общие для различных уровней организации ФЕ типы механизма формального преобразования; такими являются: для внутриединичного — механизм замены (присущ всем уровням организации ФЕ, кроме акцентного), для межъединичного — механизм двустороннего взаимодействия (контаминация). Оба этих типа преобразования выступают как доминантные — каждый в своем классе; механизм замены выступает как основной, доминантный для внутриединичных преобразований, а механизм контаминации — как единственный при межъединичных преобразованиях [29].

Из общности механизма замены для всех уровней организации ФЕ (кроме акцентного) можно предположить, что это простейшая операция формального преобразования, будь то замена компонента ФЕ (лексический уровень), элемента конструкции ФЕ или ее окружения (синтаксический уровень), показателя морфологического или словообразовательного оформления компонента ФЕ (морфологический, словообразовательный уровни).

В целом внутриединичный механизм отклонения от нормы ФЕ можно представить в виде четырех возможных формальных преобразований ФЕ: 1) замена лексического компонента или элемента другого уровня организации ФЕ; 2) эллипсис; 3) инверсия; 4) так называемое контекстуальное расширение границ ФЕ — «растаскивание» компонентов ФЕ в тексте (дистантность компонентов) и вставка в текст (в окружение ФЕ) «свободного» элемента.

Взаимосвязь категорий: «тип внутриединичного механизма формального преобразования ФЕ — уровень организации ФЕ — внутриединичный объект преобразования», показана в табл. 4.

---

[29] Ср.: «Контаминация фразеологизмов наиболее типичный и распространенный тип речевых ошибок» (*Молотков А. И.* Указ. соч., с. 204).

Таблица 4

Механизм формального преобразования ФЕ	Уровень организации, на котором действует механизм	Внутриединичный объект действия механизма преобразования
1. Замена (компонента; элемента синтаксической конструкции; элемента окружения ФЕ; показателя морфологического, словообразовательного оформления компонента ФЕ)	лексический, синтаксический, морфологический, словообразовательный	1 компонент
2. Опущение (компонента, редко — двух)	лексический, синтаксический	1 компонент (редко — 2)
3. Перестановка двух компонентов или двух — ударного и неударного — слогов компонента ФЕ	синтаксический, акцентный	2 компонента
4. «Растаскивание» двух компонентов со вставкой между ними дополнительно элемента окружения ФЕ	синтаксический	2 компонента

В статье рассмотрен механизм отклонений от нормы ФЕ — в той его части, которая состоит из формальных преобразований на различных уровнях организации ФЕ. Результаты подобных преобразований неодинаковы: они зависят прежде всего от характера преобразования — внутриединичного или межъединичного (затрагивающего одну или две взаимодействующие ФЕ).

Результат внутриединичного формального преобразования (независимо от типа последнего) представлен в тексте модификацией данной ФЕ; иначе говоря, в тексте выступает уже преобразованная (по какому-либо параметру) ФЕ. (Особую оговорку надо сделать в связи с так называемым контекстуальным расширением границ ФЕ: вставляемые — за счет дистантности компонентов ФЕ — лексемы не являются компонентами ФЕ, это элементы ее окружения.) Принципиально иным является следствие межъединичного формального преобразования ФЕ: результат двустороннего взаимодействия представлен в тексте модифи-

кацией одновременно этих двух ФЕ — речевым образованием (которое не может выступать в качестве репрезентанта ни одной из двух взаимодействовавших ФЕ) [30].

Описание типов формальных преобразований на различных уровнях организации ФЕ позволяет интерпретировать соотношение отклонений от нормы ФЕ (и неосознанных и осознанных, преднамеренных) и вариантности ФЕ как градацию общего механизма снятия ограничений: в основе вариантности ФЕ и в основе отклонений от нормы ФЕ лежат одинаковые внутриединичные формальные преобразования [31].

---

[30] Там же, с. 203.

[31] Ср.: «Варпантность оборотов в речп п так называемые индивидуально-авторскпе преобразования фразеологпзмов — явления одного порядка» (*Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., «Высшая школа», 1980, с. 18).

III. НОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
(Состояние и перспективы)

Л. И. Скворцов

Составление толковых и других словарей родного языка — важное национальное дело. Общественное сознание необходимости и ответственности этого дела выражается в живом интересе широких общественных масс к изданию толковых словарей и в повышенной к ним требовательности специалистов. Акад. И. И. Срезневский в свое время делал справедливое обобщение: литература как искусство стоит выше там, где знание отечественного языка считается более необходимым, где, следовательно, лучше составлены его словари, где писатели чаще к ним обращаются [1].

Многотомные толковые словари национальных языков строятся на широкой базе литературно-художественных источников — на материале языка писателей прошлого и настоящего, а также публицистики, научной литературы, периодики и т. п.

По общему признанию исследователей, писателей и журналистов, педагогов, представителей широких кругов общественности, русская советская лексикография является важнейшим источником распространения и укрепления норм русской литературной речи, а также повышения культуры вообще. К словарям разных типов и к нормативным справочникам постоянно обращаются в своей практике деятели печати, радио и телевидения, театра, школы. Словари утверждают норму и углубляют знания русского языка среди широких народных масс национальных республик и областей. За пределами нашей страны словари

[1] См. об этом: *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии. — ВЯ, 1956, № 5, с. 80 и след.; ср. также: *Он же.* Толковые словари русского языка. — В кн.: Язык газеты. М., 1941, с. 371 и след.

русского языка содействуют распространению литературной русской речи и знаний о советской действительности. «Ответственное положение, которое занимает русская лексикография советской эпохи, и важность культурно-политической роли, ею выполняемой в Советском Союзе и за его пределами, предъявляют русской лексикографии высокие требования», — писал С. И. Ожегов [2].

В теоретическом и практическом смысле важными представляются вопросы разработки типологии словарей — как в плане обобщения уже имеющегося опыта, так и возможной перспективы. В отечественной лексикографии типология словарей и их классификация опираются на известную работу акад. Л. В. Щербы «Опыт общей теории лексикографии» [3], сохраняющую до сих пор свое научное значение. С точки зрения нормативной лексикографии есть необходимость представить типологию словарей в следующем общем виде.

Из шести общих противоположений, предложенных и описанных Л. В. Щербой, следует специально остановиться на первом из них («словарь академического типа — словарь-справочник») и уточнить выдвинутые в нем соображения с интересующих нас позиций.

Существующие словари русского языка — при нормативном к ним подходе — можно разделить на две группы.

Словари п е р в о й группы условно можно назвать словарями языка в собственном смысле слова. Прежде всего это — толковые, или объяснительные, словари разных типов. Практически они охватывают весь (или почти весь) лексический состав языка. Толковые словари — это универсальные нормативные справочники по стилистике и семантике, по грамматике и фразеологии, по акцентологии и частично по орфоэпии. Существует три основных типа толковых словарей русского литературного языка: 1) большой (или полный), представляющий современный язык в широкой исторической перспективе; 2) средний, для которого характерна разработка исторически оправданного стилевого многообразия современного языка; 3) краткий, популярного характера, стремящийся к актив-

---

[2] См.: *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка. — В кн.: Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 160 и след.

[3] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1940, № 3.

ной нормализации современной литературной речи [4]. К первому типу относится БАС, ко второму — Сл. Ушакова, к третьему — однотомный Сл. Ожегова. В словарях больших и средних приводятся (в качестве иллюстраций) представительные примеры употребления слов и устойчивых выражений в лучших произведениях русской классической и советской художественной литературы. В однотомном словаре (краткого типа) иллюстрации употреблений и значений слов приводятся в виде типовых речений и словосочетаний.

К толковым словарям русского языка примыкают словари диалектные и исторические: Сл. Даля, Материалы Срезневского, издающиеся СРНГ и Сл. рус. яз. XI—XVII вв. и др.

Во всех этих словарях с достаточной полнотой отражается лексический состав русского языка — в соответствии с принципами отбора (литературность или диалектность, историчность по преимуществу и др.). В основе всех этих словарей лежит, по словам Л. В. Щербы, «единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [5].

В т о р у ю большую группу словарей составляют собственно нормативные словари-справочники. Назначение их состоит в том, чтобы дать читателю необходимую справку в трудных случаях (написание слова, его произношение, ударение, образование форм, значение и др.), а также предупредить от возможной ошибки, исправить нелитературные индивидуальные речевые навыки и т. п. Среди словарей-справочников выделяются, во-первых, словари орфографические и орфоэпические (произношения и ударения) и, во-вторых, «словари правильностей» разных типов и назначения.

В связи с объемом, структурой и назначением орфографические и орфоэпические словари могут быть полными или краткими (специальными); полные словари: Орфограф. сл. рус. яз. 15-е изд. М., 1978 (106 тыс. слов) и Рус. лит. произнош. и удар. (ок. 52 тыс. слов); специальные словари: Орфограф. морск. сл. (ок. 25 тыс. слов); Слитно или разд. (ок. 43 тыс. слов); Сл. ударений (ок. 63 тыс. слов) и др.

---

[4] См. *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка, с. 158 и след.

[5] *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 266.

Нормативными сводами и кодексами в подлинном смысле слова являются полные словари. Что касается специальных словарей или кратких словарей-справочников, то они в той или иной степени дополняют, уточняют полные, отражая особенности подхода к языковому материалу и к нормативности их составителей. Например, специальный орфоэпический словарь для дикторов радио и телевидения включает значительное число личных имен, географических и других названий; в нормативном отношении он характеризуется однозначностью квалификаций и полным отказом от объективных вариантов орфоэпической нормы в пользу однозначно понимаемого принципа «единообразия» (см. рекомендации типа *высокб*, *инáче*, *дебаркáдер*, *индустрúя*, *творбг*, *опершúсь*, *почáтый* и др., где академический орфоэпический словарь допускает варианты нормы).

Актуальной задачей является создание кратких словарей массового характера и назначения — для обучения и для самопроверки. Ср., например, Крат. толк. сл. рус. яз. (ок. 5 тыс. слов), а также изданные или готовящиеся к изданию краткий толковый словарь для школьников, словообразовательный школьный словарь, краткий словарь иностранных слов, словарь сокращений русского языка и т. п.

Говоря о «словарях правильностей», следует выделить среди них также полные и краткие (специализированные). Полные словари правильностей (их называют нередко ортологическими) отражают современную литературную норму на различных языковых уровнях, специализированные (или краткие) — посвящены отдельным ее сторонам. Примеры полных словарей правильностей (или приближающихся к ним по своим задачам): Прав. рус. речи (651 статья, не считая отсылочных, и более 1 тыс. статей краткого орфоэпического справочника); Трудн. словоупотр. и вар. норм (ок. 8 тыс. слов); Сл. трудностей (ок. 30 тыс. слов). К кратким, или специальным, словарям правильностей могут быть отнесены следующие: Трудн. случаи употр. (ок. 200 статей); Трудности рус. яз. (более 600 слов); Грам. прав. рус. речи (ок. 150 типов грамматических и словообразовательных вариантов) и др.

К словарям-справочникам нормативного назначения примыкают словари синонимов, омонимов и антонимов, названий жителей, иностранных слов, фразеологические и нек. др.

Промежуточное положение между словарями языка и словарями-справочниками занимают словари обратные, частотные, грамматические, идеографические (тематические) и т. п. Наиболее значительные из них: Обрат. сл. рус. яз. (ок. 125 тыс. слов); Частот. сл. рус. яз. (ок. 40 тыс. слов); Грам. сл. рус. яз. (ок. 100 тыс. слов). Идеографических и тематических словарей таких же масштабов у нас пока нет, хотя теоретическая работа (восходящая к идеям Л. В. Щербы) по их подготовке ведется [6]. Словари этого подтипа, представляя в сущности лексику в пределах всего языка, дают возможность для решения ряда теоретических и практических вопросов орфографии, описательной грамматики, стилистики, словообразования и т. д. Велика их роль и в прикладной методической работе: при составлении учебных пособий, словарей, справочников (особенно для обучения русскому языку иностранцев).

Если в основе словарей языка лежит, по определению Л. В. Щербы, единое языковое сознание человеческого коллектива, то в нормативных словарях-справочниках этого нет: «. . .слова, в них собранные, могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вовсе не образуют какой-либо системы» [7]. Относительно последних слов следует сделать, как нам кажется, известное уточнение. Словари-справочники описывают систему литературных норм (или часть этой системы); они отражают сильные и слабые участки нормы, «зоны вариантности», выявляют механизм изменения норм, их эволюции и т. п.

Противополагая толковый словарь словарям-справочникам — по объему и назначению, — мы не опровергаем, а всего лишь уточняем первое противоположение Л. В. Щербы: словарь академического типа — словарь-справочник. Для Щербы «академический словарь» был полным синонимом словаря нормативного. В нашей классификации нормативность, как задача описания, переносится в словари-справочники, а словарь академического типа понимается как словарь языка, описывающий более или менее полно его лексический состав в определенный промежуток времени. Разного рода теоретические и практические соображения оправдывают возможность такого

---

[6] См.: *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976; ср.: *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970.

[7] *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность, с. 266.

подхода. Надо сказать при этом, что и для самого Щербы такое противоположение (в терминологическом отношении) было достаточно условным. Кроме того, в выдвинутой им классификации широко учитывались традиции зарубежной лексикографии (в первую очередь французской), которые в известной мере противоречили традициям, складывавшимся в отечественной лексикографической практике и достаточно ярко выявившимся к настоящему времени.

Предложенная нами типология не противоречит основным выводам Щербы из описания первого противоположения: «научный», или академический, словарь (т. е. толковый многотомный) «имеет своим предметом реальную лингвистическую действительность — единую лексическую систему данного языка». Что касается словарей-справочников, то они в конечном счете всегда будут собранием слов, которое «само по себе никогда не является каким-то единым фактом реальной лингвистической действительности, а лишь более или менее произвольным вырезом из нее» [8].

В собственно нормативном отношении толковые словари характеризуются «позитивностью»: нормализация в них заложена изнутри; они включают и демонстрируют факты, соответствующие нормам современного литературного языка. Показ колебания нормы, отклонений от нее, типичных ошибок устной и письменной речи, вариантов нормы разных типов и происхождения, как правило, в них отсутствует. Например, в справочном разделе БАС приводятся (не всегда последовательно) сведения об источнике слова, его написании и произношении в предшествующие эпохи (т. е. исторические варианты), дается картина лексикографической кодификации начиная с XVIII в. (или раньше) и до наших дней.

В однотомном Сл. Ожегова, начиная с 4-го изд. (М., 1960), введены предостерегающие от неправильного употребления слов указания, а также комментарии к нормативному применению слов и выражений. При этом, как говорится в авторском предисловии, подобные указания «даются только в тех случаях, когда неправильное употребление очень распространено» (см. «Сведения, необходимые для пользующихся словарем», § 20), например:

---

[8] Там же, с. 276.

«*Адрес*. . . В адрес кого-чего (направить, послать и т. п.; офиц.) — на имя кого-чего-н., кому-чему-н.; первонач. о почтовых и грузовых отправлениях [теперь иногда ошибочно употр. вм. *по адресу*]. . .» (с. 19) [9]. Ср. такие указания нормативно-стилистического характера при словах *взойти*, *вперед*, *крайний*, *одеть*, *одолжить*, *именинник*, *заимообразный* и нек. др.

В 9-м, исправленном и дополненном, издании Сл. Ожегова (М., 1972) и во всех последующих (стереотипных) изданиях были уточнены такого рода нормативные комментарии, а корпус их в целом был несколько расширен. См., например, статьи *автор*, *дипломник*, *дилемма* и нек. др. Кроме того, более последовательно проведены орфоэпические указания (особенно при заимствованных словах). Все другие изменения и поправки, сделанные с учетом сложившегося типа краткого словаря, должны, по замыслу редактора, способствовать дальнейшему улучшению книги как универсального пособия по совершенствованию речевой культуры (см. «Предисловие» проф. Н. Ю. Шведовой к 9-му изданию словаря).

Являясь по самой своей природе как бы своеобразными энциклопедиями русского языка, толковые словари служат базой для разнообразных теоретических исследований в области лексикологии и семасиологии, грамматики, стилистики, акцентологии и орфоэпии. Они составляют основу различных словарей-справочников нормативного характера [10].

Известный нормативный компромисс лежит в основе многих толковых словарей. На Сл. Ушакова как на «более или менее компромиссный» указывал Л. В. Щерба, определяя его место между словарями академическими и справочными [11]. Акад. В. В. Виноградов по поводу БАС говорил о совмещении (и смешении) в нем принципов историзма и нормативности, непоследовательном решении поставленных перед ним задач: для исторического словаря он оказался недостаточно полным, а как нормативный не

---

[9] В 9-м (1972 г.) и в последующих изданиях словаря предупредительная ремарка в квадратных скобках снята; она заменена примером переносного употребления: «Критика в адрес директора (перен.)» (с. 22).

[10] См. лексикографические обзоры Е. А. Вологдиной и И. В. Новиковой в настоящем сборнике.

[11] *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность, с. 275.

всегда последователен в оценках и рекомендациях [12]. По-видимому, все это неизбежно в полных толковых словарях, опирающихся на широкий исторический материал и показывающих лексику в динамике ее развития за полтора-два столетия [13].

Толковые словари одновременно и сокровищницы языка и нормативно-стилистические пособия. Их объективность и историзм нередко приходят в противоречие с утилитарно-нормативным взглядом на них широких кругов читателей. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые дискуссии на страницах периодической печати последнего десятилетия.

В журн. «Журналист» (1974, № 12) была опубликована обширная статья Ст. Шацкова под многозначительным заглавием: «Не пора ль и власть употребить?» В этой полемической статье автор решительно выступает против употребления многих слов и выражений, включенных (а следовательно, допущенных в литературный обиход!) в словарь-справочник Новые слова и знач. Эти слова и выражения, различные по своему происхождению, функциям, реальному употреблению и т. п., выстраиваются С. Шацковым в один ряд: *минералка* (минеральная вода; минеральные удобрения), *врезать* (в знач. «ударить» и «выругать»), *капать* (ябедничать, доносить), *вкалывать* (интенсивно работать), *втихаря* (тайком), *выкаблучиваться* (выставлять себя напоказ), *гробануть* (испортить, сломать), *доходяга* (об изможденном человеке, животном), *женатик* (женатый мужчина), *забегаловка* (о закусочной, пивной), *заразиховыносливость* (о сельскохозяйственных культурах: не подверженный болезни заразихе), *застолбить* (заявить, отметить; перен. к проф. «обозначить участок какой-н. работы»), *прошвырнуться* (прогуляться, пройтись), *слабак* (о слабосильном или малодушном мужчине), *сообразить* (выпить в складчину), *вагон* (очень много), *и-ха-ха* (парный танец) и нек. др. Все эти слова объявляются в целом «жаргонными, которым нет места ни в практике печати, ни в толковых словарях». Автор решительно возражает против включения некоторых из этих слов в 9-е издание

---

[12] *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания. — ВЯ, 1966, № 6.

[13] Ср.: *Бабкин А. М.* Новый академический словарь русского языка. Проспект. М., 1971; см. также: Современная русская лексикография. 1976. Л., 1977.

Сл. Ожегова. «И почти весь этот уличный жаргон, — пишет он, — перенесен в посмертное издание популярнейшего словаря С. И. Ожегова, который до конца жизни старался совершенствовать это общедоступное издание, призванное содействовать повышению культуры речи широких народных масс» (с. 55).

Мнение, приведенное здесь, достаточно характерно для позиции, которую можно условно назвать «лексикографическим пуризмом». По форме, чисто внешне эта позиция как будто бы прямо противоположна известным требованиям писателя А. Югова, активно выступавшего против нормативной лексикографии [14]. А по существу обе позиции смыкаются в ненаучном подходе к лексикографической теории и практике, в предвзятом отношении к объективному характеру функционирования языка и его литературных норм. Дело ведь не в «показе» того или иного слова в нормативном словаре, а в отношении лексикографа к нему, в правильной, объективной и точной его стилистической квалификации.

И у сторонников нормативных словарей и у их противников общим оказывается неодолимое отвращение к стилистическим пометам: первые их вообще как бы не замечают (а ведь почти все приведенные выше слова из словаря Новые слова и знач. сопровождаются детально разработанной системой помет); что касается вторых, то словарные пометы приводят их чуть ли не в ярость, поскольку за ними они видят запрет, отлучение от литературной речи огромного количества выразительных и нужных слов.

Ст. Шацкову в том же номере «Журналиста» ответил доцент МГУ А. В. Калинин. Среди прочих возражений излишне категоричному выступлению есть и такие справедливые строки: «Неверно думать, что включение подобной лексики в словарь (речь идет о «черном списке» и включении слов из него в 9-е издание Сл. Ожегова. — *Л. С.*) подрывает корни изящной речи, а стыдливое замалчивание таких слов (нету их, нету! Видите, в словаре нет, значит, и в языке нет) искоренит их употребление в народе» [15]. Такая трезвая научная позиция нашла поддержку читателей «Журналиста». Ссылаясь на свою газетную практику, военный журналист В. Баранец в подборке

---

[14] См.: *Югов А.* Думы о русском слове. М., 1972, с. 114 и след.

[15] *Калинин А.* Во-первых, во-вторых. . . — Журналист, 1974, № 12, с. 56.

читательских писем возражает автору запальчивой статьи «Не пора ль и власть употребить?»: «С. Шацков дает красный свет словам типа „капнуть“, „врезать“ и т. п. Это все равно, что бросать камешки, вынесенные волной на берег, обратно в море. Сизифов труд. Такого рода слова, хотя они и неблагозвучны, никакой властью не отменишь. Вот я пишу очерк. Главный герой сталкивается с человеком резким, невоспитанным. Между ними спор. И если из уст отрицательного типа прозвучит „капнуть на мозги“ или „врезать по стопарю“, читателю уже, пожалуй, не нужно подробно описывать, что это за персонаж» [16].

В основе «лексикографического пуризма», если отвлечься от субъективных оценок и привычек его сторонников, можно видеть объективное противоречие, о котором говорилось выше: совмещение в толковом словаре нормативного и объективно-лингвистического принципов. Будучи нормативным справочником-энциклопедией, толковый словарь (даже краткого типа) остается сокровищницей языка, описывающей с достаточной полнотой лексику общего употребления.

Можно полагать, что многие претензии, возможные теперь и впредь с позиций «лексикографического пуризма», будут сняты, если краткий нормативный толковый словарь в новых своих изданиях примет известные новшества. Во-первых, для него должна быть разработана своеобразная (и динамичная) система стилистических помет и нормативных рекомендаций, отражающих соотношение устаревающих и нарождающихся норм, их соположение и взаимодействие и т. п. Во-вторых, следует расширить круг нормативных предупреждений или рекомендаций (ср. упомянутый выше § 20 Предисловия к Сл. Ожегова). В-третьих, необходима продуманная и детальная система приложений. В одно из них могли бы войти новые слова и выражения (в том числе и такие неологизмы, которые проф. С. И. Ожегов метко называл «словами-подёнками»). Другое приложение могло бы включить имена собственные (разных типов), актуальные для современного употребления. Наконец, в особое приложение должен войти материал нелитературного просторечия, жаргонизированной лексики, а также всего того, что вызывает сомнение с точки зрения традиционной литературной нормы, но до-

[16] *Баранец В.* Слышать фальшивую ноту. — Журналист, 1975, № 7, с. 48.

статочно широко и последовательно встречается в устной и письменной речи наших дней, включается в качестве характерологических и стилистических средств в язык художественной литературы. Этим последним приложением во многом может быть снят конфликт между нормативностью и объективностью толкового словаря. Это помогло бы упорядочить орфографию и употребление речевого материала, по самой своей природе практически не кодифицируемого, но так или иначе в отдельных своих частях поднимающегося нередко до широкого использования в различных жанрах письменной речи [17].

Использование такого рода приложений в новых изданиях нормативного толкового словаря будет на деле осуществлять оперативную «языковую службу» лексикографов и вместе с тем играть большую воспитательную роль. Вынесенные за пределы основного корпуса словаря речевые элементы не смогут быть основой «лексикографического пуризма» и в известной мере оградят языковедов от необоснованных обвинений в «засорении» литературного языка. Таким образом, не прерывая сложившейся традиции в отечественной лексикографии, можно и нужно дальше совершенствовать однотомный толковый словарь как ценное пособие по культуре русской речи.

Первым толковым нормативным словарем советского периода был, как известно, Сл. Ушакова. В предисловии «От редакции» к словарю говорится: «Составители старались, поскольку это было в их силах, придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка. . . Новый словарь — толковый словарь современного русского языка. Основная масса в нем — слова нашей классической литературы от Пушкина до Горького и общепринятого научного, делового и книжного языка, сложившегося в течение 19 века. Но в него включены также и новые слова, вошедшие во всеобщее употребление. . . Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение,

[17] См. об этом: *Скворцов Л. И.* Орфография просторечных и жаргонных слов. — В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974, с. 133 и след.

ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства» (т. 1).

Интересно отметить, что новизна материала и новаторство научных лексикографических принципов, воплощенные в Сл. Ушакова, не во всем были поняты и приняты даже таким знатоком народной и литературной речи и опытным лексикографом, каким был В. И. Чернышев. В его рукописной статье-рецензии, написанной в 1942 г. и опубликованной сравнительно недавно [18], достаточно ярко проявились вкусовые привычки языковеда и нормализатора старой школы. Оставив в стороне бесспорную лексикографическую ценность этой рецензии, обратим внимание на критические замечания Чернышева, носящие собственно нормативный характер. Они интересны и поучительны в различных отношениях: и в смысле отбора фактов, и в смысле их перспективной оценки.

В. И. Чернышев выступает против включения в нормативный толковый словарь, в частности, таких слов, как *вдарить*, *гнус*, *заусенец*, *свежатина*, *студенеть*, *добрячка*, *ловкачка* и под., а также *медяк* («У нас есть слово *медяки*, но только в форме множественного числа»), *душещипательный* («Обычно говорят: сердцещипательный»), *ловчила*, *мордоворот*, *старикан*, *стервоза*, *шпаргалка*, *шпаргалить* и *шпаргалочник*, *глухомань*, *запаска*, *заструга*, *затыркать*, *нахамить* и мн. др., считая их просторечными или областными и в эстетическом отношении недостойными нормативного словаря. Легко видеть, что к настоящему времени большинство из них стало нейтральными в общем употреблении, их генетическая связь с диалектным или просторечным источником теперь практически не ощущается (в этом случае Сл. Ушакова новаторски закреплял перспективную норму).

Далее В. И. Чернышев выступает против сомнительных, «деланных» слов, вроде *стенопись*, *событийность*, а также против новейших иностранных слов, которые «пока что являются неприглашенными гостями в русском языке и держатся в узкой верхушке самой ученой интеллигенции или в кругу немногих специалистов». Чернышев полагал,

---

[18] См.: *Чернышев В. И.* Толковый словарь русского языка (Критический очерк). — Избр. труды в 2-х т., т. 1. М., 1970, с. 351 и след.

что их место в словаре иностранных слов, а не в словаре литературного русского языка: *аут*, *бункер*, *диагностировать*, *зуммер*, *инсулин*, *кюре*, *мезальянс*, *мизансцена*, *мумификация*, *стило*, а также *авизо*, *автоклав*, *анамнез*, *грейдер*, *драить*, *каюр*, *радикулит* и мн. др. В отношении таких слов Чернышев, исходя из исторической перспективы, предлагал придерживаться разумного сопротивления, планомерного противодействия. Он полагал, что «внесение подобных более или менее мертвых и темных нерусских элементов, своего рода мишуры в словари русского литературного языка есть вид признания их значения, есть некоторое одобрение их использования» [19].

Известная субъективная оценочность такого рода заявлений, понятная из общих взглядов, вкусов и привычек ученого, для нас теперь совершенно очевидна. Чем же объективно можно объяснить такое отношение специалиста-лексикографа к словарным новшествам Сл. Ушакова? Ответ на этот вопрос мы находим как будто в той же работе Чернышева. Дело в том, что русские академические словари конца XVIII—середины XIX в. были словарями по преимуществу чисто литературными. Слова диалектные, просторечные, новые иноязычные заимствования включались в них весьма ограниченно и с большой разборчивостью. В дальнейшем развитии русской литературной лексики произошел значительный сдвиг в сторону ее расширения за счет просторечия, областных говоров, заимствований из других языков и т. п., но традиционная книжная основа литературного языка сохранилась.

Новые словари русского языка, чтобы не оставаться лексиконами литературной речи прошлого, должны были воспринять многие из этих новшеств (соответственно, конечно, их оценив со смысловой, стилистической и эстетической точек зрения). Только идя по этому пути, словарь мог выполнять свою важнейшую функцию — быть сокровищницей языка (в ее литературно обработанном виде). Именно в связи со всем этим наибольшую трудность в теории и на практике представлял правильный выбор «средней линии» для нормативного словаря, расположенного между лексиконами старого типа и сокровищницей языка в духе Сл. Даля.

Известный ригоризм, граничащий временами с пуризмом, отрицательным отношением к новым фактам языка

[19] Там же, с. 362.

и нормативного (общего) употребления, характеризует некоторые конкретные квалификации в книге В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» [20]. Приведем несколько показательных примеров: о словах *солянка — селянка*: «Этимология слова *селянка* нам не ясна, но это не дает основания переделывать данное слово в *солянка* по случайному сближению с *соль*. Настоящее, взятое из самого языка слово имеет одну форму — *селянка*» (с. 450); о словах *солнцепек* и *солнцеворот*: «При старом и народном *солнопёк* (от корня *солн*, который видим в *солнышко*) имеем подновленное *солнцепёк* (менее употребительно), составленное под влиянием *солнце*. Сравнить также *солноворот* и *солнцеворот*» (с. 488); о мн. числе от слова *опёнок*: «*Опёнок* во множественном числе обыкновенно: *опёнки*» (с. 509); об употреблении относительных прилагательных с оттенком качественности: «Хотя мы и не допускаем таких выражений, как *осенний сад* вместо „сад осенью“ или *вечерние свечи* в значении „свечи, зажигаемые по вечерам“, однако встречаем подобные выражения у выдающихся писателей» (с. 532).

Надо особо отметить, что этот важный труд В. И. Чернышева в подавляющем большинстве своих рекомендаций строго научен и объективен и опирается на богатейший материал русской художественной литературы XVIII—XX вв. Эти рекомендации сохраняют свою силу до наших дней, а сама книга оказала несомненное влияние на теорию и практику нормализации русского литературного языка, предвосхитив и подготовив ряд справочников и пособий последних десятилетий [21].

Правила стилистической грамматики для своей книги В. И. Чернышев извлекал из трех основных источников нормативной (или «лучшей», как он сам называл ее) русской речи. Во-первых, это общепринятое употребление; во-вторых, произведения образцовых русских писателей и, наконец, в-третьих, это лучшие грамматические исследования русского литературного языка (см. «Введение»). Автор исходил из известных трудов Ломоносова, Востокова, Буслаева и других русских языковедов. Ссылки

---

[20] Цит. по кн.: *Чернышев В. И.* Избр. труды в 2-х т., т. 1, с. 443 и след.

[21] Ср., например, принявшие само название «словари-справочники»: Прав. рус. речи; Грам. прав. рус. речи; см. также: *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. 3-е изд. М., 1974, и многочисленные справочники этого автора.

на их мнения и оценки чаще всего встречаются в основном корпусе книги. Чернышев сопоставляет эти оценки со своими наблюдениями и квалификациями, критически использует материалы Грота (которого он упрекал за плохое знание живого языка и художественных текстов, но ценил как грамматиста).

В. И. Чернышев мечтал о создании специального «стилистического», как он его называл, словаря русского языка. По его замыслу, он должен был быть достаточно компактным, небольшим по объему. В предисловии ко 2-му изданию «Правильности и чистоты русской речи» (1913) он писал: «В виде дополнения к данному изданию предполагается потом выпустить небольшой русский стилистический словарь, который будет содержать те затруднительные для употребления случаи, которые относятся не к грамматической, а к лексической (словарной) стороне языка» [22]. К сожалению, этот интересный замысел так и не был выполнен. Вместе с тем в тексте самой книги Чернышева содержится много материалов задуманного им словаря, и поэтому она в целом может рассматриваться как первый опыт нормативно-стилистического и сопоставительно-исторического словаря.

Имевшийся в ту пору в отечественном языкознании опыт создания «словарей правильностей» удовлетворить В. И. Чернышева, безусловно, не мог (см., например, работы А. Н. Греча, К. П. Зеленецкого, И. М. Николича, словарики В. Долопчева и И. И. Огиенко). Изучение старых словарей правильности русской речи со всей очевидностью показывает, что в отношении к нормативности их авторы придерживались в общем-то единой схемы: литературная норма считалась данной в текстах, описанной в существующих грамматических пособиях и словарях. Извлеченный из устной и письменной речи (в том числе и из языка писателей) материал, так или иначе «противоречащий» этим источникам, объявлялся ошибочным, неправильным и на основании такого сопоставления запрещался. Практически при таком подходе любое новшество могло быть объявлено ошибкой. Сам подход авторов дореволюционных словарей правильностей русского языка к анализу материала и к принципам его отбора можно охарактеризовать как «нормативно-пуристический». И не случайно потому эти «словари правильностей» называют не-

[22] *Чернышев В. И.* Указ. соч., с. 443—444.

редко «словарями неправильностей» (в соответствии с их содержанием и назначением) [23].

Наши современные «словари правильностей» [24] характеризуются принципиально иным подходом, который можно было бы назвать нормативно-объяснительным или нормативно-стилистическим. Традиции этого подхода восходят к книге В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи».

В 1962 и 1965 гг. (1-е и 2-е изд.) вышел словарь-справочник Прав. рус. речи, теоретическим основанием которого стало представление о постоянном движении языка и его норм, развитии их вместе с развитием общества. «Правильная, объективная оценка современного состояния русского языка и его норм, — говорится в предисловии к словарю, — должна опираться не на сумму субъективных мнений, а на анализ исторических закономерностей и современных тенденций развития языка» («От редактора», с. 4).

Принципы нормативно-стилистического подхода нашли свое дальнейшее развитие в словаре-справочнике Трудн. словоупотр. и вар. норм и в опыте частотно-стилистического словаря вариантов Грам. прав. рус. речи. В обоих этих словарях широко используется прием сопоставления с нормой XIX—нач. XX в.; историческая ретроспектива помогает представить современную литературную норму в динамике, точнее и конкретнее оценить и выявить тенденции развития системы литературного языка и его норм. Достоверность и убедительность нормативных рекомендаций и выводов при этом в значительной степени возрастают, а субъективная оценочность сводится к минимуму. Словарь Грам. прав. рус. речи дает возможность исследователю с достаточной полнотой (во многих случаях исчерпывающей) увидеть то или иное грамматическое явление современного русского литературного языка на всем лексическом материале в пределах соответствующей «зоны вариантности». Словарь-справочник Трудн. словоупотр. и вар. норм русского литературного языка и Грам. прав. рус. речи по праву можно расценить как серьезные под-

[23] См. обзор: *Цейтлин Р. М.* О словарях неправильностей XIX—начала XX в. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 3. М., 1961, с. 176 и след.

[24] Библиографическое описание их, а также перечень рецензий см. в обзорах Е. А. Вологдиной и Н. В. Новиковой в настоящем сборнике.

ступы к обобщающей работе по составлению Полного нормативно-стилистического словаря современного русского литературного языка. Задача создания такого словаря — как высшего типа нормативных словарей — осознается советскими языковедами во всей ее актуальности и сложности.

Идея нормативно-стилистического словаря русского языка, в дореволюционное время выдвинутая В. И. Чернышевым (неосуществленный замысел «стилистического словаря»), в советскую эпоху наиболее развернуто была представлена в работах Л. В. Щербы, а затем В. В. Виноградова. Особенно широко эта проблема обсуждалась вскоре после завершения издания МАС в 4-х томах — в статьях Ф. П. Филина, Ю. С. Сорокина, А. М. Бабкина, К. С. Горбачевича и др.[25] Сама жизнь подтвердила мнение акад. Л. В. Щербы о том, что задача создания словаря такого рода совершенно особая и во многих отношениях новая и трудная [26]. Об этой задаче — в широком контексте теоретических и практических проблем речевой культуры — писал В. В. Виноградов: «Широкий круг проблем и задач исследования литературной русской речи — как устной, так и письменной — в связи с вопросами речевой культуры может быть освещен на базе и на фоне важного и необходимого, впрочем, у нас до сих пор еще не бывшего даже предметом обсуждения, „Словаря русской речи“, в котором нашли бы отражение и истолкование своеобразия и тонкости современного стилистического словоупотребления» [27]. Назначение нормативно-стилистического словаря состоит в последовательной характеристике (описании и квалификации, оценки с нормативной точки зрения) состояния русской лексики и типических особенностей ее современного употребления. «Нормативно-стилистический словарь, — отмечает Ф. П. Филин, — должен быть „лексикографическим зеркалом“ русской литературной лексики в ее современном состоянии, т. е. словарем,

---

[25] См., например: *Филин Ф. П.* О новом толковом словаре русского языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1963, т. 12, вып. 3; *Горбачевич К. С.* О задачах и общих принципах нормативно-стилистического словаря. — РЯНШ, 1966, № 1; *Сорокин Ю. С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка. — ВЯ, 1967, № 5.

[26] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии.

[27] *Виноградов В. В.* Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры. — ВЯ, 1961, № 4.

в котором должна найти отражение лексическая система литературного языка с ее закономерностями» [28].

Трудности теоретического и практического характера, стоящие перед составителями нормативно-стилистического словаря, могут быть представлены в виде следующего круга проблем:

1) проблемы собственно лексикологические (необходимость отразить сложность лексической системы, а также социальную, территориальную и возрастную дифференциацию в пределах единого языкового коллектива в исторически обозримый период);

2) проблемы собственно или по преимуществу лексикографические (вопрос о хронологических рамках материала и в связи с этим круга источников; проблема стилистических помет и т. п.);

3) проблемы нормативного характера [29]. Нормативно-стилистический словарь должен показать не только костяк устоявшихся литературных норм, но и перспективную (потенциальную, реализуемую) норму. В этом отношении он должен преодолеть недостатки обычных словарей, запаздывающих с отражением новых явлений в лексике и семантике. Он призван быть современным, объективным и актуальным в самом строгом и точном значении этих слов. Только тогда он становится действенным орудием повышения речевой культуры и самого воспитания ее как активного отношения к смысловым и образным богатствам родного языка.

«Задача нормативно-стилистического словаря, — пишет Ф. П. Филин, — хранить устоявшееся, образцовое, оберегать его от разного рода неправильностей и искажений и в то же время способствовать закреплению побеждающего нового, прогрессивного, устранять отжившее, не соответствующее общенародной речевой практике. Разумеется, такая установка вовсе не предполагает исключения из словаря всего колеблющегося, отклоняющегося от общепринятого, богатств разговорно-просторечной лексики. . . Важно показать чрезвычайно богатое разнообразие современной русской лексики, чтобы читатель словаря мог знать, когда и что применимо и когда и чего следует избегать» [30].

---

[28] *Филин Ф. П.* Указ. соч.

[29] См. подробнее в кн.: *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

[30] *Филин Ф. П.* Указ. соч., с. 189.

Нормативно-стилистический словарь — вершина нормативной лексикографической теории и практики. Можно полагать, что подготовительная работа по созданию широко задуманного предприятия к настоящему времени практически закончена. Среди непосредственных источников Полного нормативно-стилистического словаря русского литературного языка прежде всего должны быть названы такие книги, как Орфоэпич. сл. рус. яз. Произношение, ударение, грамматические формы, подготовленный в Институте русского языка АН СССР под руководством Р. И. Аванесова, Учеб. сл. сочет. слов рус. яз. (ок. 2500 словарных статей), названные выше словари Трудн. словоупотр. и вар. норм и Грам. прав. рус. речи. Кроме того, может быть использован и расширен опыт таких словарей, как Прав. рус. речи, Трудн. случаи употр., Трудности рус. языка, и других нормативных изданий.

В нормативно-стилистическом словаре современного русского языка не может быть представлена простая сводка перечисленных здесь книг. Их материал должен быть обработан в плане единого нормативного подхода и взгляда. Литературные нормы должны предстать в нем в сложной и стройной системе парадигматических и синтагматических отношений, в живом взаимодействии старого и нового, устоявшегося и нарождающегося, с широким лингвистическим комментарием бытующих общественных мнений и вкусовых оценок языковых фактов, мнимых «запретов» и т. п.

Успехи советской исторической лексикографии, особенно ярко проявившиеся в последнее десятилетие (подготовка этимологических и исторических словарей с древнейших времен до XX в. включительно), выдвигают на передний план необходимость создания академического нормативно-стилистического словаря современного русского литературного языка как одну из ближайших задач советских языковедов.

Создание нормативных словарей-справочников, объективно отражающих функционирование и неуклонное движение, развитие литературных норм — важное научное, просветительское и общекультурное дело. Теория и практика советской нормативной лексикографии со всей очевидностью подтверждают это. Л. В. Щерба отмечал в свое время известное недоразумение, связанное с неправильным противопоставлением нормативного словаря описательному: «Хороший нормативный словарь не придумы-

вает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю. Может быть, норму трудно иногда подметить; но это уж несчастье исследователей и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела» [31].

При всех возможных частных недочетах, неизбежных отдельных погрешностях и неточностях толковые и собственно нормативные словари были и остаются авторитетными и универсальными пособиями и справочниками по культуре речи, активным средством пропаганды литературных норм современного русского языка.

СЛОВАРИ ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ И БЛИЗКИЕ К НИМ ПО ТИПУ. СЛОВАРИ ОМОНИМОВ, АНТОНИМОВ, СИНОНИМОВ

(Обзор)

Е. А. Вологдина

В 1956 г. под общим руководством акад. С. П. Обнорского вышел Орфограф. сл. (110 тыс. слов), подготовленный институтом языкознания АН СССР. Словарь был естественным продолжением работы по унификации русского правописания, нашедшей отражение в «Правилах русской орфографии и пунктуации», изданных в том же, 1956 г. Источником орфографического словаря послужили существующие словари русского языка: Сл. Даля, Сл. Ушакова, академическая словарная картотека. Словарь включал в основном лексику современного русского литературного языка, а также слова, встречающиеся в художественной литературе прошлого или в специальной литературе и нуждающиеся в орфографической нормализации: термины; просторечные и диалектные слова; некоторые устарелые слова; словосочетания, затруднительные для написания. В словарь включены имена собственные, для различения омонимических с ними нарица-

[31] См.: *Щерба Л. В.* Языковая спстема и речевая деятельность, с. 276.

тельных имен, например: Октябрь (название праздника) и октябрь (месяц); звания — Герой Социалистического Труда.

Словарь не допускает орфографических вариантов, но отражает варианты произносительные (*будничный* и *будничный*), словообразовательные или лексические (*двухдушевой — двудушевой* и *двудушный*; *стелить — стлать*). Указания на значение слов не даются, за исключением тех случаев, когда при одинаковом произношении двух слов имеет место различное написание: *грубеть* (становиться грубым), *грубить* (говорить грубости). Стилистические пометы даются только в тех случаях, когда имеются стилистические варианты: *номер* и (устар.) *нумер*. В словаре даются грамматические пометы и формы падежей для всех случаев трудностей, указано ударение слов и их форм. «Структура орфографического словаря, — писал С. И. Ожегов, — по самому содержанию не может отличаться большой сложностью. Поэтому в нем предусмотрено такое расположение материала, которое в наибольшей степени облегчило бы наведение конкретных орфографических справок» [1].

Получив положительную оценку, Орфограф. сл. не разрешил многих вопросов, важных для орфографических словарей вообще. «Массовый читатель, даже серьезный преподаватель русского языка не нуждается в орфографическом пособии на 110 000 слов, для него гораздо полезнее пособие значительно меньшего объема. . . — писал Л. А. Булаховский в рецензии на выпущенный словарь. — Практически значение словаря снижается не столько полнотой, сколько разнородностью включенного материала. Не может не сложиться впечатления об узаконении права литературного употребления таких областных и просторечных слов, которые издавна считались для литературной речи периферийными: взаправду, то-бишь и т. д.» [2] Кроме того, вызывает сожаление, что составители не дали полного материала по собственным именам. К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь в рецензии на словарь положительно оценили включение такого огромного количества слов, дающего «возможность удовлетворить запросы различных

---

[1] *Ожегов С. И.* Упорядочение русской орфографии. — Вести. АН СССР, 1957, № 1, с. 37.

[2] *Булаховский Л. А.* Орфографический словарь русского языка. — РЯШ, 1957, № 5, с. 110.

категорий читателей. . .» [3] Хотя словник можно было бы сократить за счет узкоспециальных терминов, бесспорных в орфографическом отношении слов (*дом*, *нос*), производных слов, написание которых определяется строгими правилами, и широких гнезд слов (например, *захват*, *захватанный*, *захватать*, *захватить*, *захватка* и т. п.), наречий типа *по-русски*. Есть в словаре и противоречия: слитно-раздельное написание сложных слов; правописание с *не-*; отсутствие формы род. п. у таких слов, как *ампер*, *гектар*, *грамм* и т. д. [4] С. П. Обнорский писал в рецензии: «В словаре чувствуется претензия на полноту. Поэтому попадаются слова искусственные. . . Ср. такие слова, как сравн. ст. *ветше*, *вплеск* (Акад. сл. р. яз. 1948 г. — *вплеск* и *вплёск*), *вымчаться*, *отснять*, *отщипаться*, *охватиться*; *охмурить*. . .»

В словаре большое количество специальных терминов. Многим из них место в специальных словарях. Поэтому значение таких слов без пояснения неясно. Ср., например, такие слова, как *взвесь*, *гирундин*, *понарошку*, *скудо*, *старо-розовый* (цвет), *стюард* и мн. др. Большим изъяном словаря является то, что в нем редко указываются значения при словах. Кроме того, «использование источников, как видно, было механическим, без необходимой обработки. Есть много противоречий. А ведь данный словарь, выпускаемый Академией наук СССР ко времени нового пересмотра орфографии, должен был бы быть безупречным» [5].

Орфограф. сл. выдержал 13 изданий. В 1957 г. вышло стереотипное 2-е издание, в 1958 г. — 3-е, в 1959 г. — 4-е, издание 5-е, исправленное и дополненное, вышло в 1963 г. под редакцией С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (104 тыс. слов). В этом издании были использованы БАС (в 17-ти т.), МАС (в 4-х т.), Сл. Ожегова, словари иностранных слов, БСЭ.

Словник был сокращен за счет редких и вышедших из употребления терминов, узкоспециальных наименований, сокращены группы с первой частью *авиа-*, *радио-* и т. п. Внесены уточнения и исправления, в частности

---

[3] *Былинский К. И., Розенталь Д. Э.* Орфографический словарь русского языка. — ВЯ, 1957, № 5, с. 141.

[4] Там же, с. 142—143.

[5] *Обнорский С. П.* Орфографический словарь русского языка. 1956. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1957, т. 26, вып. 4, с. 366.

в написании сложных прилагательных (в словаре 1956 г. — *древесно-волокнистый*, во 2-м издании — *древесноволокнистый*), в грамматических пометах, в образовании форм слов.

По-иному даются слова с отрицательной частицей *не*, общая часть которых сокращена. Словник пополнился новыми словами: *авторалли*, *космодром*, *гидрощуп* и мн. др. В качестве приложения авторы дают «Краткий список наиболее трудных для написания личных собственных имен». «Правила русской орфографии», которые ни разу не переиздавались с 1956 г., в это издание и последующие не были включены, хотя Орфограф. сл. — это фактически приложение к «Правилам», которые не могут охватить все случаи написания.

Следующие издания были стереотипными: 6-е — 1965 г., 7-е — 1967 г., 8-е — 1968 г., 9-е — 1969 г., 10-е — 1970 г., 11-е — 1971 г., 12-е — 1973 г. В 1974 г. вышло 13-е издание, исправленное и дополненное (106 тыс. слов, под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова). Цель переиздания — обновление словника, устранение непоследовательностей и внесение уточнений и исправлений, с учетом замечаний и предложений, поступивших в Институт русского языка с 1963 г.

Общий объем словника увеличен на 2000 слов, но одновременно сокращен за счет малоупотребительных, устаревших слов, сокращены словообразовательные гнезда, более компактно подан материал (например, возвратные глаголы и причастия объединены с невозвратными формами, чего в предыдущих изданиях не было); сняты некоторые грамматические пометы (например, форма твор. п. ед. ч. существительных, основа которых оканчивается на *ж*, *ш*, *щ*, *ц*; форма с беглой гласной у существительных и кратких прилагательных приводится в случаях, связанных с грамматическими и орфографическими сложностями: *боец*, *кухонь* и др.).

Изменено и оформление сложных слов: звездочкой отмечены слова, написание которых определяется в контексте в зависимости от того, являются ли они прилагательным или причастием, термином или словосочетанием (*сильнодействующий* и *сильно действующий препарат*). Изменены написания некоторых слов (*электронно-лучевой*, *глиносоломенный* и другие). Объем словаря не позволяет включить в словник всю продуктивную группу сложных слов, сложных терминологических образований, поэтому

в словаре только показаны их возможные написания, дается соответствующая «шапка», например: *авиа. . .*; *авто. . .* и т. д. — «первая часть сложных слов, пишется всегда слитно». В словарь включены также новые слова (*кримплен*, *бьеннале* и др.).

Последнее переиздание Орфограф. сл. было подготовлено на материале картотеки, составленной по БАС, МАС, словнику подготавливаемого 3-го издания БСЭ, словарю-справочнику Новые слова и знач., по материалам ГОСТов, художественной и научно-технической литературы, словарю-справочнику Слитно или разд. и некоторых других изданий.

В ходе развития науки, различных отраслей промышленности, техники возникает много новых слов, растут различные структурные типы, требующие новой системы усовершенствования, перестройки некоторых разделов орфографии. Свод 1956 г., внеся определенные уточнения и изменения в правила правописания, сыграл положительную роль в упорядочении русской орфографии и пунктуации. Но остались некоторые правила, которые можно было упростить и уточнить, остались неоправданные исключения, затрудняющие преподавание орфографии и пунктуации в школе, остались определенные противоречия в правилах. В начале 60-х годов развернулась дискуссия по этим вопросам, в которой приняли участие учителя школ, лингвисты, общественность. В то же самое время была создана под председательством акад. В. В. Виноградова Орфографическая комиссия по усовершенствованию русской орфографии и пунктуации. В результате ее работы были опубликованы предложения, которые не были приняты, так как встретили довольно резкую критику. Однако необходимость уточнения и упрощения некоторых правил орфографии и пунктуации осталась прежней. Поэтому, хотя Орфографическая комиссия постепенно прекратила свою деятельность, изучение проблем русской орфографии и пунктуации продолжалось, о чем свидетельствует выход в свет ряда монографий, сборников, статей, посвященных проблемам русского правописания. Созданная в 1973 г. под председательством акад. В. И. Борковского новая Орфографическая комиссия, рассматривая действующее русское правописание, исходила из того, что современная русская орфография и пунктуация не нуждаются ни в замене, ни в коренном реформировании, что все изменения, которые будут внесены в существующие правила, не должны

разрушать основ русского правописания, а должны быть направлены на устранение имеющихся противоречий. Летом 1975 г. комиссия закончила работу и был подготовлен Проект изменений некоторых правил русского правописания.

В издательстве «Просвещение» в 1974 г. вышло 29-е издание Орфограф. сл. для учащихся средней школы Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (стереотипное переиздание 27-го издания, подготовленного к печати, дополненного и исправленного Л. А. Чешко). Словарь был составлен Д. Н. Ушаковым в 1934 г., с тех пор многократно переиздавался. В 1957 г., после унификации правил русской орфографии, словарь был основательно переработан. В новом издании 1974 г. общее число слов составило 14 880.

В словаре более последовательно даны грамматические пометы и формы при словах, у многих существительных указаны род, число и некоторые косвенные падежи, например: *при́тча*, тв. *при́тчей*, р. мн. *притч*. У большинства слов обозначено ударение, уточнено произношение, например: *атлет* (не *атлёт!*), *афера* (не *афёра!*). Значение дано в случаях, когда оно объясняет написание: *бобр* (животное), но *бобёр* (мех), а также объясняет иноязычное слово: *кардинальный* (важнейший), раскрывает словосочетание или сложносокращенное слово: *авиазавод* (авиационный завод), *юнкор* (юный корреспондент) и др. Правда, словарь дает также значение слов распространенных и давно известных: *эскалатор* (движущаяся лестница), но не дает таких значений, которые непонятны школьникам (к словам *экер*, *батискаф*, *цеппелин*, *штейгер* и др.). В Приложении даны Список личных имен, употребляемых в современном языке и частично в литературных произведениях прошлого, и Важнейшие правила правописания.

Специальный орфографический словарь Слитно или разд. вышел в издательстве «Советская энциклопедия» в 1972 г. (в 1976 г. — стереотипное переиздание). Словарь посвящен трудной и неразработанной проблеме слитного, раздельного и дефисного написания слов (сложные слова, наречия, слова с частицей *не*). В словарь включена общелитературная лексика и лексика специальная, но наиболее употребительная (около 43 тыс. слов). Словарь составлен на основе «Правил русской орфографии и пунктуации», и трудности в слитном, раздельном или дефисном написании слов вызваны неполной согласованностью раз-

ных орфографических правил. Например, основное синтаксическое правило написания сложных прилагательных требует слитного написания при подчинительной связи компонентов (*народнохозяйственный* — от народное хозяйство) и дефисного — при сочинительной (*ветеринарно-санитарный*), а написание наречия с причастием, например *долго живущий*, может быть подведено под правило, согласно которому термины пишутся слитно: *долгоживущий*. Написание сложных прилагательных не согласуется с написанием сложных существительных, основанном на формальном признаке — наличии или отсутствии соединительной гласной.

В словаре унифицировано написание сложных слов: «Авторы предлагают не ломать голову над синтаксическими отклонениями, отражающими в известной мере реальные отношения предметов, процессов, явлений, — пишет в рецензии Э. И. Ханпира, — а руководствоваться формальным мерилом: есть суффикс или его нет в первой части сложного прилагательного. Есть — пиши дефис, нет — слитно. . . Удобно трактовать правила орфографии как орфографические модели, которые возникают сознательно... но упрощение орфографических моделей возможно лишь в известных границах, предопределенных языком» [6]. Авторы не стали менять написание таких слов, которые закрепились в соответствии с «Правилами» (например, с первой частью *водно-*, *горно-*). Формальный принцип предлагается в тех случаях, «когда написание неизвестно или когда имеются колеблющиеся написания» (с. 7).

В. Э. Сошинская в своей рецензии на словарь пишет: «. . . следуя закономерности правописания сложных прилагательных, установленной авторами, практически устраняется колебание между написанием сложных прилагательных и сложных существительных, а именно слитное написание слов типа *стеклокерамический*. . . мотивируется формально — отсутствием суффикса прилагательного в первой части этих слов, и пишущий не обязан задумываться о том, существует ли реально в языке слово *стеклокерамика*. . .» [7]

Это первый орфографический словарь-справочник слитных и раздельных написаний сложных слов, но кроме

---

[6] *Ханпира Э. И.* Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). — РЯНШ, 1973, № 4, с. 83.

[7] *Сошинская В. Э.* Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). — РЯШ, 1974, № 3, с. 105.

орфографии авторы указывают место ударения в слове и дают рекомендации в случае колебаний склоняемости-несклоняемости первой части. Словарь предназначен для широких кругов читателей.

Другой специальный словарь — Орфограф. морск. сл. — вышел в 1974 г. (ок. 25 тыс. слов). Словарь предназначен для специалистов, моряков, преподавателей и учащихся специальных учебных заведений, а также редакторов, филологов и широких кругов читателей. Это первое в истории отечественной лексикографии пособие, в котором с указанием ударения дается написание слов и их грамматических форм, относящихся к области специальной терминологии. В качестве самостоятельных словарных статей в нем выступают и устойчивые сочетания слов, наиболее употребительных в морской практике. Автором словаря были использованы словари и справочники общего и специального характера, современные и дореволюционные, морские словари, пособия, учебники для военно-морских учебных заведений, морская художественная литература (в конце книги дается библиографический список).

Словарь дает терминологию кораблевождения, кораблестроения, включены авиационная, морская транспортная и речная терминология, а также технические термины и общелитературные слова, вошедшие в морскую лексику. В основную часть словаря включены существительные, прилагательные, глаголы, наречия, причастия и междометия с их произносительными, лексическими, словообразовательными вариантами (*гарматáн* — устар. *харматáн*, *коррелят* — мор. *коррелáта*); устойчивые сочетания (*прóблесковый огонь*, *нечистый грунт*, *наинизший уровень воды*), сочетания — названия документов, учреждений, географические наименования (*Ллойдовский регистр*, *Министерство морского флота СССР*, *Мировой океан*). В случае, если общелитературные слова в морском языке имеют другое значение, в скобках указаны такие значения: *тетивá* (боковая доска у трапа, к которой крепятся ступени); *он*, *слово* (флаг); *брага* (стальной трос). В словаре приведен большой список сложных слов, причем продуктивная группа дается под «шапкой», например: *около. . .* — первая часть сложных слов, пишется слитно; *кливер-* — первая часть сложных слов, пишется через дефис; показана склоняемость или несклоняемость первой части (*генерал-полковник-инженер*, *генерал-полковника-инженера*).

В качестве приложения (Приложение I) даны морские и речные термины, которые употребляются в некоторых районах (бассейнах) например: *затяг*, -а, арх[ангельская обл.], баренц[ево море]. . .; *вздохи моря*, арх., помор[ский берег] — (переход от прилива к отливу и обратно); в Приложении II — наиболее употребительные командные слова, например: *Леера убрать*, *Малый ход*. В Приложении III даны названия океанов, морей, заливов, каналов.

В рецензии на словарь Б. З. Букчина и Л. П. Калакуцкая пишут, что «появление „Орфографического морского словаря" является серьезным этапом в развитии современной лексикографии. Словарь дает возможность конкретно обсуждать вопросы, связанные со спецификой орфографического отраслевого словаря» [8].

В 1963 г. вышел Сл. сокращ. рус. яз. Этот справочник явился первым отечественным словарем сокращений русского языка. В него вошло около 12 500 аббревиатур. При этом, как подчеркивают авторы словаря, было отсеяно громадное количество сокращений, созданных в разное время коллективами и отдельными авторами, но не получивших, по мнению составителей и редакции, широкого распространения в русском языке. Материал для словаря выбирался из периодической печати, общественно-политической, научной и художественной литературы, различного рода справочников.

Авторы словаря не ограничиваются только расшифровкой сокращений, но и, что особенно важно, обращают особое внимание на произношение буквенных аббревиатур, которое нередко расходится с графическим изображением. По возможности указывается и род сокращенного слова. Здесь авторам пришлось провести большое самостоятельное исследование. Предложенная ими классификация (Предисловие, с. 5—6) разделяет материал по категории рода на основе противопоставления наличия—отсутствия закрепленной родовой категории. Ср., например, *ГУМ*, *МИД* с регулярным изменением по падежам в отличие от *МЭИ*, *КНР* и т. д., где синтаксическое выражение рода направляется не фономорфологией сокращения, а его расшифровкой, в связи с чем изменения по падежам не происходит.

---

[8] *Букчина Б. З.*, *Калакуцкая Л. П.* Орфографический морской словарь. — ВЯ, 1975, № 5, с. 160.

В связи с тем, что авторы не ставили перед собой цели строгой нормативности материала, объяснимо и то, что порой даже на одной странице заголовочные слова начинаются то с прописной, то со строчной буквы (с. 114—115, 304—305, 308 и др.).

Значительное место в словаре отведено общественно-политической, строительной и другой терминологии: *Грэс*, *Гоэлро* и т. п. Выходят за пределы отраслевых языков и названия марок автомашин, самолетов, предметов обихода и т. п. — *ИЛ*, *ТУ*, *ЗИЛ*, *ВЭФ* и др.

Большое количество аббревиатур разного типа, представленное в словаре, изучено далеко не достаточно. Поэтому собранный в словаре материал может служить не только авторитетным справочником, но и иметь большое значение для развития исследований в данной области знания.

За последние годы русская лексикография пополнилась словарями, представляющими разные микросистемы лексики языка.

В 1971 г. вышел Сл. антонимов рус. яз.$_1$ Л. А. Введенской. Такой словарь издается впервые; до сих пор антонимы включались лишь для дополнения, уточнения лексического значения слова в словари толковые и синонимические. Назначение словаря — служить пособием при изучении системы русских антонимов. Словарь, содержащий общеупотребительные антонимы, рассчитан на преподавателей вузов, студентов, аспирантов, а также переводчиков, редакторов, писателей. В Предисловии сказано, что словарь свидетельствует о богатстве выразительных средств русского языка, знакомит с приемами употребления антонимов в современной литературе. Основой для словаря послужила составленная автором картотека цитат из научной, художественной и публицистической литературы (ок. 10 тыс. примеров), а также из словарей. Словарь содержит как разнокорневые антонимы (*истинный — ложный*,) так и однокорневые (*легко — нелегко*).

В словаре дается толкование каждого слова, показана связь антонима (*возвышать — унижать*, *возвышать — понижать*) с многозначностью, приводятся синонимичные пары антонимов (например, существующие два ряда синонимов с противоположным значением — *большой*, *огромный* и *маленький*, *крошечный* — и образует синонимичные пары антонимов: *большой — маленький*, *большой — крошечный*, *огромный — маленький*, *огромный — крошечный*).

Каждая пара антонимов иллюстрируется примерами из художественной или научно-публицистической литературы. «Одним из главных достоинств рассматриваемого словаря, — пишут Л. В. Николенко и С. Ф. Иванова, — является четко изложенная и достаточно аргументированная научная концепция антонимии в современном русском языке» [9].

В том же году появился небольшой Сл. антонимов рус. яз.$_2$ Н. П. Колесникова, включивший 1300 пар слов. Словарь создан в первую очередь как справочное пособие для студентов-филологов, преподавателей, журналистов и переводчиков.

Автор определяет антонимы как «разнозвучные слова, объединяющиеся в пары, члены которых противопоставляются друг другу в каком-либо одном отношении: *шум* и *тишина*, *брат* и *сестра*, *хороший* и *плохой*, *брысь* и *кис-кис* (с. 3). В словарь включены слова, образованные от разных корней (*долгий — краткий*, *война — мир*), однокоренные (*верный — неверный*, *наука — лженаука*), сложные слова (*легкоплавкий — тугоплавкий*, *дальнозоркость — близорукость*).

Включены в словник и слова, заимствованные из других языков или созданные на базе интернациональных словообразовательных элементов (*донор — реципиент*, *дифференцировать — интегрировать*). В отличие от словаря Л. А. Введенской антонимические пары примерами не иллюстрированы, но значение каждого из противоположных слов толкуется с помощью краткого определения: *зачехлить — расчехлить*. *Зачехлить* — надеть чехол на что-либо, покрыть чехлом. *Расчехлить* — снять чехол с чего-либо.

В 1978 г. вышел Сл. антонимов рус. яз.$_3$ М. Р. Львова, который содержит антонимические пары (ок. 2 тыс.), встречающиеся в одном предложении или небольшом отрывке текста. В словаре использованы в качестве иллюстраций пословицы и поговорки, выдержки из произведений классической и советской литературы, исследований научного жанра, публицистики, словарей, материал из современных периодических изданий — журналов и газет. Этот словарь можно отнести к нормативному словарю-справочнику, предназначенному для широкого круга читателей.

---

[9] *Николенко Л. В.*, *Иванова С. Ф.* Л. А. Введенская. Словарь антонимов русского языка. — РЯНШ, 1972, № 4, с. 85.

Словарь включает антонимы (одинаковых и разных корней), выражающие: 1) качественную противоположность (*оригинальность — банальность, мягкий — твердый*); 2) дополнительность (*женатый — холостой, правда — ложь*); 3) противоположную направленность действий, признаков, свойств (*ум — безумие, зацветать — отцветать*); 4) прагматические антонимы (*ум — сердце, душа — тело*).

Словарные статьи расположены по алфавиту заглавной пары антонимов. В статье может быть одна пара антонимов или группа пар, объединенных по синонимическому признаку. Таблица основных способов образования однокоренных антонимов и словообразовательные элементы антонимического характера даны в качестве приложения к словарю.

В 1971 г. вышел Сл. паронимов рус. яз. Н. П. Колесникова — первый опыт создания подобного словаря. Автор определяет паронимию как «такое явление в речи, когда два слова, в какой-то мере сходно звучащие, но имеющие разное значение, ошибочно употребляются одно вместо другого. Например, *адресат* вместо *адресант*, *боцман* вместо *лоцман*, *кремень* вместо *кремний*, а слова, составляющие такие пары, называются п а р о н и м а м и» (с. 3).

В словарь включено 1432 гнезда паронимов (более 3000 слов). При каждом дается толкование: *обаяние — обоняние. Обаяние* — 1. Очарование, воздействие пленительного, привлекательного, чарующего. 2. Сильное, покоряющее влияние. 3. Состояние человека, находящегося под воздействием каких-либо чар, внушений. *Обоняние* — одно из пяти внешних чувств, которым воспринимаются и различаются запахи.

Употребление одного слова вместо другого, сходнозвучного, объясняется не только сходством их звучания, но в ряде случаев и их смысловой близостью, а главным образом — недостаточно твердым знанием значения одного из слов или даже обоих, некомпетентностью говорящего в той сфере деятельности человека (наука, техника, искусство, ремесло и т. д.), откуда взято слово. Каждому грамотному человеку необходимо точно знать значение употребляемого им слова, и в этом может помочь Сл. паронимов рус. яз.

В 1974 г. вышел Сл. омонимов рус. яз., который включает свыше 2 тыс. словарных статей, содержащих пары

или группы омонимов. Автор в Предисловии определяет омонимы как разные слова, состоящие «из тождественных фонемных рядов и различающиеся только семантически или грамматически или и семантически и грамматически одновременно» (с. 4), это: 1) слова с выраженной морфологической структурой — этот тип подразделяется еще на 5 подтипов, например: 1. Омонимия основ (*колкий — колкая трава, колкая насмешка*); 2. Омонимия аффиксов (*курсы — курс* и *учебное заведение*) и др.; 2) исконно разные слова (*брак, лук*); разошедшаяся полисемия (*кулак, пионер*). Последний тип вызывает наибольшие трудности, так как процесс омонимизации таких слов не завершен и некоторые академические словари не считают их омонимами.

Словарь состоит из основной части, включающей омонимы русского языка, Указателя отнесенности омонимов к различным типам омонимии, который дает возможность обозреть омонимы в пределах каждого типа, Указателя распределения типов омонимов по основным частям речи (существительные, прилагательные, глаголы). Н. П. Колесников в рецензии на книгу высказывает пожелание о выделении остальных частей речи и включении их в указатель [10].

В словарь включены два приложения: I. Функциональная омонимия (соотношение существительных и прилагательных, наречий и предикативных слов и т. д.), например: *сладкое* — прил. (печенье, кушанье), *сладкое* — сущ. (любитель сладкого); II. Омографы (разные слова, более или менее случайно совпавшие по написанию) (*ка́пельный — капе́льный*).

При каждом члене омонимической пары (группы) даются переводы на английский, немецкий и французский языки. В словарной статье приводятся примеры лексической сочетаемости, цитаты, иллюстрирующие употребление в языке. Грамматические пометы даются в случае, если эти сведения подчеркивают омонимическое противопоставление выделенных в заглавии слов; даны пометы для разграничения сфер употребления (устар., обл. и др.).

В рецензии Н. П. Колесникова содержится ряд замечаний относительно перехода полисемантических слов (полисемов) в разряд омонимов, отбора лексики, струк-

---

[10] *Колесников Н. П.* О. С. Ахманова. Словарь омонимов русского языка. — РЯШ, 1974, № 6, с. 100.

туры словаря и т. д. Но перед составителями словаря, основным источником которого стал словник омонимов и полисемантических слов, содержащийся в книге О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии» (М., 1957), стояли колоссальные трудности. Словарь омонимов русского языка издается впервые. Он предназначен для специалистов по русскому языку, а также для иностранцев, изучающих русский язык, преподавателей русского языка за рубежом, преподавателей иностранного языка (английского, немецкого, французского), составителей двуязычных словарей.

В 1968 г. вышел Сл. синонимов рус. яз.$_1$ З. Е. Александровой, который охватывает около 9 тыс. синонимических рядов. В 1969 и 1971 гг. вышло стереотипное переиздание словаря.

Словарь, по характеристике самого автора, «предназначен в качестве практического справочника для людей, владеющих русским языком как родным» (с. 5). Что касается определения синонима, то в Предисловии дается его традиционное понимание: «синонимами признаются слова, выражающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по своему значению, которые отличаются один от другого или оттенками значения, или стилистической окраской (и сферой употребления). . .»

В словарных статьях не раскрываются значения синонимов, нет иллюстраций примерами. Словарь дает определенный набор синонимов. «З. Е. Александрова . . . стремилась представить в синонимическом ряду б о г а т с т в о русской лексики и фразеологии, возможности для выражения любого оттенка мысли, для создания любой стилистической тональности. . . Словарь предназначен тем, кто ищет и выбирает — часто с муками — слово, способное с наибольшей точностью передать мысль или эмоцию» [11].

В качестве синонимов в словаре даются: отдельные слова (*красный — багровый — алый*), сочетания служебных и знаменательных слов (*долго — до бесконечности*), лексикализованные сочетания, обозначающие единое понятие (*авиация — воздушный флот*), фразеологизмы (*спокойно — со спокойной совестью — с легким сердцем — не сморгнув глазом — как ни в чем не бывало — ничтоже*

[11] *Аникст А. А.* За объективность в критике. — НДВШ, Филолог. науки, 1973, № 1, с. 110.

сумняшеся), сложносокращенные слова и соответствующие им полные наименования.

Специальные пометы в словаре ограничивают сферу употребления слова, его сочетаемость, например: *обильно* со словами «посыпать», «намазать» и т. п.: *густо* со словами «идти», «литься» и т. п.: *потоком*, *ручьем*, *рекой*, *дождем*, *градом*. . .; *нищий* в значении сущ.: *побирушка*, *побирашка* (прост.); *попрошайка*, *христарадник* (уст.), *нищеброд* (уст. прост).

А. Хмелевский, сравнивая словарь З. Е. Александровой с вышедшим 1-м томом академического словаря синонимов русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, указывает, что «справочный характер словаря З. Е. Александровой не должен автоматически предполагать включения всей жаргонной, фамильярно-просторечной и областнической лексики. . .» [12] Рецензент указывает также на то, что в словаре субъективны и не обусловлены границы синонимического ряда, большой отсылочный материал приводит и к недостаткам в распределении формо- и словообразовательных моделей одной и той же основы (например, слово *безутешный* представлено двумя доминантами: как прилагательное (*безутешный*) и как наречие (*безутешно*) и т. д.). А. Аникст пишет, что А. Хмелевский признает лишь положение словаря синонимов как нормативно-отборочного. «При своей практической ориентации словарь З. Е. Александровой не совсем лишен и научного значения. . . О проблеме сочетаемости мы уже говорили. . . Самые недостатки словаря в его нынешнем виде связаны с тем же стремлением охватить и проследить как можно больше синонимических связей между словами. . . Большим достоинством словаря является включение в синонимический ряд, после однословных синонимов, фразеологических сочетаний» [13].

В 1970—1971 гг. вышел фундаментальный Сл. синонимов рус. яз.$_2$ в 2-х томах. Как говорится в Предисловии, это первый опыт полного описания синонимов современного русского литературного языка с характеристикой их особенностей и с примерами употребления синонимов в литературной русской речи. Авторы академического словаря устанавливают строгие границы в определении

---

[12] *Хмелевский А.* Новые словари синонимов русского языка. — НДВШ, Филолог. науки, 1971, № 6, с. 97.

[13] *Аникст А. А.* Указ. соч., с. 112.

синонима: «Нельзя признать синонимами слова, относящиеся к различным историческим эпохам (например: *заявление — прошение — челобитная*, *турист — паломник*. . .), слова, принадлежащие различным областным говорам (например: *брюква — бухва — калега*. . .), а также различные жаргонизмы (*идти — хрять*, *пить — бусать* и т. д.). . . и те терминологические, узкоспециальные слова, которые употребляются только в какой-либо научной, технической, профессиональной области. . . (например: *близорукость — миония*. . . и т. д.)». Синонимами могут быть только слова, входящие в состав «современного литературного языка, живой общенациональной разговорной речи» (т. 1, с. 6).

Словарь дает описание синонимических групп слов, которые расположены по алфавиту. Основой группы является понятие, имеющее для своего обозначения два или несколько различных слов, например: *Абзац*, *отступ*, *красная строка*. Обязательно дается определение: Отступление вправо, делаемое при печатании (написании) начальной строки какой-либо части текста. . .

Л. И. Балахонова и Ф. П. Сороколетов в рецензии на словарь пишут, что, «поскольку задача словаря — выделение и описание той части словарного состава, которая связана между собой синонимическими отношениями, роль четких и верных определений в этой работе особенно велика» [14]. Что касается лексики, то, по определению А. Хмелевского, в академическом словаре — строгий отбор «лексики в этическом, эмоционально-экспрессивном и функциональном отношениях, а это дает читателю совершенно конкретные и необходимые практические данные для работы» [15]. Материал в словаре иллюстрируется цитатами из произведений художественной литературы от Пушкина до наших дней, из произведений публицистической и научной литературы. Большинство цитат подтверждает правильность характеристик слов, правда мало текстов из современного языка, например: *Адресовать*, *направлять*, *обращать*. Говорить, писать, выражать и т. д. что-л., указывая содержанием или прямым обращением, для кого и с какой целью это делается. . . *Грохов догадался, что этот вопрос был адресован к нему.*

---

[14] *Балахонова Л. И.*, *Сороколетов Ф. П.* Словарь синонимов русского языка в 2-х томах. — Вестн. АН СССР, 1971, № 8, с. 147.
[15] *Хмелевский А.* Указ. соч., с. 97.

Писемский, Мещане, ч. 1, V. *В годы перед революцией в Александринском театре я подавал монологи своего Фигаро уже как острый политический памфлет, в котором каждое слово было адресовано к сегодняшнему дню.* Горин-Горяйнов, Кулисы, Начало. . . *Тогда мальчику кажется, что это он сам едет в ночи на белом коне, к нему обращены стоны и моления.* М. Горький, Фома Гордеев, III.

«Выход в свет первого объяснительного словаря русских синонимов — значительное событие в русской лексикологии и лексикографии; оно отвечает давно назревшей необходимости — дать пособие по русской синонимике для широкого круга читателей. . .» [16] В 1974 г. словарь был удостоен премии им. А. С. Пушкина АН СССР.

В 1975 г. вышел из печати однотомный Сл. синонимов рус. яз.$_3$. Авторы учли опыт работы по созданию двухтомного словаря, пополнив количество синонимических групп. В основу построения словаря лег принцип тождественности и предельной близости значений при выделении синонимических рядов. Составители определяют синонимы как слова, обозначающие одно и то же понятие, следовательно, тождественные или предельно близкие по значению. Поэтому в словарь включена только связанная синонимическими отношениями лексика современного русского языка. Синонимам дается разносторонняя характеристика путем истолкования смысловых оттенков, которыми синонимы отличаются друг от друга, приводятся рекомендации относительно лексической сочетаемости при помощи помет, указывающих на принадлежность слова к тому или иному стилю речи, например: *вредный* (такой, который причиняет или может причинить вред здоровью человека), *нездоровый* (употр. преимущественно при характеристике климата, природных условий, пищи), *вредоносный* книжн. (содержащий вредные для организма вещества).

Синонимы в словаре подразделяются на три группы: 1) смысловые, или «оттеночные», синонимы, позволяющие точно выразить мысль, конкретную ситуацию (*аккуратный*, *чистоплотный*, *опрятный*); 2) экспрессивные синонимы, т. е. слова, выражающие еще и оценку говорящего, эмоцию (*дарить*, *подносить*, *преподносить*, *презентовать*, *даровать*, *жаловать*); 3) стилистические синонимы (*архи-*

[16] *Балахонова Л. И., Сороколетов Ф. П.* Указ. соч., с. 148.

тектор, *зодчий*). Чисто стилистических синонимов мало; обычно стилистическая принадлежность зависит и от экспрессии, от выражаемого оттенка.

Большие группы синонимов, представляющие понятия, раскрывают смысловые оттенки, дают тонкую детализацию понятия часто на примере из классической литературы XIX в., а также современной художественной литературы. Краткие цитаты характеризуют особенности употребления синонимов в речи, например: *адресовать* (к кому; предназначить для кого-л. слова, речь, упреки и т. п.) — *Грохов догадался, что этот вопрос был адресован к нему* (Писемский), *направить — К третьему старику направил слова свои Халиль* (Л. Леонов), *обратить*. В синонимические группы словаря включены слова современного русского литературного языка, живой разговорной речи, а также широко распространенные специальные, областные и устарелые слова.

Н. И. Хренова в своей рецензии пишет: «Безусловным достоинством словаря является широкое включение разговорной и просторечной лексики» [17]. Построение в алфавитном порядке слов, толкование значений, грамматические комментарии с примерами делают словарь «удобным в обращении, им может пользоваться самый неподготовленный читатель. Эта простота свидетельствует как раз о сложной работе, проделанной коллективом лексикологов-русистов Словарного сектора Института русского языка АН СССР под общим руководством А. П. Евгеньевой» [18].

Точность и выразительность речи в значительной степени зависят от правильного употребления синонимов. К сожалению, часто употребляются одни и те же слова и выражения, делающие речь бедной, невыразительной, штампованной. В обогащении речевых средств большую роль играют словари, которые можно также рассматривать как пособия по культуре речи, помогающие найти единственно точное, нужное в данный момент слово: Пособие по лексич. сочет.; Крат. сл. несвобод. сочет.; Устойчивые словосочет.; Сл. рус. пословиц и поговорок; Фразеолог. сл. рус. яз.; Крылатые слова. . .; Кратк. сл. эпитетов рус. яз.; Сл. эпитетов рус. лит. яз.

---

[17] *Хренова Н. И.* Словарь синонимов. — Рус. речь, 1976, № 4, с. 139.

[18] Там же, с. 140.

Фразеологический фонд языка своими выразительными средствами служит обогащению литературного языка, как письменного, так и устного. Использование фразеологических единиц, устойчивых сочетаний делает речь емкой, ясной, образной. В настоящее время многие фразеологизмы, часто по причине контаминации, употребляются неверно, видоизменяются или разрушаются. Но, с другой стороны, гибкость и диалектичность в употреблении фразеологических единиц обусловливают развитие фразеологического богатства.

Перечисленные словари и справочные пособия помогут правильно пользоваться всеми словарными богатствами русского языка.

Чтение словарей было любимым занятием Владимира Ильича Ленина. Сл. Даля был в числе самых необходимых книг В. И. Ленина, который писал об этом словаре наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» [19]. Развитию словарного дела Ленин придавал большое значение как средству культурного воспитания. И борьбу за стиль, за точность, за чистоту языка считал задачей государственной важности [20].

СЛОВАРИ ПРАВИЛЬНОСТЕЙ РУССКОЙ РЕЧИ И БЛИЗКИЕ К НИМ ПО ТИПУ

(Обзор)

Н. В. Новикова

Два последних десятилетия ознаменовались выходом в свет целого ряда специальных словарей и пособий по культурно-речевой проблематике: Рус. лит. произнош. и удар.; Сл. ударений; Прав. рус. речи; Сл. назв. жителей (РСФСР); Трудн. случаи употр.; Крат. сл. трудностей; Новые слова и знач.; Трудн. словоупотр. и вар. норм;

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 122.

[20] См. об этом: *Люстрова З. Н., Скворцов Л. И., Дерягин В. Я.* Беседы о русском слове. М., «Знание», 1976.

Трудности рус. яз.; Сл. назв. жителей СССР; Сл. трудностей; Грам. прав. рус. речи и др.

Выдвинутая в них на первый план задача кодификации и нормализации русского литературного языка имеет ярко выраженную практическую направленность и решается в жанре доступных массовому читателю работ. У истоков этого направления стояли известные словари «неправильностей» XIX—нач. XX в., в которых регистрировались нарушения нормы или отступления от нормы с указанием принятого в литературной нормированной речи или принимаемого за норму составителем словаря: Справ. место рус. слова; Опыт сл. неправильностей; словари неправильностей И. И. Огиенко (например, Сл. неправильных. . .) [1].

Заметное влияние на последующее развитие теории и практики нормализации русского литературного языка, на формирование учения о культуре русской речи оказала книга В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи (Опыт русской стилистической грамматики)» (СПб., 1911; 2-е изд., ч. 1, 2. Пг., 1914—1915). Этот труд еще в рукописи был удостоен академической премии им. М. И. Михельсона. Первое издание было весьма высоко оценено современниками; подробный анализ его был дан в рецензии И. В. Ягича [2], замечания которого были учтены автором при подготовке последующих изданий.

В Введении к «Правильности и чистоте. . .» говорится о трудности описания беспрерывных сдвигов в употреблении отдельных форм и оборотов русского литературного языка, если исследователь не ограничит себя небольшим отрезком времени. В качестве главного критерия В. И. Чернышев выдвигает общее речевое употребление: правильным может считаться лишь то, что стало в данный момент общеупотребительным. Автор стремится учесть постоянное обновление языковых форм, смену частично устаревших новыми, составляющими современный запас форм и оборотов. Названная работа, по определению В. И. Ягича, «не просто лишь предостерегает против неправильностей, но на многочисленных примерах показывает, как в языке, подобно живому лесу, отдельные формы

[1] Подробную характеристику перечисленных изданий см. в статье: *Цейтлин Р. М.* О словарях неправильностей XIX—начала XX в. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 3. М., 1961.

[2] *Ягич И. В.* Русская книга о правильности и чистоте русского языка. — В кн.: Чернышев В. И. Избр. труды. М., 1970.

и обороты, пройдя расцвет и всеобщее одобрение, затем начинают завядать и, наконец, полностью выходят из обращения под давлением молодых побегов» [3].

Книга эта, как уникальное собрание фактического материала, не имела себе равных; многие данные в ней рекомендации сохраняют свою силу и поныне. Идеи В. И. Чернышева продолжили и развили в своих работах, посвященных культуре русской речи, советские исследователи.

В послереволюционные годы развитие протекало особенно напряженно и энергично. Коренные социальные преобразования общества вызвали серьезные изменения и в языке. Первой конкретной формой разрешения вопросов нормализации литературной речи явилось создание словарей. Эта работа приняла поистине грандиозный размах. Культурное и политическое значение словарей перешагнуло за рамки чисто филологических интересов. Естественно, что лексикографическая работа опиралась на давнюю и богатую традицию русских словарей. К опыту их обращались и при создании современных толковых словарей русского языка. Начиная с 30-х годов вышли в свет: Сл. Ушакова; два академических — БАС и МАС; Сл. Ожегова, неоднократно переиздававшийся. Словари эти, являясь своего рода «энциклопедией языка», предназначены в первую очередь для носителей языка, а также дают широкий материал для теоретических исследований в области современной лексикологии, грамматики, акцентологии, орфоэпии, что служит в свою очередь базой для создания словарей и справочников разного типа и направления: орфоэпических, ортологических и т. д.

Орфоэпией принято называть совокупность норм устной речи; словари же, посвященные явлениям устной речи, называют орфоэпическими. Образцом этого типа лексикографических работ является словарь-справочник Рус. лит. произнош. и удар. Ему предшествовало издание одноименного Опыта словаря-справочника (1955). В словаре 1959 г. были учтены пожелания и критические замечания, высказанные в адрес 1-го издания, а также результаты обсуждения в научных и общественных организациях. В связи с этим были произведены уточнения произносительных помет и ударений, исправлены замеченные ошибки и опечатки.

---

[3] Там же, с. 648.

Появление этой работы явилось значительным событием. В ней зафиксировано современное русское литературное произношение и ударение. Как отмечено в Предисловии, «в словарь включены те категории слов и те слова и выражения, которые нуждаются в характеристике со стороны произношения, ударения, а также образования форм, подвергаются колебаниям в живом произношении, проявляют тенденцию к отступлению от литературных норм и правил или охватываются этими правилами не во всем объеме» (с. 5).

Будучи составлен в соответствии с орфографическими правилами, этот словарь содержит и сведения о правильном написании слов. Устанавливая норму, словарь в то же время дает и распространенные в разговорной речи отклонения в ударении, произношении, чтобы обратить внимание читателей на их недопустимость, например: *портфе́ль, -я* (не *фэ*) [не *по́ртфель*]; *манеж, -а* (не *нэ*); *слать, шлю, шлешь*; прош. *слал, сла́ла* [не *слала́*], *сла́ло, сла́ли*. Однако некоторые отклонения не могут считаться ошибочными, и их принято считать вариантами нормы. Такие варианты даются как равноправные или как допустимые. При этом они снабжены специальными пометами: *доп.* — если данный вариант с точки зрения современной нормы считается допустимым, *устар.* — устарелым, *разг.* — разговорным и т. д., например: т в о р о́ г, творога́ *и* творогу́ *и доп.* т в о́ р о г, тво́рога *или* тво́рогу; л и́ т ь с я, льюсь, льёшься, льётся; *прош.* ли́лся [*устар.* лился́]; п е р е в и́ т ы й, -ая -ое; *кратк. ф.* -вит, -вита́, [разг. -ви́та], -вито, -виты.

Кроме того, в словаре указаны колебания в формах им., род., твор. и предл. падежей существительных, колебания в кратких и полных формах прилагательных, в степенях сравнения, в деепричастиях и формах прошедшего времени, образованных от некоторых непродуктивных разрядов глаголов и т. д. Вне поля зрения авторов остались колебания в синтаксисе и отчасти в словообразовании.

В некоторых рецензиях на этот справочник отмечалось, что при выборе грамматических форм, при установлении места ударения авторы словаря не только принимают во внимание традиции, но и учитывают то, «как слово звучит сейчас, какие тенденции берут верх» [4], не навя-

[4] *Сергеев Ф.* Вопросы ударения в некоторых словарях и справочниках. — РЯНШ, 1960, № 1, с. 90.

зывают читателю того, что устарело и не отражает современного звучания слова.

К этому же типу орфоэпических словарей относится Сл. ударений. В него вошли материалы предыдущих справочников, выпущенных в 1951 и 1954 гг. научно-методическим отделом Радиокомитета, и новые многочисленные материалы картотеки, которая была заведена при дикторской группе почти с первых дней существования советского радио. Как отмечается в Предисловии к справочнику, «в основе норм, которые устанавливались в пособиях для радиовещания, лежит громадный запас наблюдений над живой речью выступавших по радио чтецов, артистов, дикторов, политических деятелей, ученых, новаторов производства и сельского хозяйства, т. е. людей, в речи которых находит отражение произношение широких народных масс, пользующихся словами литературного языка».

В связи с узкоспециальным назначением словаря — помочь дикторам радио и телевидения в их работе, а также способствовать установлению единообразия в произношении и ударении (разнобои в языке радиовещания и телевидения отвлекают слушателей от содержания передачи и, естественно, вызывают с их стороны резкие протесты) — словник его имеет определенную специфику. В него входят: географические наименования; имена и фамилии политических деятелей, ученых, художников и т. д., если постановка ударения и произношение этих имен и фамилий представляют трудности; названия газет, журналов, телеграфных агентств, опер, музыкальных произведений; слова, постановка ударения в которых может вызвать затруднения, и т. д. В конце словаря даны правила произношения, рассчитанные на особенности дикторского произношения.

Во 2-м издании этого справочника, вышедшем в 1967 г. под ред. Д. Э. Розенталя, расширены и уточнены рекомендации в области ударения и произношения. Необходимость этого была вызвана дальнейшим развитием в современном литературном произношении тенденций, вызывающих отклонение от старомосковских норм, большей распространенностью одних произносительных вариантов по сравнению с другими; были устранены некоторые отступления от литературной нормы, на которые должны были пойти дикторы в силу ряда причин и которые были «узаконены» Словарем ударений (например, во избежание

созвучия прилагательных *герма́нский* и *бирма́нский* последнее предлагалось произносить *би́рманский*).

Стремление к единству произносительных норм, которое, по словам авторов, так необходимо в практике работы работников радио и телевидения, объясняет то, что в словарь из двух «узаконенных» литературных вариантов попадает только один, например *творо́г*, *индустри́я* и т. д.

Непоследовательно даны род. п. мн. ч. к целому ряду слов: например, к словам *ампер*, *ватт*, *вольт* даны эти формы, а к слову *микрон* — нет. Нет формы ед. ч. к слову *банкно́ты*, хотя в литературном языке существует *банкно́т* и *банкно́та*, и именно указание на одну из них как на предпочтительную (а не ударение в форме мн. ч.) представляет интерес. Можно отметить и ряд неточностей в географических названиях: например, в справочнике — *Золо́чевский р-н*, надо — *Зо́лочевский* и т. д.

Несмотря на свою узкую направленность и специфичность, словарь все же слишком категоричен в своих утверждениях и рекомендациях, которые иногда не соблюдаются даже теми, для кого они непосредственно написаны, — дикторами радио и телевидения. Очень мало представлены здесь аббревиатуры, хотя указания на их произношение очень важны не только для устной обиходной речи, но и для практики радиовещания, где приходится применять немало сокращенных названий, произносящихся не так, как они написаны. Как произносить, например: *США*, *ФРГ* — сэшэа, эсшэа, эсша; эфэргэ, фээргэ? На эти и подобные им вопросы словарь ответа не дает.

Первым справочным пособием, возобновившим в наши дни серию изданий, подобных названной выше работе В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи», явился вышедший словарь-справочник Прав. рус. речи. Появление его было вызвано давно назревшей потребностью в научно обоснованном справочнике современного словоупотребления в связи с тем, что вопросы культуры речи привлекали к себе все более пристальное внимание со стороны широких кругов общественности, писателей, ученых, журналистов.

Словарь, в котором рассматривается около 400 слов и выражений, «посвящен одному из самых существенных элементов культуры речи — словоупотреблению» (Предисловие, с. 5). Причины возникающих трудностей словоупотребления многообразны. Они могут быть результа-

том неразличения стилистических оттенков, несоблюдения тонкостей словоупотребления и т. д. В словарь включены наиболее типичные случаи словоупотребления. Весь материал расположен в алфавитном порядке для отдельных слов, а фразеологические единицы и сочетания помещаются по алфавиту знаменательных, опорных слов выражения. Составители использовали для иллюстраций правильного и неудачного словоупотребления разнообразный материал, почерпнутый из произведений художественной литературы, газет, журналов, альманахов, научно-популярных изданий и живой разговорной речи последних лет.

Авторы одной из опубликованных на справочник рецензий отмечают как несомненное достоинство словаря то, что в основе его лежат определенные теоретические обобщения и что составители стремятся объяснить причины, происхождение, взаимосвязь многих явлений современной речи[5]. Одновременно авторы рецензии указывают и на ряд недостатков. Например, в книге нет полной последовательности в квалификации рассматриваемых слов и выражений. Остались нераскрытыми некоторые понятия, которыми пользуются составители, такие, например, как «просторечие», «обиходная» (или «обиходная разговорная») речь, «экономия речи», «избыточность речи».

2-е издание Прав. рус. речи (1965) также посвящено «наиболее типичным случаям трудностей современного словоупотребления». Это издание более чем в полтора раза превышает по объему прежнее (ок. 600 словарных статей). Кроме того, в нем помещены отсутствовавшие в 1-м издании Краткий орфоэпический словарь и Справочный листок с кратким списком основных словарей современного русского языка. Расширены некоторые словарные статьи (*вне*, *коллега* и др.). Но в основном увеличение объема словаря произошло за счет включения новых словарных статей — *абитуриент*, *абориген*, *бездна*, *бессчетный*, *за*, *первенство* и т. д. Рассматриваются, например, некоторые варианты управления: *благодаря чего — благодаря чему*, *согласно чего — согласно чему* и т. д; представлены, хотя и в недостаточном объеме, собственно морфологические варианты: повелительная форма от гла-

---

[5] См., например: *Бельчиков Ю. А.*, *Вомперский В. П.* Правильность русской речи. Опыт словаря-справочника. Под ред. С. И. Ожегова. — РЯШ, 1963, № 5.

гола *ехать* (*езжай — ехай — поезжай*), употребление притяжательного местоимения *свой* в значении *мой*; форма рода слова *кофе* и нек. др. Авторы старались учесть те изменения, которые произошли в значении многих слов за последнее время. В справочнике представлены характерные процессы, совершающиеся в русской речи наших дней.

Определенный интерес вызывает представленный в книге краткий орфоэпический справочник, в основном опирающийся, как это оговаривают авторы, на названный выше орфоэпический словарь под ред. Р. И. Аванесова. В справочнике свыше 1000 слов, в которых наиболее часто встречаются ошибки в ударении. Помещаемые в нем слова имеют предупредительные пометы, указывающие на возможные искажения этих слов в речи.

В отношении пожеланий и замечаний, высказанных в адрес справочника, следует согласиться с В. В. Веселитским, который в своей рецензии отметил, что «неплохо было бы иметь в конце книги алфавитный указатель всех упомянутых слов с постраничными индексами. Это не только помогло бы быстро отыскивать интересующее нас слово, но и дало общий свод наиболее характерных случаев нарушения правильности современной речи, позволило легче ориентироваться во всей совокупности относящегося сюда материала» [6].

Среди трудных случаев употребления слов выделяются те, когда слова имеют общий корень, но разные приставки, суффиксы и т. д.: внешнее сходство их затрудняет различение по смыслу. Такие слова называют паронимами. Паронимия представляет большой интерес для культуры речи, так как именно из-за внешнего сходства слов и возникает множество ошибок. Этому явлению был посвящен вышедший в 1968 г. первый в русской словарной традиции словарь паронимов Трудн. случаи употр.

В книге — 180 словарных статей, в которых толкуются около 400 слов. В словаре рассматриваются пары и ряды слов: *абонемент — абонент*, *база — базис*, *выплата — оплата — плата*, *надеть* (*надевать*) — *одеть* (*одевать*) и т. д. Им посвящены отдельные статьи, в начале которых даны толкования сопоставляемых слов крупнейшими современными словарями и примеры их употребле-

---

[6] См.: *Веселитский В. В.* Правильность русской речи. Словарь-справочник. — РЯНШ, 1965, № 5, с. 91.

ния. В тех случаях, когда особенности слов связаны с управлением, приводится «схема управления». В некоторых случаях приводятся стилистические замечания, синонимы, антонимы. В словарных статьях содержатся также указания на сочетаемость паронимов с другими словами, дается характеристика этой сочетаемости, объяснение особенностей употребления рассматриваемых слов. В последнем разделе словарной статьи приведены примеры неправильного или неточного употребления паронимов, встречающиеся в литературе (с указанием правильного их употребления).

Словарь содержит много ценных наблюдений над различиями в значениях слов, в их сочетаемости с другими словами, в сфере их употребления. Круг сведений, данных в нем, значительно шире, чем обещано в названии: «Это не только словарь паронимов, но и, пожалуй, первый опыт словаря сочетаемости лексем» [7]. Этот справочник, как единодушно отмечают рецензенты, «полезен не только нашим читателям, которые найдут здесь немало рекомендаций, но и всем, кто изучает русский язык и для кого паронимы представляют одну из основных трудностей словоупотребления» [8].

Следует заметить, что в ряде случаев, связанных с разграничениями значений слов, авторы словаря несколько категоричны. Примером этому может служить статья, посвященная словам *бесталанный* 'неудачный, несчастный' и *бесталантный* 'лишенный таланта'. В современном языке слово *бесталанный* в значении 'лишенный таланта' можно считать литературной нормой. Кроме того, неплохо было бы поместить в конце словаря алфавитный указатель толкуемых в нем слов.

В 1968 г. был издан подготовленный на факультете журналистики МГУ Крат. сл. трудностей. Хотя справочник и имеет подзаголовок «Для работников печати», фактически он представляет интерес для широкого круга читателей, не говоря уже о том, что, как указано в Предисловии, «может быть использован студентами факультетов журналистики в качестве дополнительного учебного пособия к курсу практической стилистики русского языка и к специальным семинарам по языку и стилю газет» (с. 5).

---

[7] *Ицкович В. А.* Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Словарь-справочник. — РЯНШ, 1969, № 5.

[8] *Веселитский В. В.* Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. — Рус. речь, 1969, № 3, с. 16.

Словарь составлен на основе материалов газет, общественно-политических и научно-популярных журналов, радио- и телепередач 1956—1966 гг. Представленные в нем наблюдения показывают типичные ошибки современного словоупотребления. Всего в словаре около 400 словарных единиц. В справочнике рассматриваются трудности, связанные с неразличением слов с близкими значениями (*звать — называть — называться*; *плеяда — группа — ряд* и т. п.), с развитием в словах новых значений, не отраженных современными толковыми словарями (*новоселы театра*; *география билетных касс*), тавтологические сочетания (*январь месяц*; *своя автобиография* и др.), а также трудные случаи согласования (*в городе Шебекине, в городе Шебекино*), управления (*обеспечить чем-либо* и *удовлетворить в чем-либо*), образование и употребление грамматических форм, синтаксические варианты и т. д.

Авторы не просто делят употребление слова на «правильное» и «неправильное», но, что весьма существенно, проводят жанрово-стилистическое разграничение рассматриваемых словоформ. Таким путем в словаре удалось преодолеть некоторую прямолинейность, отчасти свойственную предшествующим изданиям. Одним из достоинств словаря можно считать то, что в нем различаются сходные явления. Рассматриваются не только отдельное слово и его употребление, но и ряды близких по смыслу и оттого чаще всего смешиваемых выражений (например, *авторитет*, *слава*, *уважение*, *известность*, *знаменитость*, *популярность*). Отдельные рекомендации словаря кажутся спорными или нуждающимися в уточнении; в некоторых случаях авторы просто фиксируют примеры, забывая о принципах отбора и оценки языковых явлений.

В 1974 г. вышло 2-е издание справочника Трудности рус. яз. Словарь составлен на том же материале, что и названный выше Крат. сл. трудностей, но уже за больший период — с 1956 по 1973 г. В связи с этим отдельные рекомендации, данные в 1-м издании, пришлось изменить, часть материала была вообще изъята (*автопортрет*, *адресовать*, *выпускать*, *впервые дебютировать* и т. д.) и заменена большим количеством новых слов, употребление которых на данном этапе развития языка является актуальным. Именно за счет новых слов словарь значительно вырос в объеме: он содержит 656 словарных единиц. Из новых слов, включенных в это издание, можно назвать

следующие: *абориген*, *автограф*, *агротехника*, *армада*, *ас*, *безответный*, *брак*, *венец*, *вернисаж* и пек. др.

К словарям лексического типа, ставящим перед собой целью исследование современной лексики на том или ином уровне, можно отнести и словари-справочники Новые слова и знач., Сл. назв. жителей (РСФСР) и Сл. назв. жителей СССР.

Словарь-справочник Новые слова и знач., открывающий серию публикаций «Новое в русской лексике», представляет собой опыт издания, дополняющего толковые словари русского языка словами, значениями слов, ставшими активно употребляться или появившимися в периодической и художественной литературе в 50—60-е годы XX в. Под новыми словами в данном словаре понимаются «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными» (Предисловие, с. 5).

Основными источниками словаря помимо художественной литературы явились также научно-популярные и общественно-политические журналы и газеты, главным образом тексты, относящиеся к 1965—1967 гг., в качестве вспомогательного материала использовалась Картотека Словарного сектора Института русского языка АН СССР (Ленинград), картотека словаря вариантов и трудностей словоупотребления, а также словари, отражающие разные периоды в развитии словарного состава русского языка.

Узость хронологических рамок и та задача, которую ставили перед собой авторы, — показать лишь то, что встретилось при анализе обследованного материала, объясняют неполноту, а порой и случайность отбора словарных единиц, помещенных в справочнике. В справочник входят в основном слова литературного языка, но также широко включена и лексика терминологического характера. Составители представили по возможности полно и последовательно все то новое, что возникает в той или иной отрасли знания, но главная цель работы в ином — показать все более широкое проникновение терминологической лексики в общелитературный язык.

В 1964 г. вышел Сл. назв. жителей (РСФСР), который содержит около 6 тыс. названий жителей для 2 тыс.

населенных пунктов Российской Федерации. Источниками словаря послужили произведения исторической, краеведческой, мемуарной, эпистолярной и художественной литературы, газеты, журналы, исторические документы.

Словарь этот интересен тем, что материал, на основе которого он составлен, позволил ему придать, по возможности, исторический характер, что делает «наглядным сам процесс возникновения одних названий и позднейшего вытеснения их другими. Этот процесс свидетельствует об исторической изменчивости и своеобразной жизни слов указанного разряда» (Предисловие, с 5). Например, для жителей города Москвы даны такие названия: *москвичи*, *московцы*, *москвитяне*, *московляне*, *москали*; для жителей Вологды — *вологжане*, *вологодцы*, *воложане*; для жителей Пензы — *пензенцы*, *пензяки*, *пензовцы*, *пензяне* и т. д. Помимо исторического изменения названий жителей словарь дает также и варианты современного употребления, например: *зубчане*, *зубцовцы*; *сегежцы*, *сегежане*; *гдовцы*, *гдовичане* и т. д. Предназначен словарь для работников печати, радио, телевидения, а также для самых широких масс читателей.

В 1975 г. был издан Сл. назв. жителей СССР. Он включает названия жителей всех союзных республик, входящих в состав СССР, и содержит русские названия жителей республиканских, краевых, областных центров, городов не ниже районного подчинения, а также некоторых населенных пунктов; в отдельном разделе приводятся названия жителей СССР по рекам, озерам, островам и т. д. Новым по сравнению со Сл. назв. жителей (РСФСР) является то, что в приложении даны названия жителей городов зарубежных стран: это является первым опытом их лексикографической обработки. Названия жителей приводятся в трех формах: в форме мн. числа (общего для муж. и жен. рода), в форме муж. и жен. рода. Если для одного населенного пункта существует несколько названий жителей, то первым приводится название, наиболее употребительное в литературном языке, затем менее употребительное, а также название устарелое. Акцентологические варианты названий жителей даются в скобках, например: *вя́зниковцы* (*вязникóвцы*), *ме́ленковцы* (*меленкóвцы*), *тляра́тинцы* (*тляратúнцы*) и т. д.

Задача словаря, по словам авторов, состоит в фиксации современного состояния патронимической лексики на ос-

нове первого употребления, поэтому строго нормативным словарь считать нельзя. «В качестве регулирующего, рекомендательного начала в нем выступают лишь порядок размещения слов — названий жителей и применяемые пометы» (Предисловие, с. 9).

В 1973 г. вышел в свет словарь-справочник Трудн. словоупотр. и варианты норм. Этот справочник характеризует те языковые факты, которые нуждаются в оценке с точки зрения правильности или неправильности употребления. По мнению составителей, назначение словаря состоит в квалификации тех явлений, которые принято относить к понятию «культура речи», имея в виду правильность речи, т. е. соблюдение норм литературного языка. По сравнению со всеми предшествующими ортологическими словарями справочник шагнул далеко вперед прежде всего по полноте охвата вариантов. Из общего количества (8000) слов в справочнике содержится около 1500 грамматических вариантов, к которым относятся помимо акцентологических словоизменительные, словообразовательные и синтаксические варианты.

Составители справочника, исходя из объективного характера литературных норм, учитывают тенденции их развития и изменения. «Словарь дает нормативную оценку фактам с точки зрения современного русского литературного языка в узком, или строгом, смысле слова как языка советской эпохи, пережившего значительные сдвиги фонетических, грамматических и лексических норм. Именно поэтому словоупотребление XIX века (а иногда и начала XX века) признается устарелым, ненормативным» [9]. Здесь можно найти ответ на вопрос о предпочтительности того или иного варианта, о грамматических и стилистических различиях и т. д.

По мнению автора одной из рецензий, «в словаре проявилось осторожное, хорошо продуманное и опирающееся на объективные процессы в современном словоупотреблении отношение к квалификации различного рода трудностей и колебаний норм, к выдвижению на первый план общепринятых вариантов, к оценке тех явлений, которые представляют различного рода ошибки и отклонения» [10].

---

[9] *Граудина Л. К., Скворцов Л. И.* Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. — РЯШ, 1974, № 1, с. 104—105.

[10] *Сороколетов Ф. П.* Новое пособие по культуре речи. — Рус. речь, 1973, № 5, с. 82.

Впервые в словаре широко представлены синтаксические варианты, показано управление в словосочетаниях типа *контроль за чем — контроль над чем — контроль чего*, *между камней — между деревьями — меж полей* и т. п. Много и новых рекомендаций, отражающих изменение норм, например: *жадность* (к чему), реже *жадность* (на что) и разг. *жадность* (до чего) и т. д. Отведено место и трудностям в употреблении аббревиатур (*ВАК*, *ЖЭК*, *РОЭ*, *ТАСС* и др.), собственных имен (*Джоуль*, *Моцарт*, *Ньютон* и др.), хотя эти разряды представлены недостаточно полно. Статьи справочника иллюстрированы примерами из периодической печати, художественной литературы, а в отдельных случаях и из разговорной речи.

В связи с универсальностью и новизной (до него русская лексикография не знала подобных словарей) словарь оказался не лишен некоторой ограниченности в выборе материала. Например, излишне категорично утверждение о склонении обеих частей в сочетании *Москва-река*, хотя многочисленные факты разговорной речи говорят о равноправном существовании и варианта *на Москва-реке*, *по Москва-реке* и т. п.

Авторы рецензий на этот словарь указывают также и на ряд ошибок следующего характера. При слове *прейскурант* и некоторых других не указана возможность употребления тавтологического сочетания *прейскурант цен* в оборотах типа *прейскурант розничных цен* и т. п. Словарь дает варианты: *времяисчисление* и устарелое *времясчисление*, но в аналогичном случае поступает иначе: *летосчисление* (не *летоисчисление*) [11]. Справочник дает в одной статье в качестве равнозначных слова *потек* и *подтек*. Однако нормативные толковые словари некоторые их значения различают (ср. *кровоподтек*). При слове *кровать* нет отсылки к статье «Койка», где говорится о разграничении в употреблении слов *койка* и *кровать*. Этот список замечаний можно было бы продолжить, но следует отметить, что подобного рода неточности вполне возможны в 1-м издании такого типа словарей и они совершенно не влияют на общую положительную оценку этого словаря, которая дана в статьях рецензентов и откликах читателей, увидевших в нем не только наиболее

[11] См.: *Граудина Л. К.*, *Скворцов Л. И.* Указ. соч.; *Дерягин В. Я.* Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. — ВЯ, 1974, № 2.

полный перечень вариантов слов и форм слов, существующих в пределах норм современного русского литературного языка, но и их нормативную оценку.

В таком же синтаксическом ортологическом жанре (если это определение допустимо по отношению к словарям) составлен и выпущенный в 1976 г. Сл. трудностей, предназначенный для широкого круга читателей. В нем помещено около 30 тыс. слов, представляющих, с точки зрения авторов, трудности самого различного характера. «Сюда относятся: написание тех или иных слов, их произношение, ударение, словоупотребление (в соответствии с точным значением слова, сферой его употребления, стилистической окраской), грамматическая характеристика слова (например, колебания в роде отдельных существительных), словоизменение (выбор правильной формы падежа и числа), формообразование (краткие формы прилагательных, личные формы глагола), сочетаемость слов (лексическая и грамматическая) и т. д.» (Предисловие, с. 3). Такая широта охвата материала объясняется самим назначением словаря — помочь читателю найти ответ на различные интересующие его вопросы. Поэтому в словарь включена наиболее общеупотребительная лексика. Эту основную особенность словаря подчеркивает в своей рецензии и Н. Т. Шелихова [12].

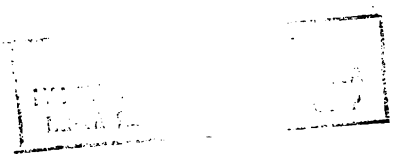
В связи с различным характером помещенных в словаре языковых трудностей неодинаков и тип словарной статьи. Заголовочные слова расположены в алфавитном порядке, на всех неодносложных словах стоит ударение.

Словарь Грам. прав. рус. речи продолжает ряд нормативных словарей русского языка. Словарь посвящен грамматике русского языка, точнее, тем ее моментам, которые связаны с возможностью выражения одного и того же значения с помощью вариантных конструкций. Словарной единицей данного словаря является не каждая отдельная лексема, а грамматическое явление, тип грамматического варьирования, в пределах которого объединяются многочисленные лексические единицы. Этим обусловлены и особенности построения словаря, заключающиеся в том, что его «словник» строится не по алфавиту, а по типам вариантов, которые представлены в трех разделах: I. Синтаксис. II. Морфология. III. Слово-

---

[12] *Шелихова Н. Т.* Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь трудностей русского языка. — Рус. речь, 1976, № 5.

образование. Словарь состоит из предисловия, вводной статьи, словарных статей, списков литературы и источников статистической выборки, таблиц, указателей имен и вариантов. Каждая из словарных статей (всего их 149) содержит развернутый комментарий, в котором рассматриваются данные грамматические варианты, их стилистическая окраска, смысловые отличия от других, сходных форм и оборотов, в необходимых случаях даются запретительные рекомендации. В каждой статье после заголовка, в котором не только называются грамматические варианты, но и дается грамматическая квалификация явления (например, после заголовка «Варианты типа *в цехе — в цеху*» дается грамматическая квалификация: «Предложный падеж единственного числа у существительных мужского рода на твердый согласный»), помещены статистические сведения о функционировании этих вариантов в речи. Они дают сведения о частотности каждого из вариантов в абсолютных числах и в процентном соотношении. Приводимые статистические сведения делают содержащиеся в словаре нормативные рекомендации более убедительными, объективными.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948—1965.

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд.

Грам. прав. рус. речи — *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи (Опыт частотно-стилистического словаря вариантов). Под ред. С. Г. Бархударова (отв. редактор), И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М., «Наука», 1976.

Грам. сл. рус. яз.— *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., «Рус. язык», 1977.

Крат. сл. несвобод. сочет. — Краткий словарь несвободных сочетаний русского языка. Сост.: И. П. Ермоленко, Н. Н. Кохтев, Э. Н. Леонова, Ю. Г. Овсиенко, Л. И. Широкова. М., Изд-во УДН, 1965.

Крат. сл. трудностей — Краткий словарь трудностей русского языка. Авторы-сост.: В. Н. Вакуров, Л. В. Рахманин, Л. И. Рахманова, И. В. Толстой, Н. И. Формановская. М., Изд-во МГУ, 1968.

Крат. сл. эпитетов рус. яз. — *Ведерников Н. В.* Краткий словарь эпитетов русского языка. Л., Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.

Крат. толк. сл. рус. яз. — Краткий толковый словарь русского языка (для иностранцев). Под ред. В. В. Розановой. М., «Рус. язык», 1978.

Крылатые слова — *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова (Литературные цитаты. Образные выражения). М., Гослитиздат, 1955; 2-е изд., доп. М., 1960; 3-е изд., испр. и доп. М., «Худож. литература», 1966.

МАС — Словарь русского языка, т. 1—4. М., Изд-во АН СССР, 1957—1961.

Материалы. . . Срезневского — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1—3. СПб., 1890—1912.

Новые слова и знач. — Новые слова и значения (Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов). Под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокина. М., «Сов. энциклопедия», 1971.

Обрат. сл. рус. яз. — Обратный словарь русского языка. М., «Сов. энциклопедия», 1974.

Опыт обл. вел.-рус. сл. — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Опыт сл. неправильностей — *Долопчев В.* Опыт словаря неправильностей русской разговорной речи (преимущественно в Южной России). Одесса, 1886; 2-е изд. Варшава, 1909.

Орлов, ФС — *Орлов А. П.* Полный филологический словарь русского языка, т. 1—2. М., 1884.

Орфограф. морск. сл. — Орфографический морской словарь (Опыт словаря-справочника). Сост. Р. Э. Порецкая. Под ред. Ф. П. Филина. М., Воениздат, 1974.

Орфограф. сл. — Орфографический словарь русского языка. Под ред. С. И. Ожегова, А. Б. Шапиро. М., ГИС, 1956; 15-е изд. М., 1978.

Орфоэпич. сл. рус. яз. — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы (готовится к печати).

Подроб. орфограф. сл. — *Зелинский В.* Подробный орфографический словарь. М., 1914.

Попов, СИС — Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Сост. М. Попов. М., 1904; 2-е изд. М., 1906; 3-е изд. М., 1907.

Пособие по лексич. сочет. — Пособие по лексической сочетаемости слов русского языка (Словарь-справочник). Сост.: Т. И. Анисимова, З. Э. Иванова, Л. Ф. Саковец. Минск, «Высшая школа», 1975.

Прав. рус. речи — Правильность русской речи. Авторы-сост.: Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов, при участии Н. И. Тарабасовой. Под ред. С. И. Ожегова. М., Изд-во АН СССР, 1962; 2-е изд. М., «Наука», 1965.

Рус. лит. произнош. и удар. — Русское литературное произношение и ударение (Словарь-справочник). Под ред. Р. И. Аванесова. М., ГИС, 1959.

Рыбаков, СИС — *Рыбаков И. И., Майданов Д. Т.* Новый карманный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Одесса, 1916.

$САР_1$ — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный, ч. 1—6. СПб., 1789—1794.

$САР_2$ — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. 1—6. СПб., 1806—1822.

Слитно или разд. — Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). Сост.: Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая, Л. К. Чельцова. Под ред. Д. Э. Розенталя. М., «Сов. энциклопедия», 1972.

Сл. Акад. — Словарь русского языка, сост. II Отд. АН, вып. 1—5. СПб., 1891—1916.

Сл. антонимов рус. $яз._1$ — *Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов н/Д., Изд-во Ростовск. гос. ун-та, 1971.

Сл. антонимов рус. $яз._2$ — *Колесников Н. П.* Словарь антонимов русского языка. Под ред. проф. Н. М. Шанского. Тбилиси, Изд-во Тбилисск. гос. ун-та, 1971.

Сл. антонимов рус. $яз._3$ — *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка. Под ред. Л. А. Новикова. М., «Рус. язык», 1978.

Сл. Даля — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, ч. 1—4. СПб., 1863—1866; 4-е изд., испр. и доп. Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ, т. 1—4. СПб.— М., 1911—1912.

Сл. назв. жителей (РСФСР) — Словарь названий жителей (РСФСР). Под ред. А. М. Бабкина. М., «Сов. энциклопедия», 1964.

Сл. назв. жителей СССР — Словарь названий жителей СССР. Под ред. А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. М., «Рус. язык», 1975.

Сл. неправильных. . . — *Огиенко И. И.* Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи. Киев, 1911.

Сл. Ожегова — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., ГИС, 1949; 12-е изд. М., 1978.

Сл. омонимов рус. яз. — Словарь омонимов русского языка. Сост. О. С. Ахманова, при участии Т. А. Ганиевой. М., «Сов. энциклопедия», 1974.

Сл. паронимов рус. яз. — *Колесников Н. П.* Словарь паронимов русского языка. Тбилиси, Изд-во Тбилисск. гос. ун-та, 1971.

Сл. рус. пословиц и поговорок — *Жуков В. П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., «Сов. энциклопедия», 1966; 2-е изд. М., 1967.

Сл. рус. яз. Грота—Шахматова — Словарь русского языка, сост. Вторым отделением Академии наук, А—Д. Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1891—1895; Е—З. Под ред. А. А. Шахматова. СПб., 1897—1907.

Сл. рус. яз. XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1—8. М., «Наука», 1975—1981.

Сл. рус. яз. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л., «Наука», 1977.

Сл. синонимов рус. яз.$_1$ — *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. Под ред. Л. А. Чешко. М., «Рус. язык», 1968.

Сл. синонимов рус. яз.$_2$ — Словарь синонимов русского языка, т. 1—2. Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., «Наука», 1970—1971.

Сл. синонимов рус. яз.$_3$ — Словарь синонимов русского языка (Справочное пособие). Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., «Наука», 1975.

Сл. сокращ. рус. яз. — Словарь сокращений русского языка. Сост.: Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров. Под общ. ред. Б. Ф. Корицкого. М., ГИС, 1963.

Сл. трудностей — *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь трудностей русского языка. М., «Рус. язык», 1976; 2-е изд., испр. М., «Рус. язык», 1981.

Сл. ударений — Словарь ударений (для работников радио и телевидения). Сост.: Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва. Под ред. К. И. Былинского. М., ГИС, 1960; 2-е изд. Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1967.

Сл. Ушакова — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4. М., ОГИЗ, 1935—1940.

Сл. эпитетов рус. лит. яз. — *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., «Наука», 1979.

Сл. яз. Пушкина — Словарь языка Пушкина, т. 1—4. М., ГИС, 1956—1961.

Сл. XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Под ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М., «Наука», 1966.

Сл. 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым Отд. АН, т. 1—4. СПб., 1847; 2-е изд. СПб., 1867.

Справ. место рус. слова — *Греч А. Н.* Справочное место русского слова. СПб., 1839; 2-е изд. СПб., 1843.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина, вып. 1—16. М.—Л., «Наука», 1965—1980.

Трудн. словоупотр. и вар. норм — Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка (Словарь-справочник). Ред. К. С. Горбачевич. Л., «Наука», 1973.

Трудн. случаи употр. — Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. Сост.: Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева. М., «Сов. энциклопедия», 1968.

Трудности рус. яз. — Трудности русского языка (Словарь-справочник журналиста). Авторы-сост.: В. Н. Вакуров, Л. И. Рахманова, И. В. Толстой, Н. И. Формановская. Под ред. Л. И. Рахмановой. М., Изд-во МГУ, 1974.

Устойчивые словосочет. — Устойчивые словосочетания русского языка (Словарь). Сост.: К. В. Регинина, Г. П. Тюрина, Л. И. Широкова. Под ред. Л. И. Широковой. М., «Рус. язык», 1977; 2-е изд. М., 1980.

Учеб. сл. сочет. слов рус. яз. — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М., «Рус. язык», 1978.

Фразеолог. сл. рус. яз. — Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. М., «Сов. энциклопедия», 1967; 2-е изд. М., 1968.

Частот. сл. рус. яз. — Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М., «Рус. язык», 1977.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

I. НОРМА В ЛЕКСИКЕ. СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

НАРОДНО-РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА И ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ—СЕРЕДИНА XIX В.) 5
Е. П. Ходакова

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ И НОРМА 37
Ю. А. Бельчиков

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА В 20-Е ГОДЫ XX В. И ПРОБЛЕМА НОРМЫ 47
Л. М. Грановская

О СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ (ОБЩЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА АББРЕВИАЦИИ И АББРЕВИАТУР В 20-Х—НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ) 70
С. И. Виноградов

ПРОБЛЕМА ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУССИЯХ О ЯЗЫКЕ 88
Н. Г. Бабай

О ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА (АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ СЛЕНГЕ 60—70-Х ГОДОВ) 104
Е. Г. Борисова-Лукашанец

ВАРИАНТЫ «БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ» («ЭКЗОТИЧЕСКОЙ») ЛЕКСИКИ 120
Н. Г. Михайловская

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РАЗВИТИЕМ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ НОРМ В ОДНОМ СИНОНИМИЧЕСКОМ РЯДУ НАРЕЧИЙ 139
А. Б. Пеньковский

II. НОРМА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И ВАРИАНТНОСТЬ 158
Б. С. Шварцкопф

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ЖИВАЯ НОРМА СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА 173
А. А. Брагина

К ТИПОЛОГИИ ФОРМАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЫ 182
В. А. Ицкович, Б. С. Шварцкопф

www.ruslang.ru

III. НОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ) 206
Л. И. Скворцов

СЛОВАРИ ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ И БЛИЗКИЕ К НИМ ПО ТИПУ. СЛОВАРИ ОМОНИМОВ, АНТОНИМОВ, СИНОНИМОВ (ОБЗОР) 225
Е. А. Вологдина

СЛОВАРИ ПРАВИЛЬНОСТЕЙ РУССКОЙ РЕЧИ И БЛИЗКИЕ К НИМ ПО ТИПУ (ОБЗОР) 243
Н. В. Новикова

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ . . . 259

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОРМА В ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *В. С. Матюхина*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*
Корректоры *Е. Н. Белоусова, Л. П. Стрельчук*

ИБ № 26728

Сдано в набор 10.10.82. Подписано к печати 23.02.83. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,86. Усл. кр. отт. 14,1. Уч.-изд. л. 15. Тираж 4550 экз. Тип. зак. 1860. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

1 р. 60 к.